

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

アズミハルコは行

不明

ЙЕН
МАКДОНАЛЬД

НЕКРОВИЛЬ

Звезды научной фантастики

Йен Макдональд

Некровиль

«Издательство АСТ»

1994-2008

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Макдональд Й.

Некровиль / Й. Макдональд — «Издательство АСТ»,
1994-2008 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-149163-5

Нанотехнологии радикально преобразовали законы жизни и смерти. Воскрешенные мертвецы теперь составляют практически одну треть населения Земли, они лишены прав, юридически не считаются людьми и стали главной рабочей силой нового общества. У них сложилась своя культура, образовались свои собственные гетто, некровили. А Ночь мертвых принадлежит только им. Пять человек входят в некровиль, чтобы исполнить данное друг другу обещание или же обрести смысл жизни. И чем сильнее пересекаются их судьбы, тем глубже они погружаются в жизни мертвецов, тем более невероятные сцены предстают перед ними. Они еще не подозревают, что эта ночь перевернет судьбу Земли и заложит основу новой истории, необратимо изменив человечество и открыв перед ним врата пространства и времени.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-149163-5

© Макдональд Й., 1994-2008
© Издательство АСТ, 1994-2008

Содержание

Некровиль	6
Утро и день	7
Закат – 21:30	38
21:30 – полночь	72
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Йен Макдональд

Некровиль

Ian McDonald

NECROVILLE

The Days of Solomon Gursky

The Hidden Place

Verthandi's Ring

The Tear

Necroville: Copyright © Ian McDonald 1994

The Days of Solomon Gursky: Copyright © Ian McDonald 1998

The Hidden Place: Copyright © Ian McDonald 2002

Verthandi's Ring: Copyright © Ian McDonald 2007

The Tear: Copyright © Ian McDonald 2008

© Наталия Осояну, перевод, 2023

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Некровиль

Триша, это тебе

Постулат Уотсона:

Забудьте о превращении мусора в нефть или астероидов – в груды «фольксвагенов», а также о том, чтобы повесить в гостиной точную копию Ван Гога. Первое, что мы получим от нанотехнологий, – бессмертие.

Следствие Теслера¹:

Первое, что мы получим от нанотехнологий, – воскрешение мертвых.

¹ Теслер – фамилия, в переводе с идиш означающая «плотник». – Здесь и далее прим. пер.

Утро и день

1 ноября

Утром на границе владений Сантьяго обнаружился мертвец, наполовину слившийся со стеной.

Вирткомб, пробужденный первыми спазмами небесного знака в пятидесяти километрах над городом, вышвырнул Сантьяго в реальный мир, навстречу грохоту, мерзости и свету зари. Нейроны один за другим отключались от виртуальных грез. Интимно льнувшие щупальца из тектопластика уползали прочь от передней части ушного лабиринта, полушарий, евстахиевых труб; освобождали зрительные нервы от своей хватки. Пленчатые схемы вирткомба отслаивались от черепа, позвоночника и гениталий, текли по коже, словно амниотическая жидкость, сползали с кончиков пальцев, чтобы вновь обрести вид трепещущей сферы из полумразумного нанополимера в ладонях, сложенных чашечкой. Introibo ad altare². Химическое пламя, пылавшее в крови всю ночь, превратилось в хлопя наркотического пепла на дне вен.

Мучительно корчился и горел алым пламенем небесный знак: искусственное полярное сияние из микроскопических светоотражающих текторов³, распыленных по всей тропопаузе⁴ и разоженных прикосновением солнца, которое еще не поднялось из-за гор на востоке. Свет падал сквозь прозрачную крышу студии, озаряя распростершихся на полу приятелей Сантьяго. Зловещие репетиции распятия. Игрушечные Голгофы. Святые и мученики.

Сантьяго коллекционировал святых и мучеников.

Он поместил уснувший вирткомб в резную урну для праха, купленную в каком-то из кишаших обитателями некровилей Вьехо Мехико. Скользнул взглядом по висящим на стенах зеркалам в роскошных рамах: уже не Владыка Паутины, ангел, облаченный в серебряную филигрань наносхем. Всего лишь Сантьяго Колумбар. Двадцати семи лет от роду, чуть выше двух метров ростом. Крупный. Нескладный. Черные волосы стянуты в практичную косицу, подчеркивая жесткие, словно горный пейзаж, черты. Нейрохимический художник, виртуалисто. Когда-то ему этого хватало. Не теперь. Теперь он не мог смириться, что не добьется большего. Останется Сантьяго Колумбаром – унылым, продрогшим, голым, недовольным, одиноким.

Смертным.

Одной из множества архитектурных причуд, унаследованных Сантьяго от предыдущего хозяина residencia⁵, был балкон. Как ни странно, он пережил трансформацию обиталища, осуществленную текторами-строителями. Балкон смотрел на запад – создатель задумал его в качестве места для вечеринок в сумерках, чтобы близкие друзья могли полюбоваться закатом над роскошными холмами Копананги. Сантьяго с него следил за приближением армии мертвецов.

Батисто, мертвый слуга, принес Сантьяго agua mineral, слегка pétillante⁶. Тот не пил ничего крепче. Кофеин и алкоголь добавляли в скрупулезно просчитанные формулы его химических снадобий непредсказуемые переменные.

² И подойду я к жертвеннику [Божию] (лат.). Псалтирь, Псалом 42, стих 4.

³ В буквальном переводе с латыни *tektor* – маляр, однако термин также может быть связан с греческим *tektōn* (τέκτων) – строитель, мастер, а также плотник (как и упомянутый ранее *tesler*).

⁴ *Тропопауза* – переходный слой от тропосферы к стратосфере.

⁵ *Residencia* – здесь: особняк (исп.).

⁶ *Agua mineral*, слегка *pétillante* – минеральной воды, слегка газированной (исп. и фр.).

Вуали рассветного небесного знака пульсировали над головой. Генетизированные обезьяны стрекотали, раскачиваясь на ветвях множества деревьев, растущих в Копананге. Комендантский час завершился, сегуридадос и их мехадоры – ночные стражи порядка – скрылись из вида. Врата в некровили открылись, границы на время исчезли. Живые и воскрешенные теперь могли проникать во владения друг друга. Между рассветным и закатным небесными знаками мертвые могли передвигаться среди живых – среди мяса, – но не становились им ровней. Жизнь оставалась жизнью, а смерть – смертью, невзирая на нанотехнологическое воскрешение. Ибо так гласило решение по делу Барантеса. Сорок лет прошло с тех пор, как мертвецы воскресли, и никому не удалось повергнуть этот столп нового миропорядка. История увековечила прецедент, пренебрегла проигравшей стороной. Что, где, когда, с кем случилось – в чем была суть эпохального судебного разбирательства? Йау-Йау⁷, умная маленькая адвокатесса, должна знать. Надо у нее спросить. Этим же вечером, в кафе «Конечная станция». Наверное, суть в деньгах. Вполне возможно, в наследстве. На то оно и *завещание*, чтобы драться за *вещи*. Иные слова весьма красноречивы.

Он сперва их услышал, потом увидел; армия мертвецов хлынула по каньону Копананга с его извилистыми улицами и огороженными владениями: мальчики на побегушках, садовники, повара, горничные, лакеи, шоферы, чистильщики бассейнов, дворецкие, спортивные наставники, личные тренеры, воспитатели, гувернантки, сиделки, няньки, секретари, ассистенты, скульпторы, художники, ремесленники, строители, каменщики, столяры, архитекторы, дизайнеры, массажисты, духовные проводники, любовники, секс-игрушки. Однажды женщина, которая называла себя Миклантекутли – его духовный проводник, любовница, мучительница и муза, – сказала, что мир живых покоится на ладонях мертвецов. Пять лет назад Миклантекутли ушла, отправилась к мертвым в некровиль Святого Иоанна⁸. Контракт с Домом смерти – вторая опора мироздания – был не для нее. Узаконенная кабала. Семейство Миклантекутли из агломерации Трес-Вальес могло позволить себе страховые полисы инморталидад⁹, чтобы рассчитаться с паромщиком. Единовременный платеж, с процентами. Утренний поток мигрантов, проникая на частную территорию через двери и ворота для прислуги, рассосался по гасиендам Копананги, по residencias и многоуровневым особнякам в ретро-стиле, в духе Фрэнка Ллойда Райта. Еще один рабочий день в раю. Сколько тысяч таких путешествий им предстоит совершить, чтобы рассчитаться за воскрешение с Домом смерти и непоколебимым одноглазым Ваалом, корпорацией «Теслер-Танос»?

Сантьяго большими глотками выпил свою газировку. Солнце приподняло над холмами Старого Голливуда светящуюся бровь.

– Еще воды, сеньор?

За три года Сантьяго так и не привык к обескураживающей способности Батисто предугадывать желания хозяина. Он принял вторую бутылку «Трес Мариас».

– Почему бы и нет? В конце концов, сегодня День мертвых. Salud¹⁰, Батисто.

– Salud, сеньор.

Беспросыпную, кристально-чистую тишину, заполняющую тенистые улочки Копананги, нарушил вопль. Отчаянный, жуткий и немыслимо долгий крик женщины, которая наконец столкнулась лицом к лицу с тем, чего боялась больше всего на свете.

Сантьяго вряд ли встревожился бы из-за очередного вопля с авеню Эстремадура, если бы тот не прозвучал прямо у него за воротами – коваными, ручной работы.

⁷ Для передачи особенностей кантонского произношения использована система, предложенная российским китаеведом К. А. Котковым, как наиболее точно отображающая произношение кантонского диалекта.

⁸ Подразумевается апостол Иоанн Богослов, с которым связаны как истории о воскрешении мертвецов, так и последняя книга Нового Завета – «Откровение Иоанна Богослова» («Апокалипсис»).

⁹ *Inmortalidad* – бессмертие (*исп.*).

¹⁰ «Ваше здоровье!» (*Исп.*).

Человеческие останки сплывались с нижней частью белой стены между воротами и проулком для прислуги. Сеньора Сифуэнтес – соседка, которую Сантьяго терпел из вежливости, – стояла там и тарасилась, вопреки явному желанию отвернуться. Вторник-четверг-суббота: на место казни ее привело собственное расписание утренних пробежек.

Сантьяго присел, чтобы получше изучить омерзительное зрелище.

Мертвец был мертв. Смерть от теслера ни с чем не перепутаешь.

– МИСТ-27, – высказал свое предположение Сантьяго. Кассетное самонаводящееся устройство. Игла из разумного тектопластика, вылетающая из теслерного дула с постоянным ускорением в двенадцать g, выискивающая жертву по резонансу биополя. В тридцати сантиметрах от цели игла разделялась на рой дротиков размером с зернышко кориандра, способных фатальным образом нарушить работу текторных систем воскрешенного мертвеца. Беспощадное оружие. *Настоящая смерть*, с которой даже Дом смерти ничего не мог поделаться. Единственное, чего боялись воскрешенные.

Теслерный заряд угодил дважды покойнику прямо в середину тела. Даньтянь¹¹, центр бытия. И небытия. Ниже пояса теперь не было ничего, кроме смердящего рагу из асфальтобетона и синтетической плоти. Руки тянулись из покрытой волдырями стены в бесплодной мольбе. Верхняя часть торса наклонилась вперед, как чрезвычайно правдоподобный барельеф. Сантьяго испытал зловещее, навязчивое чувство, что незнакомец пытался пройти сквозь стену, и нечистое мертвяцкое вуду его внезапно подвело. Голова трупа с печалью наклонилась влево. Прямо как у Христа на кресте. Да, у Иисуса было такое же выражение лица. Ужас, боль, гнев, скорбь, предательство. «Или, Или, лама савахфани!»¹², холодной сваркой прикрепленное к главному дну. В древности, на заре Эры Информации, бытовало суеверие: дескать, на сетчатке сохраняется отпечаток увиденного за миг до смерти.

Даже смерть не лишила убитого красоты. Мертвые были физически привлекательным племенем. Когда плоть можно разобрать на составные части и воссоздать в любой форме, совершенство рождается без труда, а молодость стоит дешево. Так же как уродство, дряхлость, причудливо-величавая монструозность, стильные и волнующие изъяны, лики и тела знаменитых кинодромных старлетов.

Генетизированные макаки со шкурами всех цветов радуги уже потрудились над пальцами, ободрали тектоплазму с синтетических костей. Одна обезьяна лежала в канаве дохлой кучкой переливчатой шерсти. Других ожидала та же участь: вероломная сладость мертвого мяса таила в себе отраву. Скоро слетятся птицы, чтобы исклевать глаза, уши и губы.

Сантьяго изучил мертвые руки трупа. Ладонь оказалась нетронутой.

– У него нет знака смерти? – озвучила миссис Сифуэнтес тревожную мысль, которая пришла в голову обоим.

Знак в виде буквы V: нисходящий штрих – жизнь плотская, подвластная энтропии; восходящий – жизнь вечная, воскрешенная; горизонтальная черта – неотвратимость смерти. Неуничтожимая печать Дома смерти. Очень редко спинные переменные во время реконфигурации могли отобразить знак на левой руке, а не на правой, но резервуары Иисуса никогда не давали осечки. Возродиться без печати – все равно что без рук, сердца, головы. Немыслимо.

У подножия стены лежала воплощенная загадка.

– Разве не надо... я не знаю... ну, убрать это или прикрыть? – спросила миссис Сифуэнтес, чье отвращение наконец-то пересилило любопытство. – Пока прислуга ничего не увидела...

¹¹ Даньтянь (кит.) – энергетический телесный центр в цигун и тайцзицюань.

¹² В синодальной Библии: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?» Фраза относится к последним словам Иисуса Христа, произнесенным на кресте.

– Позвоню в «Копананга Секьюритиз», – решил Сантьяго. – А пока что... Сеньора Сифуэнтес, вы испытали пренеприятное потрясение; если хотите, я прикажу слуге приготовить вам чай или что-нибудь еще.

Сеньора Сифуэнтес вежливо отказалась. Сантьяго никогда не забывал о том, что на зеленых от полива райских лужайках Копананги он в некотором смысле змей-искуситель. Он проследил взглядом за женщиной, которая тотчас же убежала, виляя обтянутым лайкрой задом, – поспешила в свой умный дом, чтобы там исцелиться от перенесенной травмы.

Его позвали из-за стены.

– Сейчас буду, Батисто, – откликнулся Сантьяго.

Опустившись на колени на согретой солнцем улице, словно в ожидании облатки с изображением Христа, Сантьяго обхватил ладонями голову мертвеца. Наклонился, поцеловал его в неживые губы. Они оказались мягкими и имели странный мускусный привкус.

Батисто повел Сантьяго через пышные заросли в той части владений, за которой долго не ухаживали. Когда даже собственный дом превращается в другую планету, пора пересмотреть образ жизни.

В рощице жакаранд, чьи ветви сгибались под тяжестью тропических эпифитов, обнаружился мертвый мехадор. Смертоносная машина застряла, покосившись, в неглубокой борозде. Вероятно, импеллеры внезапно отказали, что и повлекло катастрофические последствия. Ключевая голова, снабженная сенсорными системами, оцепенела в последнем дерзком выпаде. Теслер по-прежнему был нацелен на координаты жертвы. Сантьяго изучил оружие. Четыре снаряда в магазине, два пустых гнезда. Над идентификационными данными производителя и серийным номером виднелся трехчастный инь-ян «Копананга Секьюритиз».

Система аварийного восстановления отказала раньше, чем робот успел передать сигнал бедствия. Левая сторона отсутствовала, лапа исчезла в похожем на раковую опухоль слое черного шлака. В шлаке были глаза. А еще рты. Между глазами и краснотелыми ртами – пальцы длиной в сантиметр, но с черными ноготками и завитками отпечатков; они указывали в ту же сторону, куда смотрели глаза. В центре ударного кратера виднелось безумное скопление соединенных как попало шестиугольников. Из щелей между ними выползли маслянисто-черные насекомые и собрались жужжащим облаком над мертвым мехадором.

Неживой мертвец, которого не должно было существовать; неуничтожимый ангел-разрушитель, обращенный в руины. Тут крылась непростая загадка. И более того: знаки, чудеса. Духовные посланники, зловещие знамения. Накануне ночью – после того, как Мислав и Чита нырнули в виртуализатор, – Сантьяго молился, прижимая ко лбу галлюциногенного паука. «Дай мне знак: я хочу понять, все ли предрешено или еще нет».

Ты получил ответ, Сантьяго Колумбар?

Родители, которых он не видел десять лет – с тех пор, как они преобразились, чтобы стать частью Милапского сообщества водорослевых пловцов, – когда-то считали себя буддистами Нового Откровения; сам же Сантьяго если и интересовался ортодоксальной религией, то лишь в качестве системы верований, которую можно было сравнивать с аналогичными системами, а также с физикой, математикой и пост-Мандельбротовской экономикой.

Сантьяго верил в эстетику джанка. Он считал, что наркотики – альтернативная программа для компьютера, сделанного из мяса. В сочетании с виртуальной реальностью они превращались в инструменты для изучения пределов собственного «я». Понятливые машины с помощью ласковых гильотин отсекали дух от плоти и отправляли во тьму, в пустоту, и даже за пределы пустоты – в первозданный свет.

А потом в один прекрасный день Сантьяго проснулся (он мог с точностью назвать дату, время, микроклимат, мировые новости, курс тихоокеанского доллара по отношению к корзине соперничающих валют) и понял, что на него это больше не действует.

Двери личного опыта, через которые Сантьяго столько лет пытался удрать от самого себя, захлопывались одна за другой и впереди, и позади него. Этот процесс продолжался, почти неслышимый, вдоль длиннейшего коридора бытия, охватывающего его жизнь, вплоть до того зимнего утра в Калифорнии, почти год назад, когда последние двери закрылись и заперли Сантьяго внутри его сантьяжности. Некуда идти. Затем как-то ночью темный ангел прошептал ему, оцепенелому от сновидений: «Выход есть, существует лучший путь, путь для смелых, что ведет выше, если тебе хватит отваги на него ступить. Величайшая игра из всех».

Он целый год изучал эту идею, размышлял, планировал и готовился, но в конце концов ему не хватило отваги, чтобы сделать решающий шаг в одиночку.

Полиморфный дом сложил прозрачный панцирь, впуская хозяина. Сантьяго посвятил годы любовному преобразованию жилища в храм для тех, кто предпочитал сгореть, а не заржаветь. Коридоры и залы его гасиенды, имеющей склонность к оборотничеству, кишели монохромными образами тех, чья жизнь оказалась недолгой и яркой. Джеймс Дин. Бадди Холли. Джими Хендрикс. Мама Касс. Джуди. Витая пластиковая улитка, Комната Амадея – результат одного из ранних вторжений Сантьяго в обитель преждевременной смерти – автоматически воспроизводила избранные произведения Моцарта и наполняла воздух улучшателями настроения, созданными по рецепту хозяина дома. Комната Винсента погружала гостей в трепещущее многоцветье и унтертоны¹³, безупречно настроенные на шизофреническую волну. Где-то танцевала Айседора Дункан, и шарф колыхался позади нее, а мимо в опасной близости проносились антикварные авто бензиновой эпохи. Реагируя на тепло тела, включалась древняя мовиола¹⁴, и в уютном алькове на экране появлялось раскрашенное вручную распятие на кресте в версии Дэвида Уорка Гриффита¹⁵. Джим Моррисон и Джон Белуши играли разбойников, Гарри Чаплин и Чарли «Птица» Паркер подносили смоченную в уксусе губку ко рту Христа, а скалящий зубы Кит Мун тыкал копьём между пятым и шестым ребром, откуда истекали вода и кровь. Билли Холидей преклонила колени у подножия креста, играя роль Пресвятой Девы с тщательно выверенным соотношением скорби и пафоса, а Джин Харлоу была Марией Магдалиной, чьи уста слегка изгибались в порочной ухмылке. Дно старого бассейна вымостили мозаикой Энди Уорхола со знаменитым изображением Мэрилин Монро. Сантьяго там больше не плавал, а вот гости любили плескаться и нырять в воду, теплую, как кровь. Впрочем, в те ночи, когда жара в доме становилась невыносимой, он мог полежать ничком на своей Мэрилин, дыша через жаброкость и слушая неземную пульсацию Crossroads Роберта Джонсона¹⁶ из подводных динамиков, пока обезьяны прыгали и галдели в ветвях, шумно порицая вялое, но неумолимое вторжение блистающих диких тектозавров на свою территорию.

Сантьяго заглянул к гостям, питая надежду, что, пока он был занят снаружи, они уползли прочь, охваченные отвлечением к самим себе.

Свечи тошнило дымом. Лицо Мислава исказилось от потаенных мучений. Изыщные, похожие на серебристые перья узоры схем, из которых состоял его вирткомб, пылали неврологическим пламенем. Чита свернулась клубочком на паркете, сенсорная кожа сползла с ее грудей, живота, бедер. Ее глаза были закрыты. Губы беззвучно шевелились. На теле виднелись пятна рвоты.

Niños, niños¹⁷... Да будет вам известно: однажды все это перестанет действовать. Дельфийская мудрость с головокружительной высоты в двадцать семь прожитых лет.

¹³ *Унтертоновый звукоряд* – такой, в котором последовательность звуков обратна последовательности обертонов натурального звукоряда.

¹⁴ *Мовиола (moviola)* – аппарат для монтажа, изобретенный в 1924 г.

¹⁵ Речь идет об отрывке из шедевра немого кино «Нетерпимость» (Intolerance, 1916).

¹⁶ «Блюз на перекрестке» (Cross Road Blues; Crossroads, 1936) – одна из самых известных песен знаменитого американского блюзмена Роберта Лероя Джонсона (1911–1938).

¹⁷ *Niños* – здесь: дети мои (исп.).

Сантьяго закрыл дверь, продлевая пребывание гостей в личном раю или аду. Отправился в кабинет, чтобы заняться делами поважнее, чем юные Гензель и Гретель, взявшие друг друга на слабо у входа в логово ведьмы, промышляющей сладостями.

Кабинет Сантьяго был чем-то средним между комнатой и садом, в нем сочетался дух того и другого. Ставни из красного дерева не пускали внутрь жару копанангского дня, в такую рань уже душного: это означало, что муссонная влажность обернется разгулом стихий. Узкие полосы света падали на ковер из кокосового волокна, на антикварный деревянный стол, который Сантьяго начинил текторами, обрабатывающими информацию. Дерево и грезы. Он включил иконки на поверхности стола. Прогн стаей духов-прислужников умчались в недра паутины и призвали Миклантекутли.

«Визуальный блок, – моргнув, сообщили иконки. – Только голосовая связь».

– Сантьяго. – Голос раздался словно из пустоты. Умное, дорогое аудиоустройство. В последний раз Сантьяго видел эту женщину собственными глазами, когда над ее лицом закрывалась прозрачная крышка резервуара Иисуса. Обычно трупы умерших от передоза выглядели нетронутыми.

– Миклантекутли.

– Если хочешь играть по правилам, зови меня Миклан. У всех господних детишек должны быть клички. Правила стаи. Полагаю, раз уж эта беседа началась, ты все-таки собираешься в Ночь мертвых поучаствовать в старой доброй забаве про сладость или гадость?

– У меня тут мертвый мертвец и убитый убийца, Миклан, – они говорят, что я должен это сделать.

– Ах, Сантьяго, ты по-прежнему чересчур смысленный *sabrón*¹⁸. Мне так и не удалось тебя ничему научить.

– Ты научила меня всему, что я знаю.

– И теперь ты втюхиваешь мне эти знания обратно, в мешках для мелочи. Я буду в назначенном месте, в назначенный час, со стаей. Не бойся, Сантьягито.

Ее голос растаял в недрах стола.

Сантьяго не помнил, когда в последний раз пользовался текстовым редактором. Его приглашения на вечеринки обычно передавали из уст в уста, а еще – посредством лукаво подмигивающих виртуальных иконок или доставленных курьерами подарочных коробок, в каждой из которых таился паук с дизайнерским галлюциногеном в брюшке. Но предстоящее собрание требовало достойного зачина в виде письменного слова. Он поиграл с готическими черепами, мрачными жнецами, скрещенными костями, песочными часами и *danses macabres*¹⁹. Мягко говоря, банально. Это же не какой-нибудь карнавал с танцами и наркотой. Он целый год готовил путешествие к горьким корням души, странствие в сердце тьмы и за его пределы. Нужно что-то попроще. Итак, *Times New Roman*.

Сантьяго Колумбар приглашает... (проги подставят имена адресатов) в кафе «Конечная станция» (округ Святого Иоанна) на ежегодное празднование Фестиваля Владычицы мертвецов.

Абзац. Выравнивание по центру.

1 ноября, на закате.

Сантьяго призвал на рабочий стол несколько лиц и назначил их всех получателями. Прогн вверили приглашения паутине.

¹⁸ *Cabrón* – ублюдок, мерзавец (исп.).

¹⁹ Пляска смерти (фр.). Средневековая аллегория бренности жизни: Смерть, уводящая в могилу танцующих людей из разных слоев общества.

Он улыбнулся. Его улыбки случались реже летних дождей и тоже предвещали небыструю, но серьезную перемену погоды.

Жарко. Сантьяго нашел бутылку *agua mineral* в холодильнике. Плеснул воды на лоб, затылок, запястья. В кухню приплелась Чита – бледная, осунувшаяся, мертвее всякого истинного мертвеца, какого ему случалось увидеть.

– Еда? – жалобно прошептала она. Сантьяго кивком указал на открытый холодильник. Читы настиг внезапный спазм, она рванулась к раковине, где ее вырвало. Сгустки расплавившегося вирткомба остались на плиточном полу, как маслянистые следы от проползшего ночью тропического слизня.

Персоналка Сантьяго мелодично звякнула. Fiel²⁰ Батисто доложил из сада:

– Сеньор, *сегуридадос* взволнованы из-за уничтоженного мехадора. Подозревают инфекционное нарушение репликации.

Мальчишки-рыцари, отправляющиеся на бой с легионами упырей, наряженные в тектопластиковые доспехи и шлемы с проекцией данных на внутреннюю сторону стекла.

– И что же они собираются делать?

– Я цитирую, сеньор: выжигать заразу.

– Что ж, пусть поступают, как надо.

Сантьяго чуть подождал и услышал резкий, пробирающий до костей грохот мощной теслерной очереди.

Заросли кустарников полыхали в жарких лучах южного солнца. Зона пожара протянулась вдоль всего горизонта полосой черного дыма. Разведка с воздуха выявила группу пахицефалозавров в восьми километрах к юго-востоку: внешне они выглядели расслабленными, но сохраняли бдительность. Тринидад вообразила, как поднимаются головы с синими выростами на черепе, дергаются и раздуваются ноздри. Дым. Пламя. Кустарник горит! Две дурацкие мысли: пахицефалозавры появились на земле раньше, чем огонь. Любой огонь, с которым ей приходилось иметь дело, был плодом человеческих усилий, поэтому казался продуктом технологической эволюции. Как будто ничто не могло быть более первозданным, до-прометеевым. Вторая дурацкая мысль: пахи, значит, первозданные? Ну-ну...

На каждой великолепной шкуре чуть ниже грудины красовалась маркировка: © Корпорация «Уолт Дисней».

Второе, что дарует человечеству нанотех, – если цитировать PR-отдел «Диснея», который с радостными воплями попрыгал на постулате Уотсона про *первое*, – не что иное, как... динозавры!

УЗРИТЕ могучего диплодока и брахиозавра!

АХНИТЕ, когда настоящий птерозавр пролетит над вашей головой!

ИЗУМИТЕСЬ невероятным стегозавам, потрясающим анатозавам, поразительным анкилозавам!

СОДРОГНИТЕСЬ В УЖАСЕ при звуке шагов жуткого тираннозавра, самого кошмарного хищника из всех, кого знавала эта планета!

(Принимается оплата всеми основными типами валют и кредитных карт.)

Реальность оказалась немного иной.

ПОЛЮБУЙТЕСЬ прямо из своей уютной гостиной, как трицератопс уничтожит ваш сад.

УДИРАЙТЕ В СТРАХЕ, когда в два часа ночи игуанодон вломится в ваше жилище.

²⁰ Fiel – верный (исп.).

СГОРИТЕ В СВОЕМ АВТО, когда двенадцатитонный анатозавр пройдет по шоссе Шерман-Оукс в час пик и соберет машины высоченными горами металлолома по обе стороны дороги.

Суд перуанской особой экономической зоны, рассмотрев иск о возмещении ущерба, признал корпорацию «Уолт Дисней» ответственной за предоставление ненадежного и опасного продукта, что подразумевало принятие мер против той самой ошибки в текторной репликации и программной мутации, которая дала динозаврам возможность независимо существовать за пределами контролируемых зон и самовоспроизводиться. Совокупные выплаты истцам, коих были тысячи, нанесли «Диснею» смертельный удар. Динь-Динь сложила крылышки и скончалась.

Никто больше не верил в фей. Совсем другие крылатые существа рассекали воздух над трупом Диснейленда, восседали на карнизах из армированной стекловолокном пластмассы и зубчатых гребнях псевдо-Маттерхорна²¹.

Большие ископаемые ящеры, найдя климат побережья и вооруженное сопротивление местных жителей неблагоприятными, мигрировали вдоль десятой федеральной автострады на юго-юго-восток – в высокий чапараль²² южной Аризоны и северного Чиуауа. Остались, в основном, маленькие и живописно окрашенные. Их влекло к ярко освещенным местам, годным для фотосинтеза, они охотно питались полиэтиленом из мусорок, и довольно быстро для них нашлась экологическая ниша в прибрежной зоне. Со временем они даже стали вызывать у людей теплые чувства и превратились в предзнаменование чего-то хорошего, как аисты в Европе.

От главного аттракциона в парке развлечений до паразитов и «Последнего сафари»²³.

Группа прилетела с жаркого, влажного побережья накануне: Томас, Бенни, Пилар и Севриано (старший охотник), Эдж, Альбукерке, Вайя, Белисарио и Тринидад, а также их мертвые слуги. Этансия²⁴ привыкла к охотничьим отрядам, мертвый персонал был знаком со склонностью молодых и богатых к излишествам. Все поднялись до рассвета и выехали во тьму, которая медленно отступала, открывая истинные масштабы равнин. Ведомый мертвецами из этансии конвертоплан опередил их, чтобы поджечь кустарник, – и полоса желтого огня теперь манила охотников через светлеющую пустошь напрямик к добыче.

– В один прекрасный день какой-нибудь одержимый экологией придурок выбьет для них охраняемый статус, – сказал Белисарио. Тринидад притворялась, что любит этого мужчину, так как он притворялся, будто любит ее. – Охоту разрешили только потому, что местные землевладельцы все время жаловались на погубленные пастбища, а потом кто-то сообразил, что на разведении динозавров можно заработать больше, чем на разведении крупного рогатого скота.

На стеклах темных очков вились струйки дыма, пока он осматривал горизонт.

Прошло тридцать восемь дней, и период полураспада их романа истек. Но никакого рекорда по краткости; Тринидад удивлялась, что Белисарио удалось так надолго удержать ее внимание. Забавно, ведь он-то как раз все время смотрел на что-нибудь новенькое через свои сканирующие очки. Например, на женщину, которая соблазнительно прильнула к рулю охотничьего багги²⁵. Ту самую, с бесконечными ногами. Она знала, что он смотрит. Глаза у нее

²¹ Подразумевается аттракцион Matterhorn Bobsleds, чья форма основана на характерных очертаниях горы Маттерхорн – одной из самых трудных для восхождения вершин в Пеннинских Альпах.

²² *Чапараль* (от исп. *chaparro* – кermесовый дуб) – растительное сообщество из однородных и относительно невысоких кустарниковых зарослей.

²³ «*Последнее сафари*» (The Last Safari) – британский приключенческий фильм 1967 г. об охоте на слонов в Африке.

²⁴ *Этансия* – крупное скотоводческое поместье в Аргентине и Чили.

²⁵ *Багги* – небольшой автомобиль для езды по бездорожью.

тоже были симпатичные, и к тому же дорогие. Но плати, пока не треснешь, – взгляд все равно не поумнеет.

Вайя Монтес.

Ты хочешь сразиться со мной за него, Вайя Монтес с выточенными на заказ бедрами? Да, ведь ты из тех, кто борется за любовь, потому что думает, будто иного способа убедиться в ее подлинности не существует. Я когда-то была такой же и сейчас не стала мудрее, просто утомилась.

Итак: Тринидад дарит его тебе, милая Вайя; Хосе-Мария Белисарио не стоит грязи в моих волосах, он просто еще одна памятная отметина на моей руке. Возьми его, и я зажгу за тебя свечу на алтаре Нуэстра Мадре, Царицы Ангелов, что под дубом в миссии, – полюби этого мужчину, как я не смогла. Я... что-то к нему чувствую, но это не любовь.

Вот и все, на что она была способна с тех пор, как крышка резервуара Иисуса закрылась над останками Переса: *что-то*. Отчаянно желая раствориться в других людях, Тринидад взяла штурмом сложную социальную и сексуальную геометрию элиты-серристос²⁶, но после всех усилий обнаружила одно: отношения ломались, как истлевшие кости, потому что напиться их она могла лишь... чем-то. Она боролась, сражалась, не жалея сил и воли, она собрала два десятка бледных V-образных памятных шрамов на темно-коричневой коже предплечий: все это были мужчины, к которым Тринидад ничего не чувствовала, пытаясь превратить «что-то» в любовь. Но шрамы – слишком дорогая цена за «что-то».

Конвертопланы прошли низко над кустарником, рокоча. Всколыхнулась пыль на сухой, как череп, земле и пепел от костров, в которых мертвые слуги что-то сжигали.

– Угостить?

Вайя Прекраснобедрая прищурилась на фигуру, заслонившую свет, и медленно узнала в ней Тринидад.

– Я про мескаль. Угостить? – Фляга была из новоиспанского серебра, четырехсотлетняя, покрытая красивой патиной и приятно лежащая в руке. Обычно говорили, что такого теперь не делают. Только вот нынешняя экономика в городе с двадцатью двумя миллионами жителей, из которых половина были обездоленные мертвецы, вернула Эру Ремесла, возродила ее, воссоздала, словно выкопала из могилы, что вошло в привычку с наступлением Эпохи Воскресших. – Хороший. Бог-Ягуар бы одобрил.

Вайя Монтес открутила крышечку фляги.

– Насколько они далеко?

Тринидад призвала на стекла очков данные с кружащегося наверху конвертоплана.

– Примерно в шести километрах от нас, опережают пожар со скоростью около двадцати километров в час. Их шестнадцать.

– Значит, осталось пятнадцать-двадцать минут. – Красавица Вайя тряхнула шевелюрой и запрокинула голову, глотая галлюциногенную жидкость. Вытерла рот тыльной стороной ладони, надула губы при виде красного размазанного пятна от помады и повозила рукой о штанину камуфляжных шорт. – Иисус, Иосиф и Мария... Мне надо привести лицо в порядок.

Тринидад отошла к кромке маленького лагеря – туда, где были припаркованы багги и коротали время их мертвые водители, – позволила сканирующим очкам упасть с лица и повиснуть на шнурке. Линия выжженной растительности превратилась в прочерченную углем границу высокогорной равнины, но вид от этого не стал менее потрясающим: пейзаж простирался куда ни кинь взгляд, отражая изгиб планеты. Низкие утесы, обточенные еще палеозойскими реками, лежали позади лагеря, как будто прищипливая его к выжженному солнцем ландшафту, где опаленный кустарник дожидался осенних муссонов; если бы не они, одиночество и агорафобия были бы всепоглощающими. Как и все охотники в отряде, Тринидад выросла под сенью

²⁶ Вероятно, термин происходит от испанского глагола *cerrar* – «закрывать».

высоких деревьев, во влажной жаре побережья, где не было горизонта, только деревья и дома, падающая вода и неторопливые, холодные тени мертвецов. То был пейзаж, в который можно завернуться, словно в одеяло. А этот край своей необъятностью обнажал душу, сдирая все покровы и проверяя на прочность.

Что случится, если застрять тут в одиночку?

Умрешь. Без надежды на воскрешение. Останутся от тебя чисто объединенные кости и ухмыляющийся череп. *Настоящая смерть* как она есть.

Тринидад отпила из фляги – уровень мескаля понизился на три пальца.

«Гори во мне; пусть от моих чувств не останется даже шлака».

– Сеньора?

Мертвой женщине на вид было лет двадцать пять, но, если бы она продолжала жить, ей бы перевалило за девяносто. Тринидад, дитя Поколения Зеро, не боялась мертвецов, в отличие от многих, кто родился до Эпохи Воскресших.

– Да, Сула?

– Вам письмо. Пришло через прогу багги.

Что и следовало ожидать. Она никогда не бывала на жутких сборищах в честь Ночи мертвых в кафе «Конечная станция» и не собиралась туда ходить. Компания испустила дух; бывшие связи уже не воскресить. Тринидад даже не понимала, пробуждает ли этот факт тоску. Сула вручила ей открытку.

«Сантьяго Колумбар приглашает Тринидад Мальконуэло...»

Ветер высоких равнин трепал ее волосы, заставлял полы жакета колыхаться, а шнур от очков – петь, словно туго натянутая струна.

Тринидад была наслышана о Сантьяго Колумбаре задолго до знакомства. Возьми нон-контратисто из долины или серристо с холма – любой из них не только слышал про него, но обязан одной из лучших ночей за всю жизнь кое-каким из его веществ. Когда Перес сообщил, что неподражаемый Сантьяго Колумбар в числе участников того же причудливого маленького сборища друзей, куда входит он сам, от перспективы познакомиться-поболтать-переспать с великим виртуалисто ее как будто ударило током. В тот раз тоже была Ночь мертвых. На жарких, пыльных улицах бесновался темный карнавал.

Говорят, не стоит встречаться с писателем. Воображение Тринидад мгновенно перескочило от влажного прикосновения его губ к тыльной стороне ладони к массе его тела, навалившегося сверху: вот оно выдавливает воздух из легких, гнет ребра, ломает их, дробит ее таз, слепо совершая возвратно-поступательные движения; вот ее стройные темные ноги пытаются обхватить его могучий торс. Живая легенда оказалась слишком материальной, смертной, плотской. Сантьяго Колумбар пробудил в ней ужас.

Она призналась в своих страхах Йау-Йау, пока они сидели у камина и слушали, как муссон стучит по черепице, и адвокатесса прошептала, что Сантьяго не гетеро- не гомо- и не бисексуален, а в каком-то смысле вообще не испытывает сексуального влечения.

«Я даже не знаю, что его заводит, – сказала Йау-Йау. – Кроме самого себя. Получается, он аутосексуален».

– Ответ будет, сеньора?

Тринидад потрянула головой: непрошенные эмоции странным образом лишили ее дара речи. Йау-Йау, Камагуэй, Туссен и да, Сантьяго; ни один из них не понимал. Тринидад не хотела отправляться в некровиль, потому что боялась встретить там Переса. Это был парадоксальный, обоюдоострый страх. Она боялась, что он по-прежнему ее любит даже после смерти, но одновременно – что любовь умерла вместе с ним; что она всего лишь тень по ту сторону

полупрозрачной крышки резервуара Иисуса, и что где-то среди многоквартирных домов, трущоб и *cabañas*²⁷ он отыскивал новых, более странных возлюбленных.

Ударная волна от последнего прохода конвертопланов рывком вернула ее к настоящему моменту, месту и внутрь самой себя. На фоне дыма появилась желтая завеса пыли: бегущие пахицефалозавры. Охотничий отряд приготовился. Мертвые водители встрепенулись. Моторы багги сперва взревели, а потом перешли на тихий, коварный гул. Разметчики добычи и съемщики шкур, нанятые в окрестных городках, побежали к грузовикам, которые следовали за охотниками. Нонконтратистос – бедные, как церковные мыши; новый низший слой общества, утративший все привилегии из-за экономики, основанной на труде воскрешенных. Мертвым и то лучше, твердили нонконтратистос, но не спешили проверить на собственной шкуре, насколько.

Охотники зарядили пулеметы и проверили, как слушаются вертлюги. Защелкнулись ремни безопасности. Все надели бронированные шлемы и подсоединили интерфейсы к компьютерам-наводчикам. Внутри каждого забрала вспыхнули проверочные символы.

– Я тут, Тринидад!

– Привет, Тринидад!

– Подстрелишь одного, Тринидад?

– Всади в кого-нибудь иголку вместо меня, Тринидад!

– Люблю тебя, Тринидад.

– Вечером отпразднуем, Тринидад!

Томас, Бенни, Пилар, Севриано, Эдж, Альбукерке, Белисарио и Вайя выстроились в шеренгу; водители ждали приказа старшего охотника Севриано, чтобы ринуться в бой.

Легким движением руки Тринидад переключила новейшую модель охотничьего обмундирования из режима цветистого болеро в режим пыли и ржавчины высоких равнин. Блеск цепей и металла. Щелк: магазин. Клац: ремни безопасности. Щелк: надеть шлем, запустить системы. Оружие на магнитном лафете скользило, как по маслу. Сула заняла водительское место, и по ее приказу двигатели начали рычать и ворчать.

– За дело.

Багги выдвинулись в путь. Кто-то без единого микрограмма иронии в душе закидал огонь земель. Фронт охоты расширился, образовав убийственную цепь длиной восемь километров. Девять пар параллельных следов шин веером разошлись от отпечатков ботинок и россыпи биоразлагаемых упаковок из-под «Маргариты 4-к-1». Тринидад заняла место на юго-западном конце цепи; Вайя, ее ближайшая соседка, ехала в полукилометре к северу. Девять пылевых шлейфов приближались к линии пожара. Пахицефалозавры находились между багги и пламенем. Дальность стрельбы – три километра, цель неподвижна. Тринидад представила себе, как громадные самцы поднимают головы, увенчанные синими выростами-таранами, и чуют в воздухе химические сигнатуры немыслимых врагов. Оружие Вайи заблестело, словно гелиограф²⁸, передающий сигналы: соседка проверяла секторы обстрела.

Внезапно на севере всколыхнулась пыль, словно от взрыва. По визору Тринидад посыпались цифры, а динамики шлема завопили от чистейшего возбуждения. Стадо поднялось и бежало во весь опор параллельно охотничьей цепи, направляясь прямо на юг, в пустоши Господнего края. Они собирались вцепиться в глотку Тринидад. Когда Сула крутанула руль и прибавила скорости, чтобы броситься наперерез удирающим пахизаврам, из-под колес взметнулась грязь, а саму Тринидад не вышвырнуло в пурпурные заросли шалфея лишь благодаря ремням, которые сильно врезались в грудь. Пока багги прыгал и трясся, она вцепилась в двойные рукояти большого охотничьего пулемета «Макино», словно они были ее последним шан-

²⁷ *Cabañas* – хижины (исп.).

²⁸ *Гелиограф* – разновидность оптического телеграфа.

сом на отпущение грехов. В облаке пыли мелькнуло пятно, там что-то двигалось, какой-то намек на цвет, форму, массу... Тринидад развернула «Макино» и рефлекторно опустошила целый магазин, прежде чем *merda*²⁹ поняла *merda* что это были всего лишь *merda* дейнонихи *merda merda merda merda*. С полностью заряженными солнечными конденсаторами, усиливающими мышцы, эти твари могли разогнаться до максимальной скорости в восемьдесят километров в час и играть в догонялки с багги, пока у того не останется в баке ни капли газа³⁰. Плохая охота. Пустая трата иголок. Дейнонихи и пахицефалозавры обитали бок о бок, несмотря на сорок миллионов лет и несколько тектонических сдвигов, разделявших два вида.

Вот вам и магия Диснея.

Тринидад извлекла пустой магазин, вставила новый, от сосредоточенности стиснув зубы, стараясь не потерять равновесие из-за рельефа местности, скорости, рывков. А еще пыли. И дыма. Дыма?.. В пятидесяти метрах от пожара Сула развернула багги, закидав пламя лавиной пыли и практически подставив шлем Тринидад под морду разъяренного пахицефалозавра-самца. Две тонны полуфотосинтетического самовоспроизводящегося тектопластика рванулись ей навстречу, с учетом скорости сближения сто пять километров в час расчетное время контакта составило 3,33 секунды, которые замкнулись в кольцо. Пятиметровый орнитопод верхнемелового периода навис над Тринидад, его ярко-голубая башка выглядела божественно и одновременно нелепо. Тринидад закричала. Зажмурилась. Выстрелила.

Она открыла глаза. Ее пальцы были крепко-крепко сжаты на двух спусковых крючках. «Макино» бесплодно и судорожно кашлял. Багги резко остановился. Тринидад ощутила земное притяжение. Нейротоксины достигли мозга существа. Пахицефалозавр остановился: убит. Резко выпрямился: убит. Развернулся: убит. Когда он упал, Тринидад это ощутила – казалось, она сбила с небес луну. Палеонтологическое вуду; не могло ли случиться так, что она, прикончив подобие, необъяснимым образом уничтожила истинную плоть, кожу и кости в Монтане позднемеловой эпохи? Причина вымирания динозавров: симпатическая магия. Мороз по коже.

Второй багги вышел на орбиту вокруг нее, сидящий сзади стрелок вскинул кулак, восторженно крича: «Твою ж мать, Трини!» снова и снова. Она подумала, что это может быть Томас или Бенни; голос мужской. Все выглядели одинаково в шлемах с опущенным забралом. И без шлемов тоже. Они двинулись прочь, стремясь выйти на более важную орбиту основной охоты, к юго-востоку от пожара. Стадо пахицефалозавров – два альфы, два подчиненных самца, восемь самок, четыре подростка – согнали в охваченную паникой, ревущую кучу. Громадные самцы опустили головы с костяными наростами, бросая вызов, собираясь атаковать, сойтись лоб в лоб с кружащимися багги и орущими фигурами за большими, нацеленными с помощью компьютеров «Макино». Пыль вздымалась спиральным облаком. Конвертопланы распыляли ингибиторы горения вдоль линии пожара, и казалось, им не терпится приступить к разделке добычи. Сула отыскала хозяйке место на арене.

Началась резня.

Хайку:

Японское стихотворение из семнадцати слогов.

Балконные перила в квартире на девяносто девятом этаже – лента из реконфигурированного углерода шириной пятнадцать сантиметров под ногами Туссена. Вихревые потоки, поднимающиеся по спирали вдоль хаотической геометрии шпилья Сан-Габриэль, пытаются лишить его равновесия, но Туссен не теряет опоры. Перед ним гигантский каньон, на дне которого, на полтора километра ниже, течет асфальтовая река бульвара Гувера; за спиной, в пентхаусе на

²⁹ *Merda* – дерьмо (исп.).

³⁰ *Газохол* – распространенная в США разновидность автомобильного топлива, смесь бензина и спирта в варьирующей пропорции.

вершине шпиля, голос отца обращается к пустоте. Запись: в последний раз Туссен и его отец разговаривали друг с другом шесть лет назад.

– ...расчетное время выхода флота Свободных мертвецов на околоземную орбиту составляет от шести до пятнадцати часов. Модальная точка – восемь часов двадцать шесть минут, девятнадцать семнадцать по западно-тихоокеанскому времени. Орбитальные промышленные установки корпорации будут эвакуированы...

Не общение, а сплошной обрыв связи.

– ...упреждающие удары, нацеленные на зону реконфигурации в кратере Циолковский на обратной стороне Луны, будут нанесены через шесть часов после пиковой вероятности контакта. Планетарная оборона переведена в режим полной боевой готовности, достижение максимальной эффективности предполагается через пять часов девятнадцать минут...

Почему ты говоришь мне это, отец, все тем же неизменно спокойным и рассудительным голосом, изрекающим истину и гарантированно пробуждающим во мне упрямство? Почему ты до сих пор ничего не понял?

Наследником родился, наследником помрешь, и неважно, что от наследства ты отказался; тебя все равно будут информировать о происходящем, как любого исполнительного директора. Неужели кто-то вообразил, что одна паршивая овца, вернувшаяся в стадо, один блудный сын, признавший свою неправоту, может сделать так, что корабли-хлопушки Свободных мертвецов уберутся восвояси, заберут свои прибабасы для рытья и копания, вернуться в вакуумные леса и города, растущие прямо под звездами, и можно будет снова верить, что Луна сделана из сыра?

Единственное, что Туссен покинул с сожалением тем утром, когда наконец улетел прочь из отцовского мира, – черный резиновый диван, покрытый мягкими шипами³¹. Он бы никогда не вернулся, если бы не аккуратно отпечатанный пригласительный – такие раз в год выпадали из домашнего 3D-принтера на покрытую пылью столешницу. Шесть прямоугольников лежали как попало, и на каждом последующем слой пыли был на несколько микрон тоньше.

Легкий Туссен колыхается на ветру. Теломоды (он ненавидит неологизмы, но в Гнезде Лодога общаются в основном на жаргоне) подарили ему высоту за счет веса. Его тело ангельски-прозрачное, словно у жертвы голода. Да, он и есть ангел голода. В случае с Туссеном надо понимать, что таков результат безжалостного стремления к эстетическому идеалу. Его белая кожа – редкость в агломерации Трес-Вальес – лишь подчеркивает то, насколько радикальным образом преобразилась плоть. В нормальном человеческом теле нет костей, которые выглядят *вот так*, торчат *вот отсюда*. Туссен – исключение из правил. Он доволен сделкой. Его обесцвеченные волосы стоят дыбом, обрезанные по прямой. Глаза полностью черные: линзы-поляризаторы. Подобно орлу, он может заглянуть солнцу прямо в очи. Подобно орлу, взирает на мир с высоты.

На севере лесистые холмы трепещут под покрывалом жаркого воздуха, насыщенного влагой вследствие эвапотранспирации³². Даже ветровые турбины, оседлавшие гребни гор, слишком измождены от влажной жары, чтобы вращаться. Привычная оранжево-коричневая фотохимическая глазурь³³ сгущается в долинах, в изолированных микроклиматических карманах клубятся зеленый и желтый цвета. Хуэнь твердит, что это священные, тайные места, где смог такой старый, плотный, сложный и насыщенный загадочными химикатами, что он мутировал в галлюциноген, преображающий реальность.

³¹ Вероятно, подразумевается «MTV-диван» (или его копия) в виде губ, покрытых резиновыми шипами, созданный в 1993 году дизайнером Крейгом Моррисоном.

³² *Эвапотранспирация*, или *суммарное испарение*, – количество влаги, переходящее в атмосферу в виде пара из почвы и с поверхности растительности.

³³ *Фотохимический смог* – продукт реакции оксидов азота и углеводов, происходящей под воздействием солнечного света.

Туссен предчувствует скорое окончание жары. Где-то над океаном колоссальная спиралевидная туча торопится к берегу, обремененная первыми зимними муссонами. Да будет дождь. Пусть низвергнутся на землю бури, вестники войны и слухов о войне, готовой начаться там, над тонкой пленкой атмосферы.

*Гляжу на судьбу свою,
Спиной оборотившись к наследству.*

В километре к югу от пинакля, на котором устроился Туссен, высится тектоготическая филигрань шпиля Сан-Мигель. На таком же расстоянии к западу башня Сан-Рафаэль довершает ангельский собор Святого Семейства. Все три башни корнями уходят в аркосанти³⁴ «Теслер-Таноса», занимающий пересечение бульвара Гувера и Третьей авеню так долго, что даже мертвецы с самыми обширными воспоминаниями забыли, что у города когда-то был другой центр. Подобно фрейдистской влажной мечте Гауди, три пика остаются незавершенными – и завершить их по определению невозможно. Текторы-шахтеры постоянно вскапывают недра в поисках полезных ископаемых; текторы-транспортники поднимают добычу молекула за молекулой выше жилых уровней, через регуляторы расхода, недооформленные тетраэдры и разновсякую орнаментальную мишуру на вершины, где текторы-каменщики манипулируют ими, придают форму и творят облик здания. Юный Туссен любил выходить голым на свой балкон и прижиматься к стене шпиля, чтобы кожей ощутить медленное осмотическое скольжение земного вещества. Как среди *arcosantistos*, так и среди мертвых, живущих в тени башен за воротами некровиля, существует поверье: в тот момент, когда шпили перестанут расти, они начнут умирать, а вместе с ними и корпората «Теслер-Танос».

– Аминь, – говорит Туссен, – *Села*³⁵,
Мир – лишь песочница
Для игры моего отца.

Слогов больше, чем надо, но в хайку, как и во всем остальном, он – ученик.

Стоя на краю, Туссен медленно поднимает руки.

И падает вперед, в пустоту.

В отсутствие сопротивления воздуха объект той же массы, что и тело Туссена (или любой другой массы – разве вы не видели, как молот и орлиное перо падают на Луне?), ударился бы о выездную полосу бульвара Гувера со скоростью сто девяносто три километра в час через двадцать две секунды после прыжка с перил пентхауса на девяносто девятом этаже.

Первая секунда. Туссен падает мимо балконов нижних этажей. На одном из них загорает нагая женщина. Сцены из полувиртуальной мыльной оперы шествуют парадом по линзам ее очков. Она не видит, как Туссен несется мимо. Его глаза закрыты. Руки раскинуты, он распят в воздухе. Он вспоминает тот день, когда пришел в высокую башню отца, чтобы показать, что мясные реконструкторы Некровиля сделали с его плотью. Он помнит необъятность комнаты; внушительную протяженность слегка радиоактивного гранита с вкраплениями слюды, послеполуденный свет, падающий сквозь решетчатые стеклянные стены, и то, каким маленьким казался отец, сидящий за столом из живодерева, а также помнит генетизированного павлина, размахивающего красивым и тщеславным хвостом по правую руку от хозяина, и текто-

³⁴ *Аркосанти* – здесь: экспериментальное сооружение, построенное по принципам аркологии (т. е. с минимальным воздействием человека на окружающую среду).

³⁵ *Села* (*selah, ивр.*) – слово, которое многократно встречается в древнееврейском оригинале Псалмов. Точный перевод неизвестен; предполагается, что это какая-то инструкция, связанная с исполнением текста («пауза», «повторение», «крещендо» и т. д.).

завра с изукрашенной сапфирами шкурой и аквамариновыми глазами, повисшего вниз головой на насесте, – по левую.

Он был готов ко всему, кроме отцовских слез. Руки, которые обнимали его, пальцы, которые ощупывали все еще болезненные швы и контуры подкожных имплантатов, потрясли искренней привязанностью, более болезненной, чем любой отказ. Он даже не смог сыграть роль Люцифера, объявить о своем великом *non serviam*³⁶ и пропади оно все пропадом, отбросить роль и наследство, уготованные ему в корпорате «Теслер-Танос» – отец загубил все это на корню.

Воспоминание о единственном миге, словно моментальная фотография.

Вторая секунда. В два раза больше балконов. Мужчина, стоящий спиной к небу и любующийся интерьером своей квартиры, успевает заметить отражение падающего Туссена в богато украшенном антикварном зеркале. Все зависит от системы координат. С точки зрения Туссена, именно аркология «Теслер-Танос» все быстрее летит мимо него в небо. Он думает о больших кораблях, маневрирующих там, в околоземном пространстве. Хлопушки с электромагнитными катапультами. Пауки в паутине солнечных парусов. Они тоже жертвы теории относительности. С момента окончания Войны Ночных вахтовиков, когда мясное человечество уступило звезды воскрешенным, Свободные мертвецы превратились в демонов, пугал, зомби-пожирателей плоти и как там еще поименовала их молва. Один и тот же индивид может быть для кого-то террористом, а для кого-то – борцом за свободу. Его отец что-то говорил про планетарную оборону. А что будут защищать? Орбитальные фабрики. Корпоративное богатство. Иерархию власти. Привилегии. Неравенство. Систему – чьим наследником отец просил его стать, – благодаря которой за воскрешение необходимо поплатиться всеми правами человека. Вечный отказ от субъектности. По закону воскрешенные мертвецы переставали быть людьми. Вот что защищают однозарядные рельсотроны, батареи ракетных установок и теслеры военно-промышленных комплексов под управлением ИИ.

Придите, демоны, придите.

Третья секунда. Скорость теперь в девять раз больше, чем в первую секунду, и он пролетает в девять раз больше балконов. Туссен размышляет о системах символов. Бог и сатана. Искушение Христа. Всевидящее Око Саурана в Темной башне Барад-Дура. Кронос пожирает своих детей. Эдип трахает мать, убивает отца. Липкие, потные архетипы из темнокожих мифологий с их раздражительными и непостоянными божками, приземленными и пугающими святыми – все это не для белого мальчика Туссена, неблагодарного привилегированного ребенка. Его пантеон фрейдистских печалей – более мрачная, суровая команда. Существует ли мифология, где отец воскрешает детей из мертвых, а затем изгоняет их во тьму внешнюю, откуда они однажды возвращаются, чтобы уничтожить его и все его творения? Если нет, то скоро будет.

Четвертая секунда, по мнению Туссена, подходящий момент, чтобы проверить, не слишком ли близка траектория его падения к постепенно расширяющимся склонам шпиля Сан-Габриэль. Он корректирует свое положение относительно вихревых воздушных потоков, меняет конечную скорость, чтобы за счет этих трансформаций отодвинуться от стены.

Пятая секунда. Шестая. Седьмая. Туссен упал ниже жилых зон и летит мимо уровней, предназначенных для администрации и легкой промышленности. Его скорость приближается к ста пятидесяти километрам в час, и на этой отметке должна стабилизироваться благодаря балансу между массой тела и аэродинамическим профилем: классическое свободное падение в наполовину распластанной позе. Он рассчитывает допустимую нагрузку, максимальную силу инерции, конфигурацию нырка. Проги в голове позволяют делать это так же легко и бессознательно, как сложные вычисления относительной скорости, которые вы осуществляете каждый

³⁶ *Non serviam* – не буду служить (лат.).

раз, когда выезжаете на шоссе в своем автомобиле. Двенадцать секунд. Тринадцать. Бульвар Гувера забит машинами. Слой смога приближается.

Пятнадцать секунд.

Бугры плоти на плечах, предплечьях и верхней части позвоночника деформируются. Кожа растягивается. Рвется. Изогнутые тектопластические ребра протыкают ее, а заодно и розово-черный летный костюм, проходят через проницаемую мембрану имплантированного ранца. Пакеты данных, панорамные экраны, информационные фрагменты появляются на сетчатке, когда системы оживают. Туссен старается, чтобы порывы ветра не исковеркали траекторию полета. Допустимых пределов погрешности практически не существует. Ранец на спине раскрывается, словно цветок. Продольные и поперечные элементы каркаса из морфического пластика вытягиваются и соединяются; призрак крыла, освеженная летучая мышь. Мономолекулярные усики вынюхивают опорные точки и сплетаются, укрепляя крыло. Подключение к нервной системе завершено. Теперь это его часть, новая конечность.

Семнадцать секунд.

Как только корпус планера зафиксируется в запрограммированном положении, он сможет выдерживать кратковременное ускорение до двенадцати g. Человеческий скелет для таких испытаний не годится. Если Туссен полностью развернет крыло, подставив его воздушному потоку, от нагрузки ему может вырвать хребет.

До смерти на бульваре осталось четыре секунды, и Туссен поворачивается головой вниз, как будто ныряет в неглубокий водоем. Крыло в жидком виде перекачивается из резервуаров в уменьшающемся ранце, течет густым потоком по каналам внутри каркаса и застывает, соприкасаясь с воздухом, превращается в лист прочной, как сталь, аэрофольги толщиной в одну молекулу.

Девятнадцать секунд. Он прерывает «нырок». Мысленные команды исходят из позвоночника, через интерфейс поступают в крыло. Умный пластик деформируется. Крыло рассекает воздух. Множество g пытаются разорвать Туссена на части. Кровь закипает в черепной коробке, Туссен задевает верхушки пальм вдоль бульвара Гувера и взмывает.

Двадцать вторая секунда.

Аккуратно. Еще аккуратнее. И еще! Сейчас промедление означает смерть. Кончик крыла изгибается, траектория превращается в пологий склон, ведущий к техноготическому зиккурату «Теслер-Танос». Цель – термические потоки, текущие вверх по его монолитным бокам.

Термик поднимает Туссена высоко над неровной вершиной шпиля, где текторы-каменщики продолжают трудиться, день за днем перемещая молекулы по одной за раз. В километре над аркосанти он прекращает подъем и начинает долгое медленное скольжение вниз через мертвые зоны к Гнезду Лодога.

Туссен превозносит чистоту полета выше высоты, скорости, фигур высшего пилотажа или выносливости. Его братья и сестры águilas³⁷, для которых все это и есть полет, не понимают. Отыскав точку равновесия между подъемной силой, давлением и гравитацией, Туссен чувствует, как его сознание распахивается.

*Адреналин, норэпинефрин.
Орел бы узрел
Нирвану.*

В этом состоянии он осознает себя бесконечно малой пылинкой, дрейфующей в атмосферных просторах, и успокаивается. Хаотические процессы метеорологии и климатологии

³⁷ Águilas – орлы (исп.).

становятся его частью. Все связано со всем. Стоя на парапете своей квартиры, он знал, что жара закончится, потому что он – это жара, а жара – это он.

*Небом проглочен,
Я – это Ты, Ты – это Я.
Климат как дзен.*

Мертвые зоны Голливуда, каким он был до наступления Эпохи Воскресших, а также Сансет-бульвар простираются под животом Туссена. Сейчас тихо, потому что, когда холмы просыпаются, долины спят, накапливая дневную энергию, чтобы потратить ее на удовольствия влажной субтропической ночи. А сегодня, когда холмы уснут, долины проснутся и будут танцевать. Сегодня мертвые устраивают карнавал.

Высоко над некровилем Туссен думает о своих друзьях, готовящихся к ежегодному свиданию в кафе «Конечная станция»: Йау-Йау в ее шумной, оживленной компании юристов, Камагуэй в прохладном, просторном доме с видом на океан. Тринидад – он много думает о ней – где-то в элитарных высях Ла Кресенты, где тошнит от сливок общества. В этом году найдет ли она в себе мужество отпустить призрак Переса и присоединиться к ним? Сантьяго, окруженный прославленными мертвецами. Больше всего Туссен думает о Сантьяго. Второй класс, частная начальная школа Резеда. Именно Сантьяго Колумбар однажды бросил вызов отцовским телохранителям и показал Туссену – который носил тогда другое имя, вел другую жизнь, но сейчас об этом мало кому известно, – как выжечь чудесные медленно заживающие извилистые шрамы на руках и бедрах с помощью увеличительного стекла.

Их дружба всегда зависела от баланса между хрупкой тьмой Сантьяго и гневным идеалистическим сиянием Туссена. Отношения такого рода скованы законами эмоциональной энтропии: в них необходимо вкладывать все больше и больше энергии, чтобы оберегать личностное равновесие от распада. В конце концов инвестиции оказались слишком велики. Они разлетелись в разные стороны, планеты-близнецы оторвались друг от друга со взрывом. Центр тяжести исчез, и группа распалась.

Встречаться один раз в год достаточно. Если они еще немного сблизятся, то снова начнут уничтожать друг друга.

Теперь у Туссена появились новые приятели, новые круги, новый социальный уклад, и все же он хотел бы вернуть прошлое, такое свежее, богатое и, как это ни парадоксально, невинное.

Восходящие течения на краю холмистой зоны ласкают тело. Он разворачивает крылья, и ветер подымает его на километры над городом. Искры блещут на внешнем изгибе огромного и незримого воздушного цилиндра – собратья-летуны, возносящиеся вместе с Туссенем, все выше и выше.

*Загорелые,
Среброкрые,
Цвет нео-сёрф-наци
Зиг хайль!*

Нехватка краткости. Избыток содержания. Аллюзии анахроничны. Águilas ничего не смыслят в нюансах структуры хайку.

Траектория полета Туссена уводит его от стаи летунов в сторону аркосанти «Теслер-Танос». Подобно Аллаху, строение властвует над землей и небом, абсолютное и монотеистическое. Есть только один Бог, одно воскрешение, и «Теслер-Танос» – его пророк.

*Опухоль черна, миля высоты:
дом отца,
А. Теслера.*

Крылья блестят в лучах послеполуденного солнца, небеса пестрят голубыми орлами; águilas из Гнезда Лодога вьются, призывая Туссена порезвиться вместе с ними. Дурные предчувствия рассеиваются, как проходящий мимо грозовой фронт. Бескрайнее небо. Теплый солнечный свет. Сильный ветер, наполняющий крылья. Вот что имеет значение. Не Луна, превращенная в трехсоткилометровую сферу, напичканную нанотехнологиями. Не флоты Свободных мертвецов, приближающиеся к Земле. Не махинации Тихоокеанского совета и Панъевропы, а также их хозяев-корпорат.

Где-то позади подходит к концу сухой, как пыль, отцовский монолог, который никто не слышит.

Пятьдесят три часа двадцать пять минут.

«Предательство» как концепция – это серебряная кнопка на боку резервуара Иисуса. С трафаретной надписью сверху: «Слив и промывка системы».

Предательство как поступок было равнозначно нажатию этой серебряной кнопки. Использованию физической силы посредством банального прикладывания ладони. Контуры включились. Шлюзы открылись. Содержимое резервуара утекло в домашнюю канализацию, оттуда – в канализационную систему Палос-Вердес и, в конечном счете, в Тихий океан.

Если точнее: девятьсот литров рН-нейтральной дистиллированной воды с добавлением пятидесяти килограммов деконфигурированных текторных кластеров во взвешенном состоянии. Иными словами, растворенная Елена Эрес, ее плоть и разум. Мертвая.

Официант, у меня в супе девушка.

Это суперская девушка, сеньор.

Он вошел с ней в воду, неглубокую и теплую, как материнская утроба. Поцеловал и держал за руку, пока опускающаяся крышка не разняла их; прижал пальцы и лицо к полупрозрачному пластику, чтобы стать последним, кого она увидит, прежде чем погрузится в воды рождения. Все это он сделал, потому что любил ее. Но никакая степень любви не заставила бы его наблюдать, как она в течение трех дней и ночей распадается на текторы. Все начиналось с медленного сдирания внешних покровов: кожи, волос, глаз, мягких тканей. Затем наступала очередь мышц, соединительных тканей, вен, нервных волокон. В конце концов кости и хрящи превращались в ничто, как шипучие таблетки в стакане воды.

Расхаживая по длинной галерее со стеклянными сводами, он часто останавливался, чтобы прижаться лбом, зажмурившись, к тектопластиковому панцирю, как будто это была огромная раковина, внутри которой застряли в ловушке звуки океана, и представлял, что слышит инфразвуковое бурление и шипение самоочищающихся текторов.

Патологические репликации. Ошибки в данных. Отказ софта. Сбои транскрипции, спровоцированные каким-то из великого множества потенциальных источников мутагенеза. Фоновая радиация, ультрафиолет, электромагнитные поля, конкретные токсины, конкретные химические вещества. Банальный рак, грозящий всему живому. Если ошибку не исправить, ее усугубят другие ошибки; редупликация погрешностей размножится экспоненциально. Аномальная регенерация. Да. Метастазирующий мутагенез. О да. Причудливые деформации, локализованные в определенных областях тела. Безусловно. Патологическая репликация продемонстрировала Камагуэю все ужасы, на какие была способна.

Решение: самоуничтожение. Погрузись в воду, возродись. Обратись в совокупность текторов, пусть они очистятся и воскреснут. Реконфигурация. Всем мертвым приходится через это проходить, сказала она. Первое воскрешение – самое худшее.

«А мне ты даже такого выбора не оставила», – подумал Камагуэй.

Иногда, в те последние, безумные дни, прижимаясь лбом к резервуару, он слышал молекулярное бурление и шипение в собственных венах.

– Елена?

Камагуэй убрал руку с серебряной кнопки.

Она ушла.

Теперь она была восемьюстами миллиардами разрозненных частиц, рассеянных приливами и течениями, огибающими его риф. Элементарная биология: возьмите обычную морскую губку, пропустите через сито и бросьте в воду – со временем каша превратится в ту же самую губку. Он представил себе текторы, проходящие через пищеводы и кишки двустворчатых моллюсков и рыб, движимые приливами и течениями; разумные искусственные молекулы, выискивающие друг друга, сливающиеся, сплетающиеся, становящиеся все более сложными, разумными, осознанными, пока однажды в безлунную ночь Елена Эрес не преодолеет поверхностное натяжение: Венера Возрожденная, восставшая из нанотехнологий и пены морской. В его воображении она медленно отошла от линии прибоя и вошла в темный заброшенный дом на скале: она прикасалась к вещам, ощупывала, искала его. Хотела ли она отомстить? Испытывала ли боль и смутение, не понимала, почему пришла в себя в темных водах? Любовь – возможно. В том, что касается предательства, они квиты. Сожаление? А вот этого она не дожидается. Его к тому моменту уже давно не будет.

– Сколько? – спросил он, обращаясь к своей комнате с видом на океан.

– Пятьдесят три часа десять минут, – ответила комната. – На данном этапе преобразование быстро приближается к завершению. Прогнозы точны на девяносто три процента.

За изогнутым стеклом простиралась неподвижная океанская гладь, испещренная подводными тенями от построенного Камагуэем рифа. Прозрачный свет раннего полудня озярял маленькие парусники; морские птицы охотились, ныряли и плескались. Под поверхностью воды нежилась стая плезиозавров, чьи тела напоминали черные и золотые леденцы; в глубоком канале большие киты должны были плыть между похожими на растопыренные лапы москитов опорами энергетических станций, направляясь на запад, к предназначенным для размножения лагунам на побережье Нижней Калифорнии. Корабли береговой охраны дневали и ночевали все в тех же районах, занятые какими-то загадочными поисками. Официальные каналы опровергали слухи, тем самым их подкрепляя: метеоритный дождь? В прошлом месяце? Ага, еще бы. Это был вовсе не обыкновенный дождь, о нет. Никто такое не подтвердит, но это был рейд. В океан что-то сбросили. Черт побери, надо достучаться до Департамента санитарии Палос-Вердес, я же не хочу, чтобы из моего унитаза полезла какая-нибудь хрень.

По крайней мере, ты все еще можешь улыбаться, Камагуэй. Слушайте, вы, сплетники, через пятьдесят с чем-то часов у вас будет такая история, что не наскучит за века, причем правдивая целиком и полностью.

Некоторые катастрофы быют слишком мощно, быстро и точно, чтобы запустилась иерархическая последовательность психологических реакций: гнев, отрицание, торг со смертностью и окончательное принятие. Некоторые удары оказываются слишком безжалостными, оставляя после себя лишь оцепенелый шок, отказ поверить в случившееся. Так человек, убитый выстрелом в сердце, оказывается слишком изумлен смертью, чтобы рухнуть бездыханным.

Камагуэй понимал, что где-то внутри кричит. Но думал – и чувствовал, – что пришла пора разобраться с контрактом на перекраску флота арендованных яхт.

(«В это время твоё тело пожирают изнутри!» – вопил безмолвный крикун.)

Еще можно было надеть жаброкостюм, прокатиться на лодке к молодым грядкам и понаблюдать, как псевдокораллы осваивают груды незаконных корпусов древних автомобилей.

Камагуэй помнил точное время, место, погоду, одежду, которая была на нем, когда он влюбился в коралловые рифы. 15:28 по восточно-австралийскому времени; место: в тридцати

километрах к востоку от мыса Скорби; погода: 32 °С, влажно, безоблачно, ветер три узла, низкая океанская зыбь; одежда: зеленый с золотом комбинезон «Кугар Джуниор», любимейший наряд в целом свете. Шел четырнадцатый год Эпохи Воскресших. Его отец, находящийся в Свободном штате Квинсленд по каким-то делам Тихоокеанского Совета, прервал рабочий график, чтобы развлечь скучающего сына. Они отправились на пароме «Сикэт», набитом туристами, понаблюдать за извлечением трехсотметрового участка Большого Барьерного рифа. Один из богатейших шанхайских плутократов третьего поколения купил его, чтобы украсить свой живой дворец в двадцати метрах под Южно-Китайским морем. Когда поднялся кусок весом в сто тысяч тонн – вода стекала с его округлых и заостренных выступов, океанские краны по чуть-чуть принимали растущую нагрузку, тросы скрипели, – одиннадцатилетний Камагуэй увидел нечто абсолютно странное и удивительное. Из воды поднялись разом все сказки о затонувших соборах, пропавших городах и затерянных континентах, которые когда-либо будоражили детское воображение. На мгновение купола и цилиндры из коралла стали шпилями Кер-Иса, дымовыми трубами Порт-Ройала, колоннами Атлантиды.

Затем коралловая секция, истекая морской водой и выселенными морскими жителями, окончательно покинула прежнее место пребывания и качнулась в сторону грузовых лихтеров. Люди свистели, аплодировали и хлопали, но Камагуэй освободился от чар: просто еще один технологический трюк, маскирующийся под настоящую магию.

Коралловый город преследовал его на протяжении вакхического подросткового возраста и потом, был воплощением чего-то большего, чего Камагуэй не мог измерить, – до дурацкого замечания Йау-Йау, невзначай брошенного скучным вечером, когда все они сидели в «текучих креслах» в пляжном домике Сантьяго. «Интересно, чем мы все будем заниматься через пять/десять/пятнадцать лет?» Занятие оказалось захватывающим, как детская викторина. Они фантазировали всю жаркую ночь до самого утра. Остальные четверо в большей или меньшей степени исполнили свои предсказанные судьбы: Тринидад металась, как комета, между жизнями, которые находила более привлекательными, чем собственная; Туссен, бунтарь, вечно юный душой, прятался от отца в тени собственных крыльев; Йау-Йау сражалась на стороне добра в какой-то из мимолетных войн в виртуальной паутине; Сантьяго, мессия с выжженным мозгом, извергал галлюциногенные откровения весьма озадаченному человечеству. Камагуэй бросил вызов всем пророчествам. Председатель корпорации? «Не-а». Лауреат какой-нибудь премии, писатель? «Нет, не Камагуэй». Жиголо-фрилансер? «Да ну тебя...» Пловец-экстремал? «Нет». Инженер-конструктор, спец по нанотехнологиям. «Камагуэй?!» Чудотворец, шаман, погонщик червей, бармен, работороговец, альфонс, чей-то партнер, чей-то сожитель, натурал, гей, би, с детьми или без, дом, домище, хобби, жив, мертв... «Я вообще не представляю себе, чем он может заняться».

Камагуэю вручили ключ к самопознанию. Он вдруг понял: то, что он всегда считал социальным изъяном, – желание не быть похожим на остальных, – на самом деле было его сутью. Если никто не мог предсказать, кем он станет через пять лет, хорошо. Пусть займутся исполнением собственных пророчеств; Камагуэй, свободный от предназначения, построил риф. Свой собственный.

Он изучал морскую биологию с уклоном в экологию коралловых рифов. Он выбрал наноинженерию и дизайн, первичные и промежуточные, в качестве второй специализации. Он научился нырять. Купил ультрасовременный жаброкостюм. Втерся в доверие к вдове из Палос-Вердес исключительно потому, что ей принадлежали лучшие участки побережья в округе. Пока она натирала его грудные мышцы и лопатки маслом цубаки, он думал о полипах и текторах. Скупил сто тонн разнообразного лома, состоявшего из потребительских товаров длительного пользования, выбросил в пятистах метрах от Лонг-Пойнта и засеял изготовленными на заказ текторами, имитирующими кораллы. Всю прохладную, влажную зиму, пока муссон сотрясал кровлю, а Камагуэй языком убажывал вдову в спальне цвета слоновой кости, внизу, под

бурными водами, текторы обдирали мертвые морозильники, микроволновки, посудомоечные машины, пылесосы, низкопробных роботов-помощников в поисках сырья и скрупулезно трудились над своими конструкциями. Когда женщина покончила с собой в феврале – «в сезон смертельной скуки», как значилось в записке (написанной от руки и выглядящей анахронизмом от и до), – Камагуэю как будто воткнули нож в спину. Он принадлежал к тому типу людей, которые не могут понять, почему некоторые считают смерть простым решением всех проблем, а решение продолжать жить – ужасным выбором, с которым приходится иметь дело каждое утро. Он не подозревал, что эта женщина знала с того самого момента, когда впервые затащила его в свою постель: сделка обернется любовью. Когда молчаливые, торжественные гости из Дома смерти пришли, чтобы забрать тело, он спросил их, будет ли ему позволено увидеть ее после воскрешения.

«Позволено?» – переспросили женщины в белом. Все позволено. Никаких запретов. Но лучше избавиться себя от страданий и жить так, словно она умерла навсегда.

«Почему?» – спросил Камагуэй.

«Смерть – это не сон», – сказали женщины. Смерть – это смерть. Мы просыпаемся иными. Наша прежняя жизнь, воспоминания, опыт, любовь и отношения кажутся сном; нематериальным и, возможно, тревожащим, но быстро исчезающим в разгар дня. Только живые скованы узами.

Они увезли тело в своем бесшумном белом фургоне с v-образным клеймом Дома смерти на боку и оставили разбитого Камагуэя одного в доме у моря, который, как сообщили адвокатские проги деликатным шепотом, теперь принадлежал ему до самой черепицы, включая спальню цвета слоновой кости, залитую солнечным светом террасу и лучший участок побережья в округе. Камагуэй спустился к океану, чтобы попытаться смыть угрызения совести соленой водой. Вместо этого он угодил в райский сад.

Ветвистые шпили и башни возвышались со всех сторон; мосты и своды из спиралевидного псевдокоралла выгибались над ним, хрустальная мозаика тротуара уводила в лабиринты стеклянной филигрании и нежно колышущихся вееров. Образования, похожие на огромные морские радиолярии, были разбросаны по морскому дну, как средневековые калитропы с торчащими в разные стороны шипами, в пять раз превосходящими длину тела Камагуэя. В каждой центральной стеклянной сфере заключался какой-нибудь выброшенный на мусорку предмет домашнего обихода: стиральная машина, робот-садовник. В других местах тонкие, как хлыст, «шеи» поднимались из глубоко укоренившихся основ, колыхаясь в калифорнийском течении, как дремлющие зауроподы; подходящая метафора, потому что голова на конце каждой шеи представляла собой списанный в утиль прокатный драндулет Северо-Западной тихоокеанской аэрокосмической транспортной компании, инкрустированный нанотехнологическими драгоценностями и снабженный воздушными пузырями для придания плавучести. Трубы, башни и жилые дома, дворцы и пирсы: Камагуэй исследовал архитектуру города своей мечты на дне морском.

Он вышел из воды, когда луна взошла над домом на утесе, который раньше принадлежал меланхоличной женщине. В небе светились огни фабрик, описывающих круги по низким орбитам. Где-то в лабиринтах города на дне моря меланхоличная женщина, которая сделала ему минет, а потом проглотила полторы сотни таблеток от депрессии, умерла и стала воспоминанием.

Камагуэй никогда не страдал собственничеством. Он не собирался беречь дарованное в качестве личной страны чудес. На следующий день он уломал двух дайверов отказаться от плавания с плезиозаврами над затонувшим корпусом «Королевы Марии» и взглянуть собственными глазами на кое-что поинтереснее. Еще через день они вернулись и привели полтора десятка друзей. Спустя неделю туристов уже отправляли на дно в специальных батискафах, одолженных у Милапского сообщества пловцов, чтобы показать им нанотехнологический риф

Камагуэя. Он совершал десять погружений в день со строгим ограничением в тридцать человек на группу; первое погружение на рассвете, последнее – при свете установленных на понтонах прожекторов, взятых взаймы у морских спасателей. Он жил в жаброкопьем, дважды в неделю чистил кровь от свободных радикалов и глотал пригоршни бодрящих, снотворных, что-то повышающих и понижающих таблеток, а также пищевых добавок.

Кароси³⁸. Еще немного успеха, и можно связаться с Домом смерти, чтобы забронировать резервуар Иисуса. Камагуэй вывесил в сети нечто вроде объявления «Требуется прислуга».

И пришла Елена. Мертвячка Елена.

Камагуэй полюбил мертвячку Елена, а она его за это убила. Нежно. Мягко. Поцелуй за поцелуем, даже не осознавая, что делает. Теперь Елена ждала в океане, чтобы он присоединился к ней. Он взглянул на свою персоналку. Пятьдесят два часа сорок восемь минут. «Но нас окликнули – и мы пошли ко дну»³⁹.

– Рекомендации? – спросил он у комнаты.

– Если обычаи и религиозные традиции позволяют, многие жертвы симптома предпочитают совершить самоубийство, а не позволить ему развиваться до логического завершения, – прозвучало в ответ.

На плите из необработанного коралла, заменяющей Камагуэю стол для переговоров, лежал единственный предмет: приглашение. «*Сантьяго Колумбар приглашает...*» Где лучше провести последнюю ночь своей жизни, как не в кафе «Конечная станция» во время карнавала; с кем лучше провести ее, как не с людьми, которых он – пусть они никогда об этом не узнают – полюбил сильнее всех на свете?

Скажет ли он им, что случилось? Вопрос приобрел жизненно важное значение. Когда имеется строго регламентированная квота вопросов и целая упрямая вселенная, к которой можно с ними обратиться, каждый становится на вес золота. Камагуэй вообразил, как называет вещи своими именами, представил себе их лица вокруг стола из кованой стали, их реакцию.

Йау-Йау расклеится от потрясения, слез и эмоций, проявит все те гуманные качества, всю sentimentalность и уязвимость, которые и были причиной того, что она так усердно играла роль адвокатессы для бедных, закаленной судебными процессами.

Туссен сделается мрачным и молчаливым, будет переживать, что любые его слова окажутся неправильными, оскорбительными или просто бесчувственными, хотя на самом деле все, что он когда-либо говорил, было дорого Камагуэю.

Сантьяго будет кричать и смеяться, купит вино, которое не пьет, и вытащит всех на улицу, чтобы танцевать, хохотать и бесноваться, повинаясь течениям и всплескам карнавала, но это не скроет зависти: Камагуэю предстояло то, чего сам виртуалисто больше всего желал и страшился. Сгореть, а не заржаветь.

Можем поменяться местами, Сантьяго.

Тринидад там не будет. Она узнает и заплачет, она будет опустошена и прильнет еще одно тело к кресту из страха, который протащила через всю свою жизнь.

Возможно, Камагуэй ничего не скажет. Будет пить, смеяться, болтать и принимать участие в любых развлечениях, которые Сантьяго приготовил в этом году. Святой Иоанн, некровиль из некровилей, был большим. Там достаточно места и времени, чтобы ускользнуть и найти компанию своих новых братьев и сестер.

Он произнес эти слова вслух, чтобы комната услышала.

– Я теперь мертвец.

– Пятьдесят два часа тридцать шесть минут, – раздалось в ответ.

³⁸ Кароси (яп.) – японский термин, означающий смерть от переутомления.

³⁹ Цитата из стихотворения Т. С. Элиота «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока» (пер. В. Топорова).

Дрэг-квин Кармен Миранда ждала Йау-Йау на восьмитысячной ступеньке монохромной мраморной лестницы в небеса. Шляпа тутти-фрутти⁴⁰ – банан, ананас, апельсины, гуава, виноградные грозди – выглядела как *fruteria*⁴¹, взгромоздившаяся на шатер с похабными целями. На толстом, как штукатурка, слое косметики был нарисован натянутый лук Купидона. Платье-футляр щеголяло разрезом до бедра.

– Салют, Йау-Йау! – приветствовала Кармен Миранда. – Получила мой подарочек?

– Трио как раз его жует, – сказала Йау-Йау, одетая с головы до ног в черное, как проповедник, с толикой серебряных украшений, чтобы выглядеть успешно, но не вычурно. Призрачные ветры извлекали нестройные мелодии из громадной лестницы; далеко-далеко внизу светло-серые облака струились по темно-серым небесам. Ни один крошечный серебряный колокольчик на серьгах Йау-Йау не шелохнулся. Ни одно перышко на боа Кармен Миранды не дрогнуло. – Она обожает марципан. А теперь извини, мне пора на заседание.

– Я просто хотела пожелать тебе удачи, – сказала Кармен Миранда. – Хотя вообще-то я не прочь пойти с тобой.

Йау-Йау развернулась к трансвеститу с лицом актрисы.

– Слушай сюда, серафино. Это серьезный процесс. Самое крупное дело в моей карьере. Если все сложится как надо, Йау-Йау Мок станет полноправным партнером в «Эллисон, Исмаил и Кастарди». А если она облажается, снова будет болтаться на сампане⁴² в Маринадель-Рей. Резюме: ничто, включая тебя, не посмеет угрожать моей победе.

– Восемьдесят восемь целых семь десятых процента, – сообщила Кармен Миранда. – Таковы твои шансы выиграть это дело.

Через каждые сто ступеней вверх и вниз по колоссальной лестнице, насколько хватало глаз, высокие статуи великих законотворцев поворачивались и поднимали правую руку, следуя за движением ослепительно белого солнца.

– Если что-нибудь случится – что угодно, серафино, – я буду считать, что виновата в этом ты. Сама понимаешь, что это значит.

«С эмоциональной точки зрения мы имеем дело с пятилетними детьми, – сказал Эллис. – Им просто нравится *нравиться*, бегать за тобой как хвостик, делать то же самое, что и ты, быть рядом. Быть частью чего-то большего».

– Что мы не будем дружить? – Как и ожидалось, Кармен Миранда разочарованно надула губки. – Мне бы этого не хотелось, Йау-Йау. Все, чего я хочу, – это чтобы ты любила меня. Любовь делает меня настоящей, ты же знаешь.

Ступенька под босоножками на пробковой подошве задрожала и расплавилась. Кокетливо помахав напоследок, Миранда погрузилась в мрамор.

Йау-Йау продолжила восхождение. Серебряные серьги зазвенели.

Хорошая карма, плохая карма; несмотря на жуткие предупреждения Эллиса о том, что один из серафино сделал с ним в Аделаиде, адвокатесса хотела, чтобы эта тварь исчезла. Пусть бы ее стерли. Вычеркнули. Удалили. Закрыли. Убили. Даже Яго, ее прогер, не одобрял изгнание этого призрака из ее машины⁴³, а ведь он был мертвецом.

⁴⁰ *Дрэг-квин* (англ. *drag queen*) – сленговое выражение, обозначающее артиста мужского пола, который переодевается в женскую одежду; Кармен Миранда (1909–1955) – бразильская певица, танцовщица и актриса; шляпа тутти-фрутти – украшенная искусственными фруктами шляпа-тюбан, обретшая широкую известность благодаря Кармен Миранде и фильмам с ее участием.

⁴¹ *Fruteria* – фруктовая лавка (исп.).

⁴² *Сампан* – небольшая плоскодонная лодка.

⁴³ *Догма о призраке в машине* – концепция из труда философа Гилберта Райла «Понятие сознания» (1949), нацеленного на критику картезианского дуализма.

– Может, я и бессмертен, но мне даже в голову не придет дергать за хвост существо, которое однажды делается кем-то вроде Бога, – сказал он, осторожно брея голову Йау-Йау верным старым «Номером один», пока она сидела в кресле его задрюпанной цирюльни.

– Значит, ты ничего не можешь сделать, – подытожила Йау-Йау, проводя ладонью по коже. Трогать голую женскую кожу на голове – одно из самых эротичных ощущений, которые были ей известны.

– Не могу и не буду. – Яго выключил бритву. – Не хочешь поиграть, пока еще не наступило время обеда?

Бесконечная мраморная лестница была его проектом. В прошлой жизни он был творческой половиной самого захватывающего прогерского инди-проекта Западного тихоокеанского региона. Пока бухгалтеры компании не устроили ему маленький несчастный случай из-за того, что он по их меркам был чересчур оригинален. Теперь Яго брил головы, играл в волейбол и создавал специальные проги для опасных и разборчивых клиентов. Мертвец или нет, он был, пожалуй, самым счастливым из всех людей, кого Йау-Йау встречала за всю свою жизнь.

– Мне нужно что-то, чего больше ни у кого нет, – сказала Йау-Йау, пока Яго в очередной раз гасил мяч⁴⁴. – Пожалуйста, не надо лощеных кибервоительниц в зеркальных доспехах с хромированными сосками и лазерами-шмазерами. Я тебе не какой-нибудь сраный подросток.

– Йау-Йау, – ответил Яго, готовясь к удару, – ты меня обижаешь.

Шмяк! Гол.

Что она получила: монохромную лестницу в небо, придуманную Пауэллом и Прессбургером⁴⁵. Яго повел ее по тандемной консенсусной ссылке, как агент по недвижимости на просмотре виртуального объекта. Обратите внимание на широкие, низкие ступени; они уходят вверх до бесконечности. Посмотрите на паросские мраморные статуи великих законотворцев: мнемонические ссылки на юридические проги и базы данных мировой паутины от Претории до Суринама. Задержитесь на лоджиях из черного мрамора, предназначенных для общения, где вы можете встречаться и беседовать с клиентами и коллегами. Оцените высокое разрешение и полноценную симуляцию реальности!

Ей понравилось. Чтобы расплатиться, придется пахать в суде пять лет, но ни у одного из коллег-юристов, с которыми Йау-Йау работала в конторе на Сансет, даже у горячей штучки Трио, набиравшей очки так быстро, что ее заносило на поворотах, не было прог, сравнимых с шедеврами Яго Диосдадо.

И теперь трансвестит в наряде Кармен Миранды, как будто сошедший с аляповатого дешевого плаката, испоганил ее безупречную монохромную вселенную своим присутствием. Как пенопластом по стеклу...

Йау-Йау нравилось думать, что у нее прекрасная, суровая, черно-белая душа.

Ее жилище и по совместительству офис представлял собой минималистичный куб из белых бумажных седзи⁴⁶ с голым деревянным полом, выкрашенным известкой; порядок и безупречная чистота, в каком-то смысле наследие детства на борту сампана, но главная причина заключалась в том, что в черно-белом мире не было места для частиц шелушащейся кожи, выпадающих волос, пятен на черных шелковых простынях, вони и выделений неопрятных, грязных людей. Йау-Йау Мок: окружающая среда.

Йау-Йау Мок: женщина. Невысокая, крепко сложенная азиатка с рельефными мышцами под кожей, покрытой серебряными прожилками молекулярных схем вирткомба. Китайка американского происхождения, крепкий орешек из Города утопленников. Со следами перенесен-

⁴⁴ «Гасить мяч» – совершать сильный атакующий удар (в некоторых видах спорта, включая теннис и волейбол).

⁴⁵ Подразумевается британский фильм «Лестница в небо» (в оригинале – «A Matter of Life and Death», букв. «Вопрос жизни и смерти»; реж. М. Пауэлл и Э. Прессбургер, 1946).

⁴⁶ Седзи (яп.) – дверь, окно или перегородка в традиционном японском доме.

ной в детстве оспы на лице; вопреки мнению элиты с холмов, убийственные и калечащие недуги благоденствовали там, где обитал лодочный народ. Если точнее, болезни воскресли, как и все прочее. Йау-Йау носила свои шрамы гордо, словно знаки отличия за победы в революционных сражениях. Ничего сложного, ведь своей истинной кожей она считала вирткомб; никаких изъянов, совершенный, гладкий, шелковистый интерфейс связи с внешним миром. Пленочные микросхемы были нервной системой, с помощью которой Йау-Йау воспринимала вселенную, и та была ярче и больше, чем обеспеченная пятью природными чувствами.

Йау-Йау Мок внутри симуляции огляделась по сторонам, встревоженная нейронной щекоткой. Через серые небеса к лестнице приближался, кувыркаясь на лету, квадрат из полированного обсидиана. В его черных глубинах мерцали звезды: дела на рассмотрении, вынесенные приговоры, принятые решения. Окно Событий представляло собой поперечное сечение двенадцатикилометровой пирамиды системы отправления правосудия, которая называлась «Цвингли II»⁴⁷.

Пульс Йау-Йау участился. Ладони вспотели. Зрение затуманилось. Мочевой пузырь подал сигнал о переполнении. Как бороться с возбуждением ЦНС: юрфак, день первый, урок первый. Успокойся. Возьми себя в руки. Помни о самодисциплине. Восемьдесят восемь целых семь десятых. Не забудь. Восемьдесят восемь целых семь десятых стоят того, чтобы выпить за здоровье старых друзей этим вечером в кафе «Конечная станция».

Безмолвная темная плоскость нависла над Йау-Йау Мок. Адвокатесса подняла глаза, увидела свое отражение, уменьшенное из-за угла наклона, и ее поглотили.

Утром, когда Йау-Йау Мок отправилась в panadería⁴⁸ мистера Шуза на ежедневный пере-
рыв, кофе с dulces⁴⁹, ее ждал сюрприз. На доске объявлений висело приглашение с позолоченными уголками: «*Сантьяго Колумбар приглашает Йау-Йау Мок...*». За дверью высилась чертова куча марципана.

– Твой ангел-хранитель не унимается, – сообщила Трио, коллега, которая не нравилась Йау-Йау. Она как раз возвращалась в контору с обедом из круглосуточной забегаловки на перекрестке: сгера⁵⁰ из микроволновки и кофе без кофеина в пластиковом стаканчике. По ее словам, жить в другом часовом поясе было не так уж трудно. Циркадные активаторы помогали, как и регулярные сеансы сенс-депа и дезориентации/переориентации – но дело не в них, думала Йау-Йау, откровенно завидуя энергии этой девятнадцатилетней, красивой и успешной чернокожей девушки.

– Модель яхты, под завязку набитая марципаном? – спросила Трио, подозрительно при-
нюхиваясь к содержимому игрушечной лодки. Двадцатиметровое прогулочное судно – как ни крути, перебор. Лодки для серфинга и то было бы много.

– Какой-то судебный журналист со склонностью к хамству описал мое заявление по делу «Паулюс против Даля-Эсберга-Сифуэнтеса», дескать, как будто его насильно накормили марципаном. Кармен Миранда нашла это в паутине и приняла за комплимент.

– «Паулюс против Д.Э.С.». Ты же его не вытянула, да?

Ну да.

– Слушай, Йау-Йау, если не хочешь марципан, можно мне немного?

– Забирай все. Угошайся.

Нажрись до отвала, лопай, пока не треснешь; только вот ты же одна из тех благословенных созданий – чтобы вам всем провалиться, – которые способны существовать на диете из

⁴⁷ Ульрих Цвингли (1484–1531) – христианский гуманист и философ, реформатор церкви.

⁴⁸ Panadería – булочная (исп.).

⁴⁹ Dulces – сладости (исп.).

⁵⁰ Сгера – тонкий блинчик (исп.).

чистого дерьма, стопроцентных насыщенных жиров, сахара и углеводов и неустанно ныть о том, какие вы худые, костлявые и как бы набрать вес... А вот Йау-Йау достаточно посмотреть на шоколадку, чтобы – бабах! – превратиться в дирижабль. Она винила наследственность: жители Китая/Юго-Восточной Азии сохранили память о ледниковом периоде в виде склонности к накоплению подкожного жира; а вот африканские равнинные и лесные народы никогда не ощущали дыхания ледников.

Сначала были цветы, лотосы и орхидеи каждый день в течение недели, доставляемые мертвой девушкой-курьером из фирмы «Гесперия: Цветы для ваших празднеств». Вторая неделя началась с бутылки вина «Кунавэрра Семильон» 88-го года.

– У твоего тайного поклонника хороший вкус, – заметил старший партнер Хорхе. – Если не знаешь, куда девать такие знаки внимания, только скажи...

К четвергу подарки прибывали ящиками.

– Я бы встревожился: вдруг кое-кто поумнеет и захочет все вернуть? – сказал Феникс, адвокат по уголовным делам.

На следующей неделе прислали бельгийский шоколад. Ручной работы. Самолетом. Коробку весом два килограмма. Йау-Йау возвращалась после очередной тяжелой ночи в Бангкоке, думала только про свой спальник; на звонок курьера ответила Трио, вследствие чего посылка уменьшилась более чем наполовину, пока дошла до адресата.

– Надо радоваться, что ты кому-то нравишься, – сказал Эмилио, младший специалист по контрактам и правонарушениям, тщетно разыскивая в общей массе рахат-лукума разнообразность с апельсиновым цветом.

– Не кому-то, – сказал Эллис, перебивавшийся унылыми разводами австралиец, который как раз отрабатывал бросок с разворота у стены со «*Сверхупругим Чудо-мячом „Суперпрыгун“*», купленным по каталогу со всякой чепухой. – А чему-то. Сдается мне, Йау-Йау подцепила серафино.

Первое ноября, 20:30:35:50. Среднее время по Гринвичу. Слушается дело номер 097-0-17956-67:01. Шоу начинается. В комнате с бумажными стенами недалеко от бульвара Сансет Йау-Йау Мок проходит через Окно Событий и оказывается в двух километрах под улицами Цюриха.

«Цвингли II» внашал грозное впечатление. Швейцарские инженеры спроектировали его так, чтобы почти божественные процессы юстиции вызвали уважение и почтение. Так оно и происходило. Снова и снова.

Йау-Йау стояла на узком выступе внутри пирамиды. До вершины было километров восемь, или две трети всей высоты. Четырьмя километрами ниже Йау-Йау простиралось основание, которое, будь пирамида реальной, уничтожило бы почти всю агломерацию Королевы Ангелов. Нерушимые черные стены переливались от потоков цветного света: адвокатские проги ждали у барьера арены, на которой состязались только человеческие разумы. Йау-Йау Мок чувствовала спиной присутствие машинных юрисконсультов «Эндюстри Габонез», и поддержка вынудила ее приободриться. Выше нос, Йау-Йау. Ты крутая. И хладнокровная. Бери пример с холодных суперпроцессоров «Цвингли II», омытых жидким це-о-два. И даже еще холоднее. На колоссальных стенах целые созвездия вспыхивали и умирали. Система «Цвингли» ежесекундно рассматривала семьдесят тысяч дел.

Черный выступ у нее под ногами покрылся рябью, из него вырос тонкий мост над пропастью, залитой звездным светом.

Встать, суд идет.

Йау-Йау указала вперед пальцем в черной перчатке, с серебряным кольцом, и полетела над мостом. От галактического фона с противоположной стороны отделилась звезда и двинулась навстречу, обретая плотность и четкость.

«Это твой враг. Не наглей, не будь напыщенной душой, не обманывай себя – пусть за твоей спиной и стоит корпората с юридическими прогами на двести гигов, это вовсе не означает, что ты сумеешь отправить деревенских ребят восвояси, подпалив им джеллабы. Здесь один царь и бог – Цвингли».

Она раскрыла ладонь, и симуляция опустила ее на приподнятый центр моста. Сверху пусто. Снизу пусто. Мерцают белые звезды. Приближающийся противник теперь представлял собой пентакль: ноги, руки, голова. Человек-звезда. С дьявольским проворством, возможным только в виртуальности, он опустился на мост перед Йау-Йау Мок.

Всемирная паутина существует. Это территория. Потенциал. Состояние. Галлюцинация. Лиминальное пространство. Вызов любому правдоподобному определению. Символ веры. Кредо!

Верую в незыблемость математики чистой, прикладной и статистической, создательницы и хранительницы всех знаний, священного языка, посредством коего наиболее точно можно разъяснить реалии Вселенной. Также верую в физику, химию, биологию, в квантовую теорию и общую теорию относительности, в информатику и хаос (хоть и не могу выбрать между неразрешимостью Гёделя и неопределенностью Гейзенберга); кварки, глюоны и аккуратные тезисы единой теории поля, связанные с суперструнами, – вот некоторые из моих любимых тем; верую в Святой Информационный Дух, в телевизионную картинку, деньги на счету, музыку в динамиках аудиосистемы, друзей на экране персоналки. И еще я верую в нанотехнологическое воскрешение тела и жизнь вечную. Аминь.

Верую, потому что работает. Мне не надо понимать, как это происходит, достаточно самого факта. Как удачно, что технологическая абракадабра не требует особого благочестия или доказательств веры – она просто действует, и все. Все упирается в деньги. Яхве ниспослал манну с утренней росой, чтобы накормить детей Израиля, а вот виртуальные торговые площадки за разумную сумму доставят молоко и мед прямо к вашему порогу.

Как и все религии, эта – продукт человеческого разума. А разум меняется; представления об устройстве мира следуют тем же путем. Парадигмы только кажутся незыблемыми.

Когда крупные кибернетические корпораты не смогли создать Искусственный Интеллект, который так долго обещали, старая компьютерная модель, объясняющая ВСЁ – включая менструальные боли, человеческое сознание и Бога – с точки зрения сложного цифрового программного обеспечения и систем памяти, катастрофически утратила доверие. Обыватели больше не верили, что Вселенная – или даже они сами – работает как очень большой, но в принципе воспроизводимый пакет бухгалтерских программ. Обыватели поверили во Вселенную из лозунгов многообещающей нанотехнологической революции, устроенную по принципу супа минестроне: в этакую бурду из свободно плавающих концептуальных сущностей, при столкновении естественным образом совершающих пригожинские скачки⁵¹ на все более высокие уровни самоорганизации и сложности. Новый мировой порядок стал выглядеть как лишенное структуры, откровенно хаотичное фрактальное пространство, где больших блох не просто кусали маленькие – где, по сути, первые состояли из вторых. Крышесносная вселенная, в которой проворный ум мог оседлать волну и бросить вызов концептуальным отбойным течениям.

Неудачу кибернетиков теперь истолковывали на примере разницы между попытками достичь Луны с помощью «Аполлона-11» или Вавилонской башни. Неправильные материалы, неправильные техники, неправильный подход, неправильная волна. Созданная ими планетарная информационная сеть была не эмбриональным гештальт-разумом, а первобытной

⁵¹ *Илья Пригожин* (1917–2003) – бельгийский физик и физикохимик российского происхождения, лауреат Нобелевской премии по химии. Изучал неравновесную термодинамику и статистическую механику необратимых процессов; термин «пригожинский скачок» обозначает качественное изменение в сторону усложнения, которое может иметь место в неравновесных термодинамических системах.

экосистемой, аналогичной первым нескольким миллионам лет существования планеты Земля; средой, насыщенной разнообразными компонентами – свободно распространяемым условно-бесплатным ПО, мусорными данными, вирусами, бездействующими и активными, а также обрезками и ошметками гигабайтов вычислительной мощи, задействованной в определенный момент в каком-нибудь месте всемирной паутины; средой, не испытывающей недостатка в энергии, подверженной сумбурным колебаниям и приближающейся к критической отметке массы и структурной сложности, по достижении которой могла бы возникнуть независимая, самодостаточная, самомотивирующаяся, самовосстанавливающаяся и воспроизводящаяся кибернетическая сущность – жизнь.

Сродни любой спонтанной модной идее или движению, серафино появились задолго до того, как кому-то пришло в голову придумать для них название. Они существовали на протяжении десятилетий в виде слухов про киберпикси и незримых брауни⁵², которые в обмен на блюдец с секретами даровали призвавшим их паутинным серферам странную удачу. К тому моменту, когда в их реальности перестали сомневаться – и, самое главное, когда они сделались популярной фишкой, – серафино обзавелись интерактивными интерфейсами (личностями), собранными на основе множества источников вдохновения и образцов для подражания. Чаще всего встречались архетипы Золотого века Голливуда, хотя к ним были словно рукой вивисектора пришиты причудливые дополнения. Верхняя половина Мэрилин Монро парила на информационном ветру, ее юбки неустанно вздымались. По меньшей мере пятнадцать Хамфри Богартов вели ожесточенную междоусобную войну за исключительное право на шрам на губе и несуразный тягучий выговор. Марлон Брандо сливался в интимной близости с «Харлей-Дэвидсоном», наделенным мужским достоинством поразительных размеров.

А еще была дрэг-квин Кармен Миранда.

Лицом к лицу. Нос к носу. Лоб в лоб. Классическая позиция конфронтации / перестрелки / драмы в зале суда.

«Не бойся своего врага; страх внесет хаотические возмущения в поток доказательств. Стань твердой, как камень, ненасытной, как пламя, непредсказуемой, как вода, вездесущей, как воздух. Стань чем-то большим: стань Абсолютным Разумом».

Жаль, что она не успела принять еще один транк.

Противник выглядел как нищий габонец, нонконтратисто. Лицо, руки, бритая голова покрыты гнойными язвами и слегка непристойными наростами паразитических текторов. Йау-Йау Мок, крутая профи в строгом черном наряде с серебряными украшениями, рядом с ним казалась настоящей корпоративной шовинисткой. Какое коварство.

Габонский адвокат протянул испещренную оспинами руку через разделявшее их небольшое расстояние. Йау-Йау оглянулась – нервная привычка, от которой она пыталась себя отучить, но толку никакого. Совсем никакого! Внутри черных стен пирамиды по-прежнему колыхалось северное сияние, мерцали пойманные в ловушку туманности. И что-то еще, какой-то далекий и неуместный всплеск разноцветья. Оранжевый. Зеленый. Виноград. Фрукты?..

Кармен Миранда. Вот дерьмо. Твою ж мать. Что за хрень. Как же тварь смогла проникнуть в закодированные буферы «Цвингли»? «Сучка, ты обещала!» Йау-Йау сдержала возмущенный вопль прежде, чем он достиг субвокализаторов в горле. Не стоит кричать такое под соборными сводами «Цвингли II». Она посмотрела в белые глаза противника (косметическая катаракта, продуманный нюанс) и ответила на рукопожатие. Суд начался.

Свет, извивавшийся внутри стен пирамиды, собрался в плотные узлы, белые и обжигающие, как поверхность звезд, и ринулся по черному мостику. Поток данных пронесся через Йау-

⁵² Пикси – шаловливая разновидность фей в английской мифологии; брауни – также существо из английской мифологии; домовый, тайком помогающий с домашними делами в обмен на «забытые» угощения (сливки, молоко и т. д.).

Йау, как пожар. Ничто в жизни брэнной не могло сравниться с этим мимолетным, микросекундным соитием, с привкусом всеведения, который оставался на устах после того, как судебные проги пропускали через ее нервную систему гигабайты информации, связанной с делом.

Адвокат из Йау-Йау вышел хреновый, но кайф она ловила как настоящий профи.

*Коренные народы Маюмбы
против АО «Эндюстри Габонез»
Краткое изложение дела.*

Два слова: деньги, работа. В чем суть: когда АО «Эндюстри Габонез» (маска, под которой коварно спряталось Большое Бабло из Франции) построило завод на побережье Габона в четырехстах километрах к югу от Либревилья для переработки сырья, поступающего по трубопроводу с рудника в Срединно-Атлантическом хребте, жители Маюмбы прыгали от радости, думая о рабочих местах, зарплатах, пиве, детях, автомобилях, телевидении и лекарствах. О будущем! Экономическая реальность сложилась таким образом, что АО «Э. Г.» привезло более двух тысяч *resurrectois*⁵³ с долгосрочными контрактами из крупных некровилей в окрестностях Киншасы, и жители Маюмбы (живые и мертвые) увидели не только как их светлое будущее уплывает за океан, но и как в течение шести месяцев отходы заводской деятельности уничтожили половину жизненно важных запасов рыбы, непреднамеренно заразив другую половину паразитическими текторами. Жители Западной Африки – народ терпеливый; только когда дети начали болеть, слабеть и умирать, они попросили городских паутинных жокеев нанять адвоката в Каире и обратиться с иском в суд. Тотчас же «Эндюстри Габонез», материнская компания и их *padrino corporada*⁵⁴ из Тихоокеанского региона активировали программы юридической защиты, забросили удочки и организовали тендеры. На сцену вышли адвокатесса Мок и ее амбиции.

После долгих виртуальных споров между Побережьем и Дельтой состоялось предварительное слушание, и было принято решение назначить судебное разбирательство на дату, удобную обеим сторонам, при условии доступности суда; понадобилось двенадцать миллисекунд, чтобы устаревший, но признанный спорщиками украинский судебный софт со всем разобрался.

Настало время Мировой юстиции. К концу Золотого века правовые системы рушились одна за другой из-за колоссального количества судебных разбирательств. Незначительные проступки уже рассматривались *in camera*⁵⁵ – удаленно, через видеосистемы; суд присяжных испарился в зловонном облаке досудебного признания вины и внесудебных урегулирований: не потребовалось весомого прецедента, чтобы передать прокурорскую деятельность через субподряд любым доступным судебным экспертным системам. Больше никакого кошмара в стиле Кафки о невинном человеке, долгие годы стоящем перед дверью закона: вам назначат день судебного разбирательства, если вы не возражаете против того, что суд находится в Исламабаде, юридические проги пакистанские, а применимое право – традиционный шариат. Юристы стали международными брокерами виртуального времени, адвокаты – кибернетическими гончими; мегабайты конкурирующих сторон металась по органическим микросхемам. Правосудие страдало, правовой бизнес процветал.

По делу «Маюмба против „Эндюстри Габонез“» Йау-Йау предпочла бы суд Тихоокеанского региона, где *собственность* традиционно имела приоритет над *личностью*, а ее кол-

⁵³ *Resurrectois* – здесь: воскрешенных (искаж. фр.).

⁵⁴ *Padrino corporada* – корпоративный крестный отец (исп.).

⁵⁵ В юридическом смысле это латинское выражение означает, что судебное заседание пройдет в закрытом режиме, то есть «в комнате».

лега из Каира настаивал на африканском, где применимым правом был постреформенный шариат. В качестве компромисса они забронировали на «Цвингли II» временной слот в пятьдесят микросекунд в 20:30:35:50 по Гринвичу, 1 ноября. Истец и ответчик договорились, что будут соблюдать судебное решение, вынесенное согласно законодательству Швейцарской Конфедерации, и тайком подготовили апелляции. Массивные юридические проги-помощники уже рылись в судебных базах данных в поисках прецедентов и экспертных мнений. Адвокаты приняли усилители памяти и нейронные ускорители и помолились своим богам.

– Чего?..

– Трансвестит в облике Кармен Миранды. – Йау-Йау сердито плюхнулась на отвратительный диван Эллиса из потрескавшейся кожи. – Поднимаюсь я, значит, на процесс, как вдруг вижу на ступеньке банан. Глазом моргнуть не успела, как гребаная дрэг-квин выныривает прямо из мраморной лестницы с таким видом, словно снимается в мюзикле Басби Беркли⁵⁶, и спрашивает, понравились ли мне шоколадки.

– Прости меня, Йау-Йау. – Эллис пошевелил пальцами в воздухе. – Не могла бы ты подвинуться влево сантиметров на двадцать? Сливаешься с миссис Бадаламенте, и это немного сбивает с толку.

Она так и сделала. Эллис принимал клиентов. Панорамные скан-очки блеснули, когда он кивнул, обращаясь к невидимой чете Бадаламенти. Его губы зашевелились: он извинялся за вмешательство реального мира. Йау-Йау считала себя везучей, поскольку ей не нужно было связываться с мясом, таким вульгарным и непутевым. Абстрактная чистота полной виртуальности была гораздо предпочтительнее интерактивности с ее сбивающими с толку наложениями и совмещениями.

В адвокатском бюро, где каждый партнер мог узнать коллегу по запаху нижнего белья, ни для кого не было секретом, что Эллис отказался от блестящих карьерных перспектив в Аделаиде и перешел на унылые бракоразводные разборки в агломерации Трес-Вальес, потому что столкнулся с серафино.

Эллис завершил консультацию.

– Ты не сможешь ничего сделать, – сказал он, сцепляя пальцы за головой и потягиваясь. – Если, конечно, тебе мозгов хватит не начинать. Со мной сперва все было так же: присылали домой цветы, подарки... В конце концов я начал отправлять все обратно, типа возвращал товар, который не заказывал. Это был неправильный ход. Им нравится, когда их любят; мой вариант им не понравился. Кто-то начал списывать деньги с моих счетов. Кончилось тем, что долги у меня из ушей полезли. Сама понимаешь, что происходит с репутацией, когда твое имя в пятидесяти «черных списках» разных кредитных учреждений. Нанять паутинного жокея, чтобы он взломал мое досье, стоило почти столько же, сколько выплатить долги как таковые, и гребаный серафино все равно пронюхал об этом и вызвал полицию.

– Господи.

– Они просто хотят нравиться, вот и все. Они просто хотят быть с тобой, идти туда, куда ты идешь, знать, что ты делаешь, быть частью твоей жизни. Если будешь хорошо к ним относиться, они ответят взаимностью. Есть хорошая карма и плохая, к тому же они никогда не задерживаются надолго; шесть месяцев, и эта твоя дрэг-квин Кармен Миранда перейдет к кому-то еще.

– Шесть месяцев?..

⁵⁶ *Басби Беркли* (1895–1976) – американский режиссер и хореограф, известный постановкой зрелищных и масштабных костюмированных номеров с танцами и калейдоскопическими перемещениями кордебалета.

– Максимум. Они похожи на бездомных кошек, которые забредают в твой дом, ведут себя мило, мурлычут и трутся о ноги, – ты принимаешь их, они остаются на некоторое время, а затем в один прекрасный день исчезают.

– Ты хочешь сказать, мне надо расслабиться и получать удовольствие.

– Конечно. У тебя все равно нет выбора.

Мгновение миновало. Свет погас. Песня закончилась. Моисей спустился с горы.

Под Цюрихом, на черном мосту через заполненную звездами пустоту, рука Йау-Йау отпрянула от руки соперника. Судебные проги отодвинулись к стенам пирамиды. Доказательства были представлены, аргументы выдвинуты. «Цвингли II» задумался. Наклонные грани судилища дрожали от молний и далекого, еле слышного грома.

Йау-Йау хотела убежать, спрятаться. Но никто не может бежать и прятаться от злонаправленного Бога. Гром все нарастал, нарастал... И оборвался. Внезапная и абсолютная тишина была почти ощутимой в физическом смысле. Йау-Йау Мок посмотрела вверх, на бурлящую энергию у вершины пирамиды. Противник на расстоянии в пару шагов тоже озадаченно озирался.

Большой кальвинистский Иегова почувствовал себя *sehr ungemütlich*⁵⁷.

С четырех сторон от Йау-Йау рухнули светящиеся белые плоскости, как лезвия гильотины. Пятый сияющий квадрат упал ей на голову и запечатал в куб молочного свечения. Адвокатесса ткнула пальцем в сторону безопасного рубежа и юридических прог АО «Э. Г.», но не двинулась с места. «Цвингли II» аннулировал функцию виртуального полета.

Йау-Йау Мок взяли под арест в зале суда.

– Что происходит, черт возьми? – в отчаянии закричала она, колотя кулаками по неподатливым стенам.

«Жесткое, – сообщил вирткомб, воздействуя на нервные окончания. – Больно».

– Швейцарская конфедерация обвиняет вас в неуважении к суду, – произнес спокойный, тихий голос из центра вихря.

– Что?! – завопила Йау-Йау Мок. – Ч-ч-ч-т-о-о-о?!..

– Использование несанкционированных прог в рамках судебной системы «Цвингли II». Нарушение судебных протоколов, компрометация защитных кодов. Срыв текущих заседаний, смещение и искажение файлов с процессуальными доказательствами. Внедрение инвазивного вирусного материала в операционную иерархию «Цвингли II».

– Несанкционированные проги? Инвазивный вирусный материал?!

«Цвингли II» открыл небольшое Окно Событий в стене ее камеры.

– Господи боже... – всхлипнула Йау-Йау. – Мне кранты.

В Окне обаятельно улыбнулась Кармен Миранда, стуча ранее невиданными кастаньетами.

– Адвокат Мок из «Элисон, Исмаил и Кастарди», действующая от имени АО «Эндюстри Габонез», уличена в неуважении к суду и исключена из этой юридической симуляции до тех пор, пока факт неуважения не будет устранен.

Йау-Йау Мок все еще обливалась слезами в ошеломленном недоумении, когда полупрозрачная клетка снова открылась, и опустилось Окно Событий, чтобы умчать адвокатессу обратно в золотую Калифорнию.

Вывалившись из симуляции, она осознала, что стоит на коленях. Слезы пленкой растеклись по щекам в тончайшем, как молекула, пространстве между кожей и вирткомбом.

«Мне конец».

⁵⁷ *Sehr ungemütlich* – очень неудобно (нем.).

Закат – 21:30

1 ноября

На терракотовой равнине за пределами космопорта конвертоплан отыскал в пыли параллельные сдвоенные следы шин и, словно игла в магнитном поле планеты, развернулся вдоль дороги на запад. Из окна кабины Тринидад наблюдала, как следы шин превращаются в дорожное покрытие, шоссе, скоростную автостраду, обрастая неизбежной свитой вульгарных маркитантов: заправочными станциями, дешевыми закусочными, складами, ковром распростершимися по земле, мелкооптовыми магазинами, мотелями – домами свиданий. А вот городок: аккуратная, хорошо снабженная водой сеть домов с примыкающими садами, блестящими бассейнами, красными прямоугольниками теннисных кортов, и... Все исчезло в тени ветрогенератора на вершине Хиллхоппинг; конвертоплан едва не задел лопасти ветровых ферм на гребне горного хребта, после чего нырнул в долину, следуя за упрямой линией магистрали через большие сады, так низко, что генетизированные деревья колыхались позади, а мертвые работники поднимали головы, когда прохладная тень падала на их спины с фотохромными клеймами.

Взбудораженные убийством охотники радостно атаковали бар на борту, стремясь выпить, покурить или закинуться чем-нибудь. Они смеялись, громко разговаривали. Белисарио открыто флиртовал с Вайей Монте: эти красивые бедра вскоре раздвинутся, подумала Тринидад. Смерть – величайший из афродизиаков. Перед ускоряющимся конвертопланом простиралась грандиозная вакханалия: Ночь мертвых. Зачем еще мясо спускалось с холмов, проходило через сияющие врата в Город мертвых, как не ради того, чтобы пафосно провозгласить «Я существую!», подчеркнув заявление брызгами мутной жидкости и трепетом яичников?

Прелюдия в режиме горизонтального полета. В глухом уголке души Тринидад таилась радость от того, что отношения с Белисарио завершились. Теперь она свободна, вольна больше не притворяться и вновь заняться поисками, надеясь на встречу с тем, с кем можно будет испытать нечто большее, чем... *что-то*.

Возможно – мертвый пилот поднял конвертоплан над вершиной последнего холма и направил вниз, во влажную прибрежную равнину, – в итоге окажется, что никто ей не нужен; что искомое *нечто* надо искать внутри себя, а не в зеркале чужих жизней.

В конце длинной дороги, ведущей на запад, был только испачканный следами шин бетон пригородной посадочной площадки, на которой конвертоплан сидел, как пришпиленный жук, растопырив лапы и распахнув крылья, демонстрируя сложные механизмы внутри. Турбины взвизгнули и остановились. Тектопластик-оборотень остывал, пощелкивая. Дверь кабины открылась. Особый мускус города – ее города – прильнул к Тринидад, когда она вышла на поле: феромон пота этой гиперагломерации из двадцати с чем-то миллионов душ, живых и мертвых. В основном сложные углеводороды. Но также кипарис и плющ. Странные травы, старые испанские специи. Телесное тепло. Длинноязыкие цветы, отяжелевшие от нектара; медленно набухающие плоды на ветке. Цитрусовые и виноградная лоза, бугенвиллея и иерихонская роза. Запахи земли: пыль, грязь, раскаленный асфальт. Масла и эссенции. Густые ноты дерьма и скверны, похотливая примесь озона и неона. Древесный дым, тимьян и нечеловеческие ароматы мертвых. Лазеры и сталь; а под ними изысканная, вездесущая база – глубокий, прохладный, далекий океан.

Ароматы проникали в машину, пока Сула везла Тринидад через некогда процветающие, а ныне разоренные поселения нонконтратистос; районы с названиями вроде Помона, Монклер и Чартер-Оук добавили к пьянящей смеси верхние ноты отчаяния, разложения и собачатины,

зажаренной на вертеле. Через контрольно-пропускные пункты сегуридадос в покрытые листовой петли и извилины дорог в холмах Ла-Крессенты. Здесь другие акценты: растущая влажная зелень, плесень на листьях и тяжелые тропические фрукты на ветвях, нависающих над автомобилем.

Городской мускус. Духи некровилия. Аромат прилипал к коже. Тринидад попыталась смыть его под душем, но дневная жара заставляла запах сочиться из каждой поры. Он заразил свежую одежду, на которую она поменяла охотничье снаряжение. В прохладе своей *residencia* в Ла Крессенте Тринидад поняла, что от нее перестанет пахнуть страхом, когда она вернет его в родные места – туда, где любое «что-то» становится ничем. И рождается заново.

Терракотовые святые из сонма Укуромбе – модной среди золотой молодежи гибридной религии, возникшей в результате скрещения бразильского анимизма и посткатолицизма, – молчаливо взирали из святилищ среди корней большого дерева Бодхи на то, как Тринидад откупорила свою серебряную флягу с мексиканским мужеством и совершила щедрые возлияния в их честь. У ног богов лежали хрупкие кости и изодранные шкуры маленьких животных, которых Тринидад мелочным образом принесла в жертву, чтобы ей рассказали, как превратить «что-то» в любовь.

И вот пришел ответ.

– Я не могу, – умоляла она. – Только не туда.

«Другого пути нет», – изрекли тупые идола.

Тринидад пнула богов в их маленьких святилищах и, позвав Сулу, бросилась обратно в дом, зная: если притормозить хоть на секунду, страх уже не выпустит ее из своих когтей.

Ни мертвецы, ни толпы ее не пугали. А вот толпы мертвецов – да. Их индивидуальные, чужеродные запахи смешивались и усиливались, превращаясь в мощные феромоны чего-то нечеловеческого. Тектопластический пузырь машины оказался слабой защитой в потоке воскрешенных тел, текущем по широким улицам к большому светящемуся знаку V, вратам некровилия. Хрупкое яйцо, внутри которого свернулся эмбрион.

Большие сочлененные электробусы высокомерно раскачивались, следуя по выделенным полосам; чудовищные автопоезда – по три, четыре прицепа – нетерпеливо фыркали позади и впереди; велорикши металась от просвета к просвету, как пикадоры вокруг быка, и под их навесами покачивались прищипленные иконы. Велосипеды и мопеды со спиртовыми двигателями проезжали вдоль рядов медленно ползущего транспорта, опасно к нему приближаясь; повсюду давили, толкались и пихались десять миллионов мертвецов некровилия, возвращавшихся на отведенные им места до того, как вечерний небесный знак исчезнет.

Тринидад уже не могла повернуть назад, даже если бы захотела.

Глендейлские ворота в некровиль Святого Иоанна – некровиль из некровилей – возвышались над толпой, загнанной под их светящуюся поперечину. Вооруженные теслерами сегуридадос бросали быстрые взгляды на знаки смерти и пропуска, прежде чем дать дорогу рабочим. Их заботили те, кто пытался выбраться, а не войти. Тринидад неумолимо влекло к сияющим вратам, словно она должна была через них появиться на свет. Мимо проехал автобус и стоя велосипедов, везущих живых гуляк на карнавал. Фуру впереди пропустили, контейнеры едва пересекли поперечную полосу большого неоновом знака смерти, как настала ее очередь.

Сотрудник службы безопасности наклонился к открытому окну. Она увидела свое отражение в стекле смартфонa. Неужели опасения и впрямь читаются по ее лицу? Проги автомобиля послали информацию стражу ворот, и цифры потекли по блеклой картинке. Сканеры и сенсоры, обученные различать живых и мертвых, осторожно обнюхали Тринидад.

– На карнавал? – спросил полицейский. Тринидад кивнула. Под зеркальным забралом появилась улыбка. – Что ж, желаю хорошо развлечься, только не пейте слишком много. С виду им все равно, что вы там учудите, но они просто знают – однажды вы вернетесь.

И она въехала в город Святого Иоанна, обитель мертвецов. Некровиль.

Здесь не было стариков. Все выглядели прекрасно. Не было детей, только мертвые повсюду, тесно прижимающиеся друг к другу, облаченные в вечно юные, совершенные тела. Некоторые носили облик звезд Золотого века Голливуда, вторя большим киноэкранам, установленным вдоль крыш и нависающим над перекрестками.

Тринидад поехала дальше, углубляясь в Город мертвых. Бульвар пульсировал, как резонаторный ящик гитары длиной в десять километров. В свете горящих выхлопных газов она мельком увидела танцующие фигуры, сверкающие экстравагантные костюмы. Фейерверки взлетали и взрывались на фоне небесного знака.

Наконец она добралась до кафе «Конечная станция». Эта химера, плод противоестественного союза музыкального автомата и авианосца, стояла на перекрестке, под сенью пыльных миндальных деревьев. Мерцающая, поразительно розовая вывеска с кричащей надписью: «КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ». На стене дома напротив беззвучно воспроизводился черно-белый «Метрополис»⁵⁸. Фигуры в фантастических костюмах – или это были не просто костюмы? – спешили на бесконечный парад. Когда Тринидад вышла из машины, какой-то мертвец приостановился и предложил пригоршню подергивающихся пауков. Она покачала головой: «Нет». Мужчина побежал дальше. У него была голова шакала. За столиком под миндальными деревьями душераздирающе красивая мертвая женщина импровизировала на маленькой гитаре, и откуда-то издалека ей отвечали барабаны.

Тринидад остановилась в дверях, чтобы поправить свое терракотовое платье, ботинки, звенящие серебряные браслеты. Она откинула волосы назад, ее любовные шрамы в свете неоновой вывески казались белыми. Путь к отступлению закрыт. Она толкнула дверь и вошла в кафе «Конечная станция».

Сантьяго сидел в кабинке у окна полуэтажа, откуда открывался вид на шумный бульвар. Пламя настольной масляной лампы освещало его лицо, придавая сходство с кающимся Люцифером. По опыту Тринидад, мужчины раскрывали свое истинное «я», когда не подозревали, что за ними наблюдают, и это не требовало от них нацепить маску.

– Сантьяго.

– Тринидад! – Его удивление и восторг были искренними. – Ты пришла... Нет, я не буду задавать никаких вопросов – вдруг они продемонстрируют, что ты голограмма.

– Чертовски плотная голограмма, Сантьяго.

– Иисус, Иосиф и Мария, ты выглядишь... Я закажу тебе выпить. – Он поднял руку, чтобы вызвать *mesero*⁵⁹. – Ты так хорошо выглядишь. Пять лет, Трини.

Официантка с лицом Джин Харлоу прошла по сложной траектории между переполненными столиками, чтобы принять заказ Сантьяго.

– Давай посмотрим, правильно ли я запомнил. «Сангре Кресте»? Верно? Или что-нибудь покрепче.

Его кулак разжался. На ладони дремал, подобрав лапки, кроваво-красный паук.

«*Cariño*, – прочитала Тринидад нацарапанное на столешнице. – *Muerte*⁶⁰».

Кулак резко сжался. Сантьяго коротко, театрально рассмеялся.

– Нет, конечно нет. Не Тринидад. Кто угодно, только не Тринидад. Она будет лить «Кровь Христову» себе в горло, пока ее не придется отнести обратно в домик на холмах... – Джин Харлоу поставила перед Тринидад подставку под бокал, а на нее – высокий красный коктейль, гремящий льдом, – ...но более тонкие, более изысканные нюансы химикатов ручной работы она отрицает. В то время как Сантьяго пьет только чистейшую, сладчайшую минеральную воду, –

⁵⁸ «*Memopolis*» (*Metropolis*, 1927) – немой фильм Ф. Ланга.

⁵⁹ *Mesero* – официант, официантка (*исп.*).

⁶⁰ *Cariño* – любовь моя; *muerte* – смерть (*исп.*).

он откупорил бутылку gaseoso, которую Джин Харлоу принесла с «Кровью Христовой», – но целовал Бога всасос. Если дело дойдет до соревнования, кто сколько нейронов угробил, я бы предпочел, чтобы мои элегантно рассекли рапирой, а не забили до смерти бейсбольной битой.

Он снова раскрыл большую ладонь. Паук исчез. Дешевый фокус.

– Не волнуйся, сегодня вечером я ограничил ресурсы собственной нейрехимией. Скажика... – Он устроил свое крупное тело на железном стуле, изображая расслабленность, – ...зачем ты пришла? Что заставило Тринидад покинуть свой высокий замок в эту Ночь мертвых и спуститься на Терминальный бульвар? Тебе наконец удалось потерять Переса в толпе красивых молодых тел, которые прошли через твою постель?

– А я думала, ты будешь рад меня видеть, – спокойно сказала Тринидад.

«*Chingar*, – прошептали царапины на столе. – *Joder*⁶¹».

– Прости. Это было низко. Сделай заметку в своем дневнике: Сантьяго Колумбар приносит свои извинения. Это зависть, с какой стороны ни посмотри. Чистая зависть. Я пугаю тебя, не так ли? Я всегда пугал тебя.

«Да, – подумала она, – потому что, Сантьяго Колумбар, что бы пауки ни сделали с твоей химией, ты больше не пахнешь человеком. И ты не пахнешь мертвецом: для твоего запаха нет слов, и поэтому он пугает меня. Но я поклялась святым Укурombe Фе, что буду бороться с этими страхами до тех пор, пока не раскроется их истинная природа».

– Не обманывайся, Сантьяго. Я подготовилась к встрече с тобой.

– Рад это слышать, Тринидад, хотя лично у меня есть сомнения. Пикник Плюшевых мишек, который я запланировал на сегодняшний вечер... не думаю, что кто-нибудь готов к такому. И уж тем более вы его не забудете.

Ритм улицы внезапно приблизился, ударился о полупрозрачную оболочку кафе «Конечная станция». Открытое пространство под миндальными деревьями заполнили люди в карнавальных костюмах, все они двигались в одном направлении, как лодки впереди шторма. Переворачивали столы и стулья, разбивали бутылки, стаканы и окна. Толпа обтекала автомобиль Тринидад, как вода скалу; машина, прочно приросшая к земле, подрагивала, но не двигалась с места. Кафе наполнилось голосами; посетители с уличных столиков и беженцы с карнавала столпились внутри. Кто-то включил музыку погромче.

Источник беспорядков появился на Терминальном бульваре: стая волков, две, три сотни особей – человековолки, волчелюбки. Оборотни, застигнутые в момент перехода из одного состояния в другое. Прямоходящие звери; очень большие зубы, но разум сияет во все еще человеческих глазах. Когтистые лапы с умелыми, ловкими пальцами. У многих были большие гелиевые шары, пузыри из пластика с эффектом памяти, запрограммированные на изображение гримасничающего Лунного человека с космической пулей, застрявшей в правом глазу⁶². Один волк – самка – поднял голову и на мгновение встретился взглядом с Тринидад. Обнаженная грудь, покрытая редкой шерстью, как собачье брюхо, вызвала у девушки дрожь.

– *Los Lobos de la Luna*,⁶³ – сказал Сантьяго. – Они поддерживают колонизацию Обратной стороны. Если можно назвать то, что Свободные мертвецы делают с Луной, «колонизацией». Они считают, что пройдет пятьдесят лет, пока преобразование закончится. Рассматривай это как духовный дом: Эфиопия-в-небе. Если «Эварт-ОзВест», «Теслер-Танос» и другие крупные компании по нанообработке и их карманные правительства не раскачают колыбель так, что она перевернется вместе с ребенком. Какой же еще смысл в этих орбитальных теслерных батареях, которые они протолкнули через Комитет по обороне Тихоокеанского совета,

⁶¹ *Chingar*, *joder* – трахаться (исп.).

⁶² *Лунный человек с пулей в глазу* – знаменитый кадр из немого фильма Жоржа Мельеса «Путешествие на Луну» (*Le Voyage dans la Lune*, 1902).

⁶³ *Los Lobos de la Luna* – волки Луны (исп.).

кроме как удержать Свободных мертвецов подальше от Луны, пусть себе воют во тьме внешней. Только вот... – Сантьяго наклонился вперед и ухмыльнулся так, что его лицо стало похожим на череп, – ...мертвецы не собираются играть по правилам и сидеть смирно. Или ты не знаешь, что к Земле направляется флот кораблей-хлопушек? – Он отхлебнул воды и театрально откинулся на спинку стула. – Бегите и прячьтесь, да поскорей. Небо падает! Да-да, падает! – Он заглянул под стол. – Как думаешь, мы могли бы оба залезть сюда и выйти, когда все закончится, стать новыми Адамом и Евой, Тринидад? Вот кем они себя считают, эти Свободные мертвецы. Следующей ступенью эволюции; человечеством, которое унаследует звезды. «Теслер-Танос», Дома смерти, контратадос и призрачная экономика, некровили, космические Свободные мертвецы, Постулат Уотсона, прецедент Барантеса – это выглядит как единая и неразрывно взаимосвязанная масса, но если стукнуть по ней под правильным углом, все расколется ровно пополам. Мертвые, будущее, перемены; живые, прошлое, застой. Вот так просто. Через пятьдесят лет эти Lobos будут выть при свете нанотехнологического шара. А что будешь делать ты?

Лунные волки убежали в глубь Города мертвых. Внезапный порыв теплого ветра взметнул пыль, брошенный серпантин, обрывки костюмов и какие-то бумажки, превратив их движение в короткий танец. Ободок полупрозрачного голубого облака поднимался над крышами. На киноэкране по ту сторону площади Роман Полански порезал стилетом нос Джеку Николсону и угрожал, беззвучно шевеля губами, скормить его своей золотой рыбке⁶⁴.

– Чувствуешь? – Сантьяго откинул голову на спинку стула, закрыл глаза, пробуя на вкус ночной аромат. – Норд-норд-вест. Огромный океан, полный водорослей. Ветер переменялся. Воздух смещается. Грядут перемены.

Он посмотрел на нее. Сквозь гнев Тринидад почувствовала, что ее втягивают в заговор.

– Скажу тебе правду, Тринидад. До последнего гребаного слова. Ты это заслужила. Честное индейское. – Красный паук появился вновь, призванный на столешницу чарами. «*Coléra*, – прошептал стол, – *futilidad*⁶⁵». Сантьяго раздавил паука в кровавое пятно тыльной стороной кулака. – Оно теперь не действует. Ничего не действует. Ты понимаешь? Я побывал всюду, куда только можно попасть. Для меня не осталось высот. Никаких горных пиков. Как уже сказал, я целовал Бога взасос, и у губ его вкус обогащенных витаминами хлопьев для завтрака с высоким содержанием клетчатки. Больше никаких тайн, облаток и вина, хлебов и рыбы. Ты же знаешь, что меня никогда не интересовали деньги? Я занялся этим не с целью разбогатеть. Слава, друзья и прочее меня тоже не интересовали. Слава? Мать Божья, благодаря фармацевтическим корпоратам, которые производят рекреационную дурь, и инженерам виртуальной реальности каждый ребенок в Тихоокеанском регионе знает мое имя. Друзья? Каждое утро мои amigos валяются по всему дому, как одежда на вечеринке у бассейна в Сан-Хасинто. Они приходят только ради халявы и в надежде, что сами станут чуть-чуть знаменитыми. Обретут пятнадцать минут славы, загребая жар чужими руками. Я все это делал, потому что таков был выход. Способ выйти за пределы самого себя. Это один из Двух Больших философских кризисов поздней юности. Упо – неизбежность смерти. Dos – непроницаемость самости. Почему Я – это Я? Почему Я – не Ты? Почему я не могу ощутить чувства другого человека, познать что-либо вне себя? Почему я в ловушке и мои глаза – окна темницы?

Он постучал по паукообразному интерфейсному текторному разьему над шишковидной железой⁶⁶.

– Удача? Карма? Неужели я – призрак в мясной машине, неужели я – маленькое Божье семя, хранившееся на небесах целую вечность и однажды приклеившееся к бластоцисте в

⁶⁴ «Китайский квартал» (Chinatown, 1974).

⁶⁵ *Coléra* – гнев; *futilidad* – тщетность (исп.).

⁶⁶ Зона над шишковидной железой (частью головного мозга) во многих мистических течениях разных эпох называется «третьим глазом». Философ Рене Декарт назвал эту железу «троном души», считая, что именно с ее помощью душа управляет телом.

утробе мамы Колумбар; неужели это «я» прошло через бесчисленные предыдущие тела, предыдущие миры, вселенные? – Он ткнул указательным пальцем между глаз Тринидад; соседние посетители улыбнулись поверх своих стаканов, не понимая. – Последний рубеж. Здесь. Этот изгиб кости – край мироздания.

Он провел пальцем по ее носу, губам, подбородку.

– Мои сладкие шестнадцать: совершеннолетие Сантьяго Колумбара. Я уже четыре часа на вечеринке; должно быть, сейчас где-то два или полтретьего; сколько их – сто, двести? На танц-поле температура за тридцать, музыка такая громкая, что ее скорее чувствуешь... – пальцы коснулись дантяня, – ...чем слышишь. Экстази не дает мне отрубиться, «Гибрид-17» удерживает в вертикальном положении, а ремикс MDA шепчет моей вегетативной нервной системе: «Нет границ, нет пределов». Кто-то включает белый прожектор, от которого в мозгу все начинает мерцать, и музыка, таблетки, танцы, свет сливаются воедино, становятся чем-то большим – я попадаю куда-то еще. Я не знаю куда, не могу это описать; я не думаю, что это можно описать. Это длится всего мгновение, но на это мгновение я *выхожу*. Я свободен. Я за пределом. С тех пор я ищу этот путь, Тринидад. Я хочу попасть туда, где побывал тот шестнадцатилетний мальчик, и на этот раз никогда больше не возвращаться. Ты меня понимаешь? Мне двадцать семь. Забавный возраст. Я знаю, потому что мои родители прислали мне аниме-открытку в этом году. «С днем рождения от Милапских пловцов», – говорится в ней. Миленькие водоросли плавно колышутся, и мама с папой машут лапами и говорят: «Учти, Сантьяго, двадцать семь – забавный возраст». Ты хоть представляешь, сколько живых легенд перешли от простого существования к бессмертию в возрасте двадцати семи лет⁶⁷?

– Лучше сгореть, чем заржаветь.

– Верно подмечено, Трини, хотя я сомневаюсь, что ты когда-нибудь по-настоящему поймешь. Ржавчина – мое наследие и моя судьба. Энтропия – моя служанка. Медленное самосожжение в пыльной пустыне ненужности. Старый способ больше не работает, Тринидад.

Свиные машины собирались на перекрестке для *ауто-да-фе*, ночных гонок по заброшенному метрополитену. Тектоготические фантомы: сплошь хвостовые плавники, плавные обводы и выштамповки. Команды *mecanistos* в комбинезонах готовили своих *autodores*, как эсквайры – сэров рыцарей.

– Где-то в лабиринте улиц есть знак «Выход», а дальше – место за пределами. Всеми мыслимыми пределами.

Сантьяго взял Тринидад за подбородок, чтобы она посмотрела ему в глаза и увидела, какой там пылает огонь.

– Этой ночью нам предстоит увидеть то, что можно увидеть, отыскать то, что можно отыскать. А если я его не найду... за завтраком нас будет на одного меньше. Это очень важно для меня, Тринидад. Если я не могу получить желаемое, мне больше ничего не нужно. Смерть; да что такое смерть в наши дни? Быстрое погружение в холодное озеро нирваны и хороший карьерный рост. Самые творческие, самые оригинальные результаты получаются в первые пять лет, Тринидад. Мои пять лет прошли; теперь ты понимаешь, почему я должен найти выход? Если не получится, то я по-настоящему мертв. Мертва моя душа. – Он улыбнулся. Он ожидал, что она рассмеется.

– Господи, Сантьяго...

– До этого рубежа еще шесть лет.

– Ты болен. Тебе нужна помощь.

– Вот почему ты здесь, прекрасная Тринидад. Ты, а также Туссен, Камагуэй, Йау-Йау, которые придут. Чтобы помочь. Чтобы засвидетельствовать. Чтобы разнести повсюду весть –

⁶⁷ Подразумевается «Клуб 27» – совокупность музыкантов, умерших в этом возрасте, иногда при странных обстоятельствах.

пусть все узнают, что бы ни случилось. Четыре добрых и верных свидетеля. Четыре евангелиста. Синоптические евангелия от Тринидад, Камагуэя и Туссена. Еще одно от Йау-Йау⁶⁸. Мне нравится. Вы будете моими апостолами и оповестите весь мир о моих деяниях.

У Тринидад пересохло во рту, сердце билось на удивление громко и близко. «Я не верю, что он это всерьез. – Воздетый палец подозвал Джима Моррисона. Двадцать семь. Забавный возраст. – Но ведь это Сантьяго. Для него нет ничего невозможного».

– Мескаль, *por favor*⁶⁹.

Сантьяго взглянул на нее из-под опущенных бровей.

*Одна милая девушка с Кубы
Тигру щеткою чистила зубы.
Он ее полюбил,
А потом проглотил.
Изнутри теперь чистые зубы.*

– Осторожнее с алкоголем, Трини.

– Пошел ты в жопу, Сантьяго. Вместе со своими ублюдочными шутками и дурацкими психологическими играми. Развлекайся с кем-нибудь другим, а я уйду.

Она встала, одним глотком опрокинула мескаль и повернулась к двери. Люди пилились. Тринидад гордилась своим умением эффектно уходить.

– Это не шутка, Тринидад. Разве я смеюсь? Это серьезно. Совершенно серьезно. Настолько серьезно, что я собираюсь сказать тебе кое-что – такое, что может сказать только тот, кто знает, что ему не придется страдать от последствий своих слов.

– Больше никакой лжи, Сантьяго. Больше никаких игр. – Вопреки ее воле слезы выступили в уголках глаз.

– Больше никакой лжи. Признаюсь: вещество, которое Перес принял в день своей смерти. Это я дал его Майклу Роче. Я его сделал. Спроектировал. Я продал Роче спецификации. Я убил Переса. Теперь ты веришь, что я говорю серьезно?

От ярости ее кулак обрел сверхчеловеческую силу. Тяжелый кованный стул опрокинулся. На лице Сантьяго отразилось удивленное опустошение: он был как хитрый койот, застреленный из собственного незаряженного пистолета. Потирая костяшки пальцев, Тринидад развернулась на десятисантиметровых каблуках. Посетители кафе «Конечная станция» расступались перед ней, как верующие перед своим пророком.

– Тринидад!

Quemar, Сантьяго. *Orín*⁷⁰. Слова, на древе начертанные.

– Тринидад!

Сантьяго кричал ей вслед, стоя у входа, но голос карнавала, который кружился на *zócalo*⁷¹, овеянный теплым ветром, оказался громче. Он сплюнул кровь.

– Тринидад!

Карнавал охватил площадь целиком, собрание изысканно одетых трансвеститов смешалось с *cuadrilla*⁷² мертвых мужчин и женщин, которые тащили огромную виселицу. На ней болтались куклы – изображения президентов государств Тихоокеанского совета, в несколько

⁶⁸ *Синоптический* – сводный, дающий обзор всех частей сложного целого. «Синоптическими» называют Евангелия от Матфея, Марка и Луки, поскольку они по содержанию во многом пересекаются и перекрывают друг друга, в отличие от Евангелия от Иоанна.

⁶⁹ *Por favor* – пожалуйста (*исп.*).

⁷⁰ *Quemar* – гореть; *orín* – ржавчина (*исп.*).

⁷¹ *Zócalo* – площадь (*мекс. исп.*).

⁷² *Cuadrilla* – здесь: банда (*исп.*).

раз превышающие натуральную величину; запястья, лодыжки и шеи марионеток и кукловодов были соединены проволокой. Сантьяго увидел, как Тринидад обернулась один раз, покачала головой и растворилась в толпе.

Он схватил кованый стул и швырнул в припаркованную машину. Серебристый тектопластик не дрогнул, неуязвимый и безупречный. Вот так всегда: никто не понимает Сантьяго. С кем ни говори – бесполезно.

– Буянишь, малыш Колумбар?

Сборище трансвеститов и кукольников рассеялось при виде хромированных мотоциклов цвета полуночи. Их было четыре, и выглядели они как души некогда славных «Харлеев», побывавшие в преисподней и искупавшиеся в пламени, где сгорели кожа и плоть, оставив лишь сияющие голые кости. Рогатые, клыкастые, поджарые, словно гончие псы; влажная мечта любого подростка и ночной кошмар родителя. Из глушителей вырывалось пламя, стремясь в темное небо; пляска проклятых.

Работающие на холостом ходу двигатели внезапно разразились лаем, который на площади у кафе, похожей на закрытую арену, прозвучал оглушительно. Едкий дым окутал деревья. Окись углерода, мускус. Машинные феромоны в сочетании с запахом кожи от сидений – сильный афродизиак. Никто не хочет трахаться на заднем сиденье авто с водородным двигателем.

Сантьяго принял позу: слегка расставив ноги, скрестил руки на груди и еле заметно улыбнулся.

– Миклантекутли.

Свет погас. На большом экране Стюарт Грейнджер в трико и носатой маске Скарамуша сражался с элегантным Мелом Феррером⁷³. Женщина слезла с мотоцикла в центре и с наигранным ленью прислонилась к еще теплому боку. Как и *compañeros*⁷⁴, она была одета в кожу и эластичную сетку, как будто вся состояла из блестящих обводов и туго затянутых ремешков с пряжками. Наплечники – искаженные агонией морды демонов из латекса, вакуумное литье; обнаженные руки покрыты татуировками от ногтей до ключицы. Браслеты с шипами, разумеется. Удивительная деталь: антикварный «Ролекс». Волосы были смазаны воском и удлинены намеренно разрозненными шиньонами; но образ в целом до готического идеала не дотягивал, поскольку ничто не могло сгладить хрупкую привлекательность ее лица.

Тем не менее, Сантьяго знал: любая несообразность в облике Миклантекутли – продуманное проявление ее характера.

– Я не осуждаю тебя за вспыльчивость, Сантьяго Колумбар. Скажи-ка, ты бьешь подружек? Им нравится? Тебя это возбуждает?

– Вижу, смерть не смягчила твой нрав.

– С чего бы это, Сантьяго Колумбар? Я завидовала тебе тогда, завидую сейчас. Всегда знала, что ученик затмит учителя.

– Почему ты согласилась взять меня с собой, если так сильно ненавидишь?

– Разве кто-то хоть словечком обмолвился о ненависти, Сантьяго Колумбар? Ты пришел, чтобы найти смерть – для меня этого достаточно. Твое? – Она кивнула на хромированный пузырь Тринидад.

– Нет.

– Ну, не важно. Асунсьон... – Высокий, поджарый семнадцатилетний парень припарковал свой мощный мотоцикл, подошел и возложил руки на зеркальный корпус автомобиля. Тектопластик, казалось, прогибался и натягивался под его прикосновением. – Мы потеряли одну машину, когда подъехали слишком близко к парку Макартура. В праздничную ночь мехадоры так и рвутся пострелять. Устроили хорошую ловушку, попытались выманить нас к теслерам.

⁷³ «Скарамуш» (Scaramouche, 1952).

⁷⁴ *Compañeros* – товарищи (исп.).

Не сработало – верно, Ананси? – Мертвая девушка, ехавшая на заднем сиденье мотоцикла Асунсьона, провела языком по зубам и вытащила трехсантиметровое стальное лезвие из ножен на бедре. Вокруг глаз у нее были краской из баллончика нарисованы матово-черные пятна, как у панды. Под преобразующими руками Асунсьона автомобиль Тринидад тянулся и деформировался, как бедняцкий скелет под тонкой кожей. Исковерканный тектопластик как будто улыбался. – Получается, Ананси нужен новый конь, если мы собираемся подвезти твоих... *compadres*⁷⁵.

– Они еще не пришли.

– Им надо успеть к тому моменту, как Асунсьон закончит колдовать. В нашем распоряжении четыре часа, добыча всего одна. Мне потребовалось пять лет, чтобы устроить переворот и бросить вызов Бледным всадникам на Каза-Гранде, мы не позволим тебе все испортить. Когда длинные ножи выскочат из ножен, тебе и твоим приятелям лучше отойти подальше. Вы идете с нами, потому что меня забавляет сама идея, а не потому, что я в долгу перед тобой за вещества, которые ты мне продаешь. Смерть аннулирует все долги. Мы – Ночные охотники, Сантьяго Колумбар; мы никому ничего не должны.

Теперь машина напоминала ветхую палатку, которая едва держится на каркасе. Руки Асунсьона скользили по натянутой зеркальной коже, словно по животу элитной шлюхи, с жадностью, похотью и предвкушением сбывшихся фантазий. Трепещущий мешок тектопластика схлопнулся и, развернувшись хитроумным оригами, превратился в новенький нечестивый «Харлей». Мотоцикл вырвался из асфальта с воплем, словно мандрагора, с его темных ребер и костей капал ихор.

– Время вышло, Сантьяго Колумбар. Где твои дружочки?

– Пять минут, Миклан.

– Никаких минут, Сантьяго Колумбар. Игра в самом разгаре. Анхель. – Тонкая, как меч, девушка с кожей и волосами белыми, как известка, выпрямилась в седле своего мотоцикла. Запрокинула голову, зажмурилась, изображая духовный экстаз. Ее ноздри зашевелились.

– Слабый феромонный след, Миклан. Ему около двух часов. Направление – норд-норд-ост.

– Мужчина? Женщина?

– Женщина. Одиночка. Разделим стаю, чтобы охватить территорию побольше?

– Нет. Если убиваем, то наверняка. – Мертвячка Миклантекутли оседлала свою машину и протянула руку в перчатке без пальцев к Сантьяго. – Волна поднялась, Сантьяго Колумбар.

Антициклон, возрождающий пламя отвращения из пепла, пронесся по улицам и раскаленным бульварам. К чему ждать тех, кто не понимает? Сантьяго в них не нуждался; откровение – дело интимное. Он потянулся к руке Миклантекутли и вскочил на сиденье позади нее. Тектопластические обводы ласково прильнули к телу; его пальцы сомкнулись на стянутой ремнем талии старой знакомой.

Мертвячка-охотница Ананси скользнула на свой новорожденный мотоцикл, завела мотор. «Конечная станция» вздрогнула от охотничьей песни мощных углеводородных двигателей. Мотоциклы построились вереницей – Миклантекутли и пассажир ее возглавили – и помчались на север по Вермонт-стрит.

Оставалось максимум сорок девять часов, и Камагуэй никогда еще не чувствовал себя таким живым. Утекающее с небес знамя комендантского часа, ощущение океанского ветра на лице и руках, пока он ехал с опущенным верхом по северной части района Харбор, принесенные этим ветром ароматы водных просторов, опаленного солнцем асфальта и иссушенного дня, ощущение скорости, власти над пространством-временем: он внезапно узрел необычное

⁷⁵ *Compadres* – соратники (исп.).

в обыденном, как будто открыл непримечательную бутылку, а в ней оказалось потрясающее вино. Может, неумолимость обратного отсчета сделала чувственный мир особенно четким, или же все дело в каскаде тектохимических реакций, вбрасывающих в его кровоток странные дофаминоподобные вещества?

Грозовые тучи проблеском желтизны в черноте небес ползли на брюхе по горизонту, словно бесшумный флот, сбившийся с курса. Обострившееся восприятие Камагуэя окрасило их в цвета болезненной ностальгии. В детстве, в Северном Квинсленде, муссон начинался похоже: нитью тьмы на краю света. С мокрой веранды он наблюдал, как дети-нонконтрастистос пляшут голые под дождем, страстно желая к ним присоединиться и понимая, что отец этого не допустит. Грядущие перемены и надежду на ростки новой жизни из выжженной солнцем земли – вот что предвещали дожди.

Он связался с домом через прогу автомобиля.

– Передай все вопросы, касающиеся рифа и жилища, проге-юрисконсульту и приведи в действие мое завещание. – Искусственный разум не ответил, но психическая щекотка подсказывала Камагуэю, что его внимательно слушают. – Дополнить содержание следующим параграфом: риф запрещено продавать корпоратам. Если предложений о покупке не будет, риф надлежит подарить Государственному департаменту лесов и пляжей для использования во благо общества. Бухгалтерские системы: свяжитесь со страховой компанией «Стелла Марис инморталидад» и активируйте мой полис воскрешения.

– Дело сделано, – ответствовали лары и пенаты.

Как там заявляли христиане, вера – уверенность в невидимом⁷⁶? Если прога говорила, что дело сделано, никто в этом не сомневался.

Сорок восемь часов, сорок восемь минут. Сотня в час в брюхе змеи из красных огней, растянувшейся на пятьдесят километров. Как хорошо. Просто великолепно. Теперь Камагуэй понял, откуда берется восторг. Все дело в свободе. От бремени обладания, контроля, ответственности. От мнения других, их привязанности и заботы. От сдержанности, чувства вины и страха обрести то, в чем ты всегда себе отказывал. От необходимости заботиться о хрупком гробе из плоти, живом или умирающем. Осталось сорок восемь часов – максимум – и сорок семь минут; чему быть, того не миновать. Абсолютная свобода приговоренного к смерти.

Камагуэй рассмеялся. Гони. Теперь над тобой никто не властен. Гони! Педаль в пол. Шепот водородного двигателя перерос в томный стон. Сто – сто двадцать – сто сорок – сто пятьдесят – сто шестьдесят – сто восемьдесят, давай, давай, давай, двести, двести. Да. Да. Да! Автомобиль изменил форму, сделался поджарым и обтекаемым, прижался вплотную к черной шкуре шоссе, отрастил спойлеры и хвостовые плавники. Автоматическая сигнализация завизжала: «Пристегните ремни, пристегните ремни; внимание, внимание, вы превышаете скорость!» – ну и что ты сделаешь, копам настучишь? И – бабах! Пятьдесят киловатт белого света с небес прямо в глаза, вылитый прожектор «Двадцатый век Фокс», и горячий ветер отбросил волосы с лица, когда соткавшийся из тьмы полицейский конвертоплан заложил крутой вираж над развязкой – «Да ты и впрямь стукач, говнюк машинный...» – его систему взломали, шаблонный Сердитый Коп что-то такое заявил про «снова включить автопилот, если сеньор не хочет неприятностей» – хватит болтать, Хосе! Пять целенаправленных тычков пальцем – и засевшие в автомобиле предатели заткнулись. В горле машины что-то непристойно заурчало, когда Камагуэй развернулся и рванул на скорости сто двадцать по шоссе, ведущем к Exposición⁷⁷.

Ух, как хорошо было просто слушать радио.

⁷⁶ Евреям 11:1.

⁷⁷ Exposición (исп.) или Exposition (Экспозиции, англ.) – букв. «выставка», парк развлечений в Лос-Анджелесе.

Конвертоплан грохотал, как кот с привязанной к хвосту консервной банкой. Пока Камагуэй на перекрестке – любители метать камни давно принесли светофоры в жертву – пропускал автоцистерну с водой, тощий белый ребенок неопределенного пола подскочил к окну с игровой ухмылкой и пакетиком травки. Места обитания нонконтратисто; суровые земли в окрестностях некровиля, где живые завидовали мертвым. Здесь каждый был *nouveau*⁷⁸ -нищ.

Камагуэй остановился у киоска под нависающей ветхой трущобой, чтобы купить пива из жестяной ванны, наполненной тающим льдом. Бутылочный залог⁷⁹ был больше стоимости самого напитка. Продавщица подозрительно понюхала банковскую карточку и открыла бутылку зубами. Дешевое пиво по вкусу напоминало тот самый ихор, который тек в венах богов. Дети на мопедах выскочили из тени, чтобы провести вожделевыми ладошками по обводам автомобиля. Эй, сеньор, слушайте, сеньор, *poco dinero*⁸⁰, сеньор. Камагуэй мог им предложить только полумразумный *plástico*. Дети увязались за ним следом вдоль осененной кровавым неоном улицы Города мертвых.

Внезапно у синдрома обнаружился побочный эффект: Камагуэй почуял беду. Желтые предупреждающие треугольники приказывали объехать кратер посреди дороги – там рухнула секция недостроенного метро, – и возле одного из множества темных входов, похожих на язвы на фасаде гниющего аркосанти, его накрыло. Беда пахла красным, словно красная ягода или кровь.

Неприятности выглядели как трое людей – один мужчина, две женщины, – прижавшие четвертого к стальным рольставням магазинчика, изрисованным названиями соперничающих футбольных команд. Более высокая из нападающих схватила жертву за волосы – это тоже была женщина, как понял Камагуэй, когда ее лицо оказалось на свету, – ударила о витрину и сбила с ног. Струйки крови бежали из уголков рта жертвы, но лицо было пустым и отрешенным, словно она не чувствовала боли. Она не попыталась защититься, когда вторая женщина, выкрикивая нечленораздельные ругательства по-английски, вонзила острый каблук ей в грудь.

В тот момент Камагуэй понял, что жертва мертвая.

– Что, черт возьми, происходит?

Стоило кому-то лишь свистнуть, и из заброшенной тьмы многоквартирных домов выскочила бы тысяча бандитов с ножами, чтобы порезать на лоскутки глупого *rico*⁸¹, который полез не в свое дело. Водился за Камагуэем такой грех. Он не умел закрывать глаза на происходящее. Что ж, если случится драка, то почти наверняка в последний раз.

Все уставились на него. Он уже видел такую сцену – с черными силуэтами в свете фар – на плоском экране какого-то старого телевизора. Даже сейчас она казалась мелодраматичной и нелепой.

– Не лезь не в свое дело. Мы уже вызвали сегуридадос.

– Ради всего святого! – воскликнула мертвая женщина. – Они убьют меня!

Мужчина ударил ее ногой в живот. Присев на корточки, сунул в лицо оттопыренный средний палец, как будто фаллический жест был более грозным, чем ботинок.

– Слышь, ты, заткнулась на хрен. Лежи и не выпендривайся.

Прибыли сегуридадос. Настоящие ублюдки. Таких не перепутаешь с полицейскими, которые все еще курсировали в небе, высматривая фары Камагуэя. Те олицетворяли закон. Эти – силу. Как и патрульные, они выходили на дежурство отрядами по десять человек, вооруженные до зубов и в броне. Но стреляли без предупреждения. Щелчки предохранителей заглу-

⁷⁸ *Nouveau* – новый (фр.); для сравнения, *nouveau riche* – нувориш, быстро разбогатевший человек.

⁷⁹ *Бутылочный залог* – включенная в цену стоимость тары, которую при сдаче на переработку возвращают.

⁸⁰ *Poco dinero* – немного денег (исп.).

⁸¹ *Rico* – здесь: богач, богатей (исп.).

шили прочие звуки: шорох велосипедных шин, урчание мопедов, голоса. Когда правоохранители выходят на сцену, все смотрят только на них.

– Ну?

Высокая женщина, которая, похоже, командовала охотой на ведьм, подняла руку жертвы на свет и заставила ее раскрыть ладонь. Знак смерти казался выплавленным из обсидиана.

– Она нарушает комендантский час.

– У меня контракт, мать вашу! – крикнула мертвячка.

– Эта сука браконьерствует на нашей территории, – заявил мужчина. При свете фар уличных багги сегуридадос Камагуэй увидел под его сетчатой рубашкой швы вдоль мышц. Только что от хирурга.

– Пусть встанет, – скомандовал главный в отряде.

Мертвая проститутка поднялась на ноги, но не раньше, чем вторая женщина без всякой на то причины дернула ее за волосы.

– А ну хватит, – буркнул полицейский, давая понять, что не видит разницы между живыми и мертвыми проститутками, а также прочими обитателями Exposición. – Покажи персоналку.

– Нету. – Взмах кистью, демонстрация пустоты на запястье. – Гребаное мясо тырит все, что гвоздями не прибито.

– Ты хлебoreзку-то не разевай.

– Врет! – взвыла высокая женщина. – Разве не видно, у нее никогда и не было персоналки. У нее ни клиента, ни контракта, ни пропуска на время комендантского часа – ничего. Она просто вперлась на наш участок!

Снова этот запах красного жара, кровавой ягоды, горячего камня. И еще: пот, слюна. Секс. Они хотят увидеть, как она превратится в шлак, в пятно катастрофически поврежденных текторов. Прямо у них на глазах. Зрелище в самый раз для прайм-тайм.

Не бойся. Они не могут тебе навредить.

– Она со мной. – Он увидел свое искаженное отражение на шлеме полицейского, когда подошел и встал рядом с мертвой проституткой. – Я ее нанял.

– А ты кто такой?

Алый проблеск plástico.

– Спасибо, сеньор. А у вас есть сведения относительно... э-э... второй стороны контракта?

– Нуит, – прошептала мертвая женщина, наклонившись к микрофону персоналки на его запястье. Устройство заговорщически подмигнуло и передало имя прогам-юрисконсультам, а через них – фирмам в Ванкувере и Фримантле. Контракт возник благодаря зашифрованному общению, пока мертвая проститутка – Нуит – пыталась с помощью вранья избежать *Настоящей смерти* от теслерной очереди. Он был оформлен и подписан за те три с половиной секунды, которые потребовались Камагуэю, чтобы отстегнуть приборчик и вручить полицейскому.

– Пять тысяч?.. Не многовато ли, сеньор?

– Есть такая штука, *teniente*⁸², – называется «рыночная экономика».

Сжатые губы лейтенанта – рот был единственной выразительной частью лица, видимой под шлемом, – продемонстрировали, что еще сильнее, чем *favelados*⁸³ и проститутки, он презирает тех, кто пользуется услугами мертвых шлюх.

– Можете идти.

А как же «сеньор»?

– Персоналку отдайте.

⁸² *Teniente* – лейтенант (исп.).

⁸³ *Favelados* – обитатели трущоб (порт.).

Полицейский протянул штуковину с таким видом, будто она была заразная. Возможно, так все и обстояло на самом деле.

Камагуэй взял Нуит за руку. Теплая – он уже знал, что у мертвых теплые руки.

– Молчи. Садись в машину.

– Поняла, не тупая.

Они моментально угодили под шквал снарядов: пивные банки, камни, отвалившиеся от аркосанти куски, уличный мусор. Почувствовав опасность, автомобиль развернул изогнутую крышу из прозрачного серебристого тектопластика и активировал внешнюю видеосвязь. Сиденья опустились; Нуит одернула подол сетчатого платья, почувствовав, как обивка подстраивается под тело.

– Ого, приятель, да это же настоящий бэтмобиль.

Она вытерла запекшуюся кровь с лица и рук влажной салфеткой из бардачка. Раны, отметил Камагуэй, заживали со сверхъестественной скоростью: ссадины и ушибы на темной коже исчезали на глазах.

– Почему ты это сделал?

– Жизнь полна сюрпризов, дорогая.

– Ты не должен был так поступать.

– Да ладно.

– У меня не было контракта. Я занималась браконьерством. Меня прижучили по заслугам. *Mea culpa, mea maxima culpa.*⁸⁴

– Знаю.

– Слушай, а мы не могли бы перестать корчить из себя героев фильма-нуар и упражняться в унылом сарказме? Давай как разумные существа обменяемся фразами длиннее десяти слов.

– Камагуэй.

– Камагуэй. Смахивает на название какой-нибудь старой базы морской пехоты США на Кубе. – Заметив недоумение Камагуэя, проститутка объяснила: – В моей голове антикварная инфа разложена по полочкам, как продукты на полках в супермаркете. Некоторых эта особенность сводит с ума. Нуит; ты уже в курсе. Впрочем, называй меня «галлоглас»; где-то внутри этого тела есть кельтские хромосомы, или они там были, прежде чем Адам Теслер их расхреначил до неузнаваемости, а клановая родня почуяла приближение Сдвига и срулила аж в Медисин-Хат. Имей в виду, в ту пору я была другого цвета, но такая шкура мне нравится больше. Лучше сливается с фоном.

Камагуэй отключил поляризацию на окнах. В какой-то момент радиоэфир преодолел незримую ночную границу, и вместо дешевой попсы зазвучали душещипательные баллады.

– Когда один из моих предков спасал жизнь, скажем, одному из твоих, твой предок был буквально обязан моему жизнью. Он становился собственностью хозяина – телом, разумом и духом – и служил ему до конца своих дней. Таких и называли «галлогласами»⁸⁵.

– Похоже на контракт с Домом смерти.

– Вот именно. Так или иначе, теперь я принадлежу тебе. – Нуит поджала под себя ноги, словно некое маленькое млекопитающее, рефлекторно свернувшееся в гнезде. – Так куда мы направляемся, Камагуэй?

– Подброшу, куда скажешь.

– Вы заплатили деньги, сеньор, так что можете понюхать фрукты. На пять тысяч баксов можно купить много манго.

⁸⁴ Моя вина, моя величайшая вина (*лат.*).

⁸⁵ Если точнее, *галлоглас* – профессиональный шотландский воин-наёмник в армии ирландского короля.

Он рассмеялся. Горько, но вкусно, как кроваво-красная капля ангостуры⁸⁶, которая делала коктейль идеальным.

– Твоя правда, Нуит.

– Итак, сеньор Камагуэй: куда направляемся в Ночь мертвых?

– Конечно, не в кафе «Конечная станция». Я вдруг понял, что не хочу встречаться с теми, кто меня там ждет.

Слишком многое нужно сделать, увидеть, услышать, понюхать, потрогать и попробовать на вкус, чтобы тратить свою последнюю ночь на разгребание старого пепла, который больше никогда не вспыхнет. Он приказал убрать крышу. Автомобиль превратился в розовую мечту с подножками, выпуклыми и удлинненными сквозными крыльями и фарами, похожими на совиные глаза, с плавниками, решетками и серебряной фигуркой, жаждущей гонки по автостраде. Разочарованный тем, что проги не сменили станцию вместе со стилем авто – на напевы и мелодии более старой, окутанной туманом эпохи, – Камагуэй выключил радио.

– Белые боковины⁸⁷?.. – тихо попросила сраженная Нуит. Вуаля! Вот и они. – Нам осталось лишь отыскать пальмы и неспешно вдоль них проехаться.

Искомое обнаружилось чуть дальше. Два параллельных ряда пальм, каждая строго в пяти метрах от соседки; ряды сближались, деревья уменьшались, как на рисунке художника, изучающего перспективу, и дорога вела к колоссальному пастельно-розовому знаку смерти, оседлавшему бульвар.

За заросшими лужайками высились *casa grande*⁸⁸, шато и тюдоровские особнячки Бель-Эйра – пустые, словно браки без любви, с окнами, которые риэлторы-оптимисты заложили камнями или заколотили досками, чтобы отпугнуть скваттеров. Дикие обезьяны пронзительно перекрикивались в ветвях деревьев, обвитых удушающими фикусами и тропическими эпифитами; дремлющие тектозавры плавали в заброшенных бассейнах, рассекая гниющие листья.

– Ушедший Голливуд, – проговорила Нуит. – Тур «Как жили богатые и знаменитые». Смотри-ка! – Камагуэй опоздал на долю секунды, следуя за ее пальцем. – Уверена, это был оцелот.

– Наверное, просто кошка.

– В таком прикиде? Ты забываешь, *chico*⁸⁹, что я работала на этих улицах.

На киноэкране в голове Камагуэя: объектив с синим фильтром, медленное панорамирование. Рваные кружевные занавески, развевающиеся на теплом, как кровь, ветру из открытого окна. Много цикад; ночные птицы и мартышки-верветки поют хором. Бассейн блестит в свете луны, мебель в комнате наверху укрыта простынями от пыли, и на таких же простынях движутся в унисон потные бока, скользят блестящие бедра.

Некровиль медленно затягивал их в свою пасть.

– Нуит.

– Я тут.

– Ради чего ты рисковала попасться сегуридадос? Тебя же могли убить за работу в мясных зонах.

Она прикоснулась кончиком языка к верхней губе.

– У меня высокие моральные стандарты. Лучше двадцать или тридцать лет – даже продолжая расплачиваться за реконфигурацию – провести на бульварах, чем двести или триста в каком-нибудь борделе для *contratistas*⁹⁰. Влиятельным *proxenetas*⁹¹ это не нравится, я же ловлю

⁸⁶ *Ангостура* – венесуэльский концентрированный биттер.

⁸⁷ *Шины с белыми боковинами* (*whitewalls*) – шины, у которых внутренняя часть полностью или частично белая. Производились с начала до 80-х гг. прошлого века.

⁸⁸ *Casa grande* – особняк, вилла (*исп.*).

⁸⁹ *Chico* – здесь: дружок, малыш (*исп.*).

⁹⁰ *Contratista* – здесь: наемный работник, контрактник (*исп.*).

мясо на их пастбищах. А это значит, что в меня иногда стреляют. Но вот что я тебе скажу, *chico*, вот так чудить в одиночку – мой собственный выбор, понимаешь? Я сама решила. Такая карьера. Профессионалки вроде меня обслуживают избранных клиентов, которые могут себе позволить цены премиум-уровня. Твои пять тысяч баксов не так уж далеки от моей настоящей таксы.

Исчезающие ссадины, затягивающиеся без шрамов рваные раны.

– Ты трансморф.

– Суккуб, инкуб, оборотень. А ты думал, твоя тачка – венец творения. Собратья в Святом Иоанне творят с тектроникой такие штуки, мой мясной малыш, что ты ушам своим не поверишь.

Нуит посмотрела в небо, густо усеянное осенними созвездиями.

– «Больше звезд, чем на небе»⁹², – говорили они.

Камагуэй не понял.

– Нуит, сколько тебе лет?

– Достаточно, чтобы помнить времена, когда ни один джентльмен не задавал леди подобного вопроса. Столько, сколько было королеве Англии, когда там еще была королева. У меня два дня рождения. Ну, день рождения и день возрождения. Сколько мне лет, зависит от того, от какой даты считать. Если от последней, мне тридцать пять: Поколение Зеро. Перворожденная из мертвых или что-то в этом роде. Если от первой... пожалуй, не будем обижать старую шлюху. Я помню Рейгана, пусть и не слишком хорошо.

Ворота некровиля приближались. Пока автомобиль не свернул на заброшенный бульвар, Камагуэй не знал, что некровиль – то место, куда ему в самом деле надо. Теперь в целом мире не было места прекраснее.

– Нуит, как ты умерла?

– Язык – забавная штука, Камагуэй. Пятьдесят лет назад этот вопрос показался бы бессмыслицей. Абракадаброй. Комбинация слов существовала, но описывала нечто невероятное. Сеет ли наша способность говорить о невозможном семена возможностей? Я устала, Камагуэй. Мне было восемьдесят три года, и однажды утром мое тело решило, что с него хватит. Не каждому дано умереть на скоростной автотрассе.

«Я знаю. Я пытался».

– *Quid pro quo*⁹³, Камагуэй. В этом суть любой сделки. Итак, Нуит хочет знать: сколько лет тебе?

– Двадцать семь.

– Забавный возраст, – вот и все, что сказала Нуит.

От сияния врат звезды померкли. Жизнь и сама была чередой врат, сквозь которые можно пройти только в одну сторону: детство, пубертат, взрослая жизнь, партнерство, карьера, деторождение, воспитание детей. Ни одни из перечисленных не были столь абсолютны в своих последствиях, как этот грозный клин из светящегося пластика. Камагуэй попытался представить себе, какими врата видит Нуит – как возвращение домой, символ безопасности и защищенности? Ему они бросали вызов. Последние. Сорок семь часов три минуты.

– Нуит, каково это – умереть?

– Могу я взглянуть на ваше удостоверение личности, сеньор?

Розовая флуоресценция подсвечивала полицейского, склонившегося над дверью. Камагуэй транслировал через персоналку идентификаторы и контракт с Нуит.

– Это и есть мертвая женщина, с которой вы заключили сделку?

⁹¹ *Proxenetes* – сутенеры (исп.).

⁹² Рекламный слоган студии MGM в период Золотого века Голливуда.

⁹³ Услуга за услугу (лат.).

Нюхачи и сканеры пробежались вдоль машины, замерли и полностью переключили свое внимание на Нуит.

– Верно.

– Хм...

Нуит игриво улыбнулась полицейскому. Сканеры скользнули по крыше, дерзко обнюхали Камагуэя.

И ворота взвыли.

Камагуэй сидел, окаменев, в эпицентре урагана звуков; сигнализация надрывалась, из дорожного покрытия впереди машины выскочили стальные пальцы.

– Убирайся отсюда к чертовой матери! – крикнула Нуит на ухо Камагуэю. – Дави на газ, мать твою!

Шины с белыми боковинами задымилась, когда машина рванулась прочь из ловушки задним ходом. Сирены продолжали выть. Ошарашенные стражи порядка потянулись за оружием.

– Ты следи за дорогой, я буду следить за ними, – крикнула Нуит. – Твою налево, чувак, что ты натворил?!

Камагуэй развернул машину, оставив на потрескавшемся бетоне черную полосу. Зеркала заднего вида демонстрировали сегуридадос, которые опустились на колено и прицелились; их оружие принимало новые, грозные очертания.

– Что я натворил? Что *ты* натворила?!

Он проехал через пятиметровый промежуток между двумя пальмами и помчался по старому тротуару, кося высокую траву хромированными бамперами и надеясь, что деревья защитят от теслерного огня.

– Я?! Я вообще не при делах, мясо. Это не из-за Нуит их миленькие детекторы тектронной активности заорали, как резаные.

– Да о чем ты говоришь?

– Правильно. Сюда. Сюда! За этими гасиендами – лабиринт служебных переулков. Там мы им шнурки-то и свяжем.

С классическим голливудским визгом колес машина повернула под прямым углом и нырнула сквозь завесу испанского мха. Прозвучали предупреждения о близости препятствия: сжалившись над вздрюченной нервной системой автомобиля, Камагуэй переключился на полное ручное управление и продолжил мчаться по темному узкому туннелю из осыпающейся каменной кладки и нависающих древесных крон.

– Ну так вот, объясняю, – сказала Нуит. – У ворот есть встроенная система раннего оповещения, которая позволяет обнаружить любого нелегализованного мертвеца, пытающегося войти или выйти из некровиля. И поскольку, благодаря твоей щедрости, я больше не нелегализованная, остается один главный претендент на эту роль.

Он резко затормозил.

– Нет! Нуит, я не...

– Я почувствовала, что в тебе есть что-то не *mechaieh kosher*⁹⁴, как только мы встретились. Ну просто очешуешь... Меня выдернул из клыков «Клуба молодых стрелков и неонаци» посреди Ехросісіоп тот, из-за кого сегуридадос с радостью спалят целый район, лишь бы наверняка покончить с заразой. Я, знаешь ли, в свои сто двадцать с хвостиком слишком молода и красива для *Настоящей смерти*.

– Нуит, послушай, я же выкупил твой контракт. Ни один некро на такое не способен.

– Да ладно? Тогда кто ты, черт возьми? – Она подняла глаза и увидела что-то, незримое для него. – Обсудим позже. – Камагуэй почувствовал кожей покалывание переменных грави-

⁹⁴ *Mechaieh* – приносящий радость; *kosher* – кошерный, соответствующий религиозным правилам (*идиши*).

тационных полей, и тут Нуит схватила его за руку и со сверхъестественной силой вытащила из машины. – Беги. Что бы ни случилось, не останавливайся и не оглядывайся.

– Неужели я превращусь в соляной столб?

– Типа того.

Они побежали. Позади них переулочек взорвался от теслерной очереди.

– Моя машина...

– Куплю тебе целый гараж, зайка. Вперед, вперед, не останавливайся; переулки ограничивают их поле обстрела, но если прижмут к стене, мы с тобой *sodai gomi*⁹⁵.

Камагуэй оглянулся. Мехадоры – черные на черном, с узором навигационных огней, парящие над пузырем кипящего серебристого шлака – вертели головами, выискивая и вынюхивая беглецов. Больше никакого полуночного радио, больше никаких поездок с опущенным верхом по бульварам. Он побежал.

– Лезь сюда, давай быстрее. – Нуит отогнула угол ржавой сетки забора. – Тут по всему району полно старых оросительных канав и водотоков, многие из них проходят прямо под проволокой в некровиль, и сегуридадос не знают даже процента от процента того, что тут есть. – Камагуэй пролез под сеткой, Нуит присоединилась к нему, и вместе они побежали по заросшему сорняками красному покрытию заброшенного теннисного корта. Призраки боковых линий; гниющие сети, свисающие со столбов; смутно фаллический робот-официант вежливо ржавел в углу. В воздухе витал аромат ночных цветов.

– Вот блин.

Мехадор парил над облупившимся пряничным куполом гаража на две машины, его черная насекомообразная башка сканировала пространство: целенаправленно и ужасающе медленно поворачивалась влево-вправо, влево-вправо. Машина опустилась на кирпичный внутренний дворик с той же величавой неторопливостью. Никаких надежд, что он их не увидел.

– Беги! – закричала Нуит.

Голова богомола зафиксировалась в нужном положении. Пять метров до ворот теннисного корта. Фасеточные глаза распахнулись, дула орудий выдвинулись для атаки. Четыре метра до ворот. Мехадор накренился вперед и полетел через заросшую лужайку. Три метра. Мехадор одним гравитационным прыжком преодолел проволочную изгородь. Метр.

Ворота оказались заперты, висячий замок и цепь превратились в сплошную гирлянду из задубевшей ржавчины.

Весь отряд охотников спускался на теннисный корт – плавно, словно пух одуванчика.

С отчаянным воплем Нуит сорвала с креплений ворота вместе с замком и цепью и швырнула в ведущего преследователя. Робот закрутился на импеллерах; не теряя ни секунды, Нуит потащила Камагуэя через буйные заросли клематиса. Тот упал в бетонную траншею, на дне которой вяло плескалось несколько сантиметров вонючей воды, и сильно ударился. Поднял покрытые слизью руки, с отвращением оглядел свои испорченные штаны.

– От толики грязи еще никто не умер, – сказала Нуит, протискиваясь мимо него, чтобы погромить металлической решеткой, преграждающей доступ к бетонной водопропускной трубе. – Верно, Нуит. Препояши чресла свои. – Она сжала кулаки; под покровом лиан было темно, но Камагуэю показалось, что он видит, как ее плоть течет и застывает, превращаясь в два тарана из белой кости. Ржавый металл согнулся и рассыпался при первом ударе, при втором прутья поддались, при третьем лопнули. Предчувствие заставило Камагуэя поднять глаза. Огни виднелись сквозь маскирующий покров из листьев и приторно пахнущих цветов.

– Нуит...

Она отгибала прутья решетки голыми руками. Ее сила превосходила воображение. Полезный талант для проститутки. Как и оборотничество.

⁹⁵ *Sodai gomi* – крупногабаритный мусор (яп.).

– Только взгляни на мое гребаное платье. Почему-то такие вещи никогда не случаются с нелюбимыми тряпками.

– Я куплю тебе целый магазин, зайка.

– Хватит голливудских шуток, просто тащи свою задницу в эту дыру. – Она втолкнула его внутрь. Водопропускная труба представляла собой круг абсолютной черноты высотой в метр, мерзкая жидкость доходила до щиколотки. – Подземная железная дорога имени Нуит; следующая остановка – некровиль. И помни, chico, ты должен мне все объяснить.

Камагуэй бросился в темноту. Позади него бетонная канава вспыхнула белым пламенем теслерного огня.

Сорок шесть часов сорок четыре минуты.

Три амбициозные мечты Хуэнь:

Uno: устроить пикник на горе Рашмор. «Девушка, которая взлетела Линкольну на нос».

Dos: побить рекорд страны по одиночному планированию.

Tres: влезть Туссену под летный костюм – черно-розовый, с рисунком в виде спиралей.

Она бы отказалась от пунктов uno и dos, если бы смогла обхватить ногами tres.

И она со временем добьется своего. Даже каменное лицо Presidente Линкольна на Раш-море со временем могло стереться, а Гнездо Лодога-Каньон было не таким большим местом, чтобы он мог прятаться от нее вечно. Гнездо – одно из двадцати, усеявших западные склоны Гриффит-парка – представляло собой ультрасовременный архитектурный жилой комплекс, который снаружи выглядел как гигантская брокколи, а обитать в нем было все равно что в собственном левом легком. Жизнь под полупрозрачными зелеными гранеными куполами, среди альвеол и ребер жесткости, обеспечивала ту же социальную открытость и близость, что и у подводников, цирковых артистов и спортсменов. Никакой приватности. Никакой секретности. Никакой застенчивости. Для групп вроде Орлов Лодоги, где индивидуальность подчинялась высшему идеалу полета, дух неприкрытого содружества был необходимым социальным цементом. Без него они бы перегрызли друг другу глотки.

Хуэнь нашла черно-розовый костюм, висящий на крючке, прикрепленном эпоксидной смолой к пузырячатой стене гигиенического центра. Кое-кто стоял под душем. Она проскользнула внутрь, приняла тщательно непринужденную позу у умывальника и откровенно залюбовалась его мокрым телом.

– Собираешься на вечеринку?

(«Я могла бы туда прошмыгнуть, но ты же выкинешь меня вон».)

– Иду в Город мертвых, но не на вечеринку.

– А зачем?

(«Нашел себе кого-то. Вот засранец».)

– Просто хочу повидаться с друзьями.

– А я их знаю?

(«Я ей сердце из груди вырежу и зажарю у нее на глазах».)

– Маловероятно.

– А я могу пойти с тобой? Тут скучно. Все такие унылые.

(«Только попробуй меня не взять».)

Шипение и бульканье воды прекратились. Туссен вычистил пену из ушей уголком полотенца.

(«У меня получится».)

– Нет, это вроде как личное. Воссоединение старых друзей. В другой раз, если не возражаешь.

– Смотри, фейерверк! – Встав на цыпочки, Хуэнь увидела, как в долине внизу распускаются малиновые огненные цветы. – Эй, Туссен. Там что-то происходит.

*Ты не горюй о пастушке:
Он про волка кричал –
Схрумкали. –*

предупредил Туссен.

– Честное слово, Туссен. Я это уже в третий раз за неделю вижу.

– Наверное, просто собачники или дети, ищущие, где бы пошалить или чем бы обдолбаться. – Но он подошел, толком не обсохнув, чтобы выглянуть наружу. – Ничего не вижу.

Хуэнь последовала за ним в его жилище. Это нельзя назвать ни «комнатой», ни даже «закутком»: оба слова были слишком громкими для дурно пахнущей спальной капсулы, приклеенной к изогнутой стене, и подвесного шкафчика.

– Надень это, тебе идет, – сказала Хуэнь, кивая на его единственный полуофициальный наряд, тщательно отобранный так, чтобы годился для почти любого выхода в свет.

«Прошрое...»

Он вспомнил про костюмы, у которых каждая штанина стоила по пятьсот баксов; их вручную сшили лучшие мастера Города мертвых, и теперь тряпки собирали пыль и незаметно давали усадку год за годом. Любое дело, которое требовало ношения костюма, было жалким подобием настоящей жизни. Туссен еще мог вспомнить, как выглядели костюмы, но не туфли. Туфли – никогда. Выходит, он и не собирался идти по стопам отца.

Неужели мы просто меняем одну униформу на другую?

– Нет, хочу вот это.

Уличный стиль. Мода для теплого климата. Много обнаженной кожи. Хуэнь пожала плечами.

– Я все еще думаю, что в другом ты смотрелся бы лучше. Зависит от того, хочешь ли ты произвести впечатление на людей или нет.

– Это всего лишь *corillo*⁹⁶, в которую я когда-то входил. Мы встречаемся каждую Ночь мертвых в кафе «Конечная станция» в Святом Иоанне. Подходящее место для встречи: кафе умерло много лет назад. Мы просто поднимаем тост за безвкусный труп. Каждый год мы по очереди устраиваем какое-нибудь мероприятие, что-нибудь необычное – поездку, экспедицию. Что-то. В прошлом году отправились на поиски Мультияшного кладбища. Это было мое мероприятие. В этом году очередь Сантьяго Колумбара. Одному богу известно, что он вкладывает в понятие «веселая ночь».

Брат Мохаммед, который висел в гравитационных ботинках под потолком в своем закутке размером два на два метра, внезапно потянулся к перекладине и ловко опустился на землю.

– Ты знаешь Сантьяго Колумбара? Раньше он был моим героем. Как все великие звезды *futbol* и *movimiento*⁹⁷ в одном лице. Он однажды такую штуку сделал: ликантропеон-3, темпорально-ориентированный проприоцептор. Каждые двадцать девять с половиной дней срабатывало и сообщало твоей нервной системе, что ты волк. Собери десять товарищей вместе, раз, два, три – погнались, вы стоя. А-у-у! Лондонские оборотни. Крутая была штука, ты мог наблюдать, как меняешься, когда начинают работать проприоцепторы; виртуальный преобразователь можно было запрограммировать так, чтобы и своих товарищей по стае ты видел волками. Вы все действительно думали, чувствовали и ощущали, как волки. Хорошее вещество. Потребовался целый год, чтобы оно вышло из моего организма. К тому времени я уже пристрастился к полетам.

⁹⁶ *Corillo* – большая компания друзей (исп., сленг Пуэрто-Рико).

⁹⁷ *Movimiento* – здесь: кинематограф (исп.).

– Надо тщательнее выбирать кумиров, – мрачно сказал Туссен. – Кто-нибудь знает номер службы такси?

– Сегодня вызвать не получится, – сообщила Хуэнь с легким злорадством. – Живые не спустятся в долину, а мертвые все заняты.

Чтобы доказать ее неправоту, телефон сообщил Туссену номер велотакси «Парамаунт кэб». «Десять минут», – сказали на том конце. Ровно через десять минут с точностью до секунды велорикша позвонила в колокольчик на гравийной дорожке возле Гнезда.

– Что ж, желаю приятно провести время, – сказала Хуэнь без тени любезности.

– Идея не в этом... – вздохнул Туссен.

Похожая на сфинктер дверь Гнезда Лодога закрылась за ним. Вечер: ясный, теплый, температура тридцать два градуса, влажность девяносто три процента, ветер западный, переходящий в северный, северо-западный, слабый, около восьми километров в час. Последние инфракрасные отблески комендантского часа в небе. Предчувствие грома. Земля пахнет; пахнут латериты⁹⁸ и все, что растет. Из долины тянет дымом пожара.

– Ты тот парень, который хочет в кафе «Конечная станция»? – спросила *cochera*⁹⁹, мускулистая мертвячка, одетая в шорты и увешанная бижутерией; она как будто ничуть не запыхалась после крутого подъема в Гнездо. Голова у нее была бритая наголо, если не считать пяти тщательно завитых дредов у основания черепа. – Надеюсь, ты не против попутчика.

Таковым оказался мужчина неопределенного возраста, с лицом вроде тех, которые кажутся знакомыми и заставляют до утра мучиться от попыток вспомнить, как человека зовут. Нарядный Туссен почувствовал себя неудобно: все равно что серфер на свадьбе.

– Прекрасный вечер, – сказал пассажир.

Cochera спешила и стала что-то подкручивать.

Какой-то мужчина шел по гравийной дорожке от густых зарослей бамбука, скрывающих фундамент Гнезда.

Что-то кольнуло, ёкнуло: надвигается беда.

Пассажир доверительно наклонился вперед.

– Знаете, – сказал он, – вам действительно стоило надеть другой костюм. Так было бы гораздо удобнее.

Туссен схватился за стальную раму, чтобы отпрыгнуть как можно дальше. Отскочить. Убежать. Спрятаться. Но хромированная эмиссионная головка тункера оказалась в тридцати сантиметрах от его «третьего глаза». Оружие держал в левой руке человек, вышедший из зарослей бамбука.

– Возвращайтесь в такси, сеньор Теслер.

Тункер: популярное, дешевое, массовое противопехотное оружие, состоящее из высоковольтного мазера и запаса энергетических патронов. Для стрельбы с небольшого расстояния; общественно опасное. Работает по принципу городской легенды про пуделя в микроволновке, только вот в этой версии в пар превращается мозг и разносит голову на части. Сцена с взрывающейся башкой – как ни крути, нестареющая классика.

Сеньор Теслер. Сеньор Теслер. Сеньор Теслер.

Шов вдоль ранца с крылом вдруг заныл, как будто воспалился и стал ужасно болезненным.

– Кто вы такие?

– Это Тешейра, – мужчина с тункером слабо улыбнулся, – это Шипли, – мускулистая женщина кивнула, в кулаке у нее сверкнул серебром второй тункер, – а меня зовут Квебек. Что вам мало о чем говорит. И не должно, сеньор Ксавье Теслер.

⁹⁸ *Латериты* – тропическая разновидность почвы.

⁹⁹ *Cochera, cochera* – здесь: велорикша, таксист или таксистка (*исп.*).

– Я больше не ношу это имя.

– Мы знаем. Как вы уже догадались, мы не спускали с вас глаз. А также ушей и кое-каких других органов чувств, посложнее.

– Вы перехватили звонок в таксомоторную компанию.

– Разумеется.

Пауза. Затем:

– Ты. Кто ты такой? – Туссен употребил такое местоимение, словно обращался к знакомому: «¿Qui es-tu?» Человек, называвший себя Квебеком, улыбнулся. Внезапно разозлившись, Туссен выскочил из велотакси.

– Я не собираюсь играть по вашим правилам. Вы не выстрелите в меня. Вам нужно что-то, что может дать только Ксавье Теслер, и если вы убьете меня, вы этого не получите. Значит, я иду пешком.

Он повернулся спиной к тункерам. Он чувствовал себя так, как будто швы на коже разползлись, и сокровенные механизмы души оказались выставлены на всеобщее обозрение.

– О да, Туссен, ты прав.

Туссен остановился, подозревая, что ему позволили одержать эту маленькую тактическую победу только потому, что она обеспечила им больший стратегический выигрыш.

– Твоя подруга Хуэнь – та, которая в твоём присутствии возбуждается, – позови ее. Скажи, что ты передумал и хотел бы познакомить ее с Сантьяго Колумбаром в кафе «Конечная станция».

Как долго они наблюдали, слушали, нюхали, что сумели забраться так глубоко в нутро его жизни?

– Или?

– Трое вооруженных головорезов против двенадцати безоружных миролюбивых летунов?

– Пошел ты, Квебек.

Женщина по имени Шипли ухмыльнулась. Тешейра проводил Туссена до двери. Открыла Хуэнь.

– Решил, что ночь в Городе мертвых без возможности повеселиться со мной – слишком скучное занятие?

Туссен выдавил из себя улыбку, легкомысленный тон.

– Менять свое мнение – прерогатива мужчины. Ты идешь?

– Попробуй остановить меня.

Ему стало дурно, когда он увидел, как она возвращается в своем любимом шелковом жакете.

– Давай повеселимся!

Даже реакции águila было недостаточно, чтобы спасти ее. Человек, назвавшийся Тешейрой, сделал шаг вперед. И его лицо оторвалось, превратившись в струю чего-то серебристого (сохранившего призраки улыбки), устремилось к глазам Хуэнь, ее ушам, носу и рту. Девушка открыла рот, чтобы закричать. Серебристая жидкость хлынула внутрь, прямо в горло. Ее глаза превратились в слепые зеркальные овалы. Она судорожно, беспомощно замахала руками. Брюки потемнели от мочи.

Тешейра рухнул, как разбитая мраморная кариатида, на тщательно разровненный гравий и замер без движения.

Туссен упал на колени в приступе сухой рвоты, который не принес облегчения. Черная желчь. Горькая кислота. Чья-то рука коснулась его плеча.

– Сеньор Теслер. – Голос, рука принадлежали Хуэнь. Слова никак не могли ей принадлежать. Ткань ее брюк была темно-красной – мокрой – в паху.

– Теперь понимаете, кто и что мы? – спросил Квебек. – Должен признаться, глубоко сожалею о том, что мне пришлось использовать такую форму давления, Туссен. Я надеялся, что ваша конкретная... предыстория?... вызовет сочувствие к нашему делу. Вашу подругу Хуэнь вернут в целостности и сохранности по завершении нашей миссии. Тешейра взял под контроль высшие когнитивные и двигательные функции, но не задействовал системы репликации. Назовем это *coup de tête*¹⁰⁰. Чтобы развеять любые сомнения, которые могут у вас возникнуть: несоблюдение наших инструкций приведет к тому, что Тешейра полностью ее реконфигурирует. Как и в случае стандартного воскрешения, процесс необратим и фатален. Результат будет выглядеть как она, разговаривать ее голосом, но внутри окажется мертвым. Настоящим зомби. Спросите нашего приятеля. – Он указал на ставшее ненужным предыдущее тело Тешейры.

– Ублюдок.

– Нет, Туссен. Вовсе нет. Шипли!

Крупная женщина – чье тело она украла, с такими красивыми крупными мышцами и аккуратными дредами? – обошла угнанный велосипед, очищая его от нетекстопластических украшений и артефактов. В конце концов, удовлетворенная, возложила руки на шаткое приспособление, и нанопластик сразу же покрылся волдырями и расплавился.

– Осторожно, Шипли, в нем не так много массы, мы не можем позволить себе тратить ее впустую.

Шипли бросила на Квебека угрюмый взгляд через плечо и продолжила прясть и ткать. От прикосновения ее ласковых пальцев рама растягивалась, перекладины удлинялись, превращаясь в мономолекулярные волокна, стойки раскручивались в листы тончайшей пленки. Что-то вроде крыльев. Судя по очертаниям, каркас планера.

– Вы наверняка уже догадались, что мы не земные, дрессированные мертвецы, – вкрадчиво сказал Квебек. – И нам поручено необычное дело.

– Хотите, чтобы я отвел вас к моему отцу, которого собираетесь убить.

– Первое верно. Второе нет. Все, чего мы хотим – встретиться с Адамом Теслером.

– И?

– Убедить его, что это не может продолжаться, – сказала нечто с лицом Хуэнь. На гравийной дорожке лежали три монокрыла из тончайшей фольги, в сложенном виде похожие на мягких серых мотыльков. Мертвячка Шипли улыбнулась, гордясь своей работой.

– Полетели, – сказала она.

Йау-Йау на мопеде. Наряд: кожаная безрукавка, шляпа «Гарсон-Гарсон», перчатки без пальцев, крутая обувь; все надето поверх пленочной кожи, виртуального комбинезона. Не женщина, а картинка. Чух-чух-чух: спиртовой двигатель мопеда развивает максимальную скорость пятьдесят км/ч, что годится только для пробок или толп на улицах некровилей. Цель пути: центр Города мертвых, бар на углу, где назначена встреча с мертвячкой по имени Мартика Семаланг.

– Если хочешь размяться, у меня тут новое дело, – сказал Хорхе, следователь адвокатской конторы, обнаружив Йау-Йау сидящей в углу своей черно-белой комнаты перед бутылкой «Хосе Куэрво», пустой на четверть.

– К черту все, Хорхе... – сказала она. – Я труп. И почему Эллис все твердит, что серафино, который всюду за мной таскается, как тот ягненок за Мэри, – хорошая карма? Эй, Кармен Миранда, завтра ты пришлешь мне грузовик мертвых индеек; кайфуешь заранее, да?

– Ну же, Йау-Йау. Ты хороший адвокат. Обвинение в неуважении к суду – не твоя вина.

¹⁰⁰ Непереводаемая игра слов, действующая сразу английский и французский языки: *coup de tête* – необдуманный, импульсивный поступок (франц.), в буквальном смысле – удар головой (*tête*); вместе с тем, *coup* – государственный переворот (англ.).

– Это, типа, утешение такое? Я не хуже любого сраного коллеги и знаю об этом, но мне все равно дали пинка и наняли того, кого не будет преследовать до гробовой доски Кармен Миранда.

– Йау-Йау, когда захочешь поговорить – я к твоим услугам.

Момент настал через три часа – после того, как Йау-Йау сообщила Трио, что исполнит давнишнее желание коллеги и даст возможность от души попользоваться своей «Лестницей в небо».

– Ну что там за дело?

– Частное расследование, – сказал Хорхе, вручая Йау-Йау пиво из общего холодильника. – Это не в твоём вкусе, я знаю, но я по уши увяз в деле Марголиса, а отказывать клиентам не люблю.

– Тому, кто потерял самое крупное дело в своей карьере, выбирать не приходится, – сказала Йау-Йау.

– Клиентку зовут Мартика Семаланг. Ты встретишься с ней здесь... – Хорхе нацарапал адрес в некровиле Святого Иоанна на листке-самоклейке, который прицепил к запястью Йау-Йау. Писанина. Ох уж этот Хорхе и его причудливые анахронизмы. – Прочитать сможешь? – Йау-Йау кивнула. – Она будет за уличным столиком между восемью и половиной десятого. Закажите *samarrónes español*¹⁰¹. Очень вкусно.

– Лицом к лицу?

– Мясом к мясу. Долой виртуальность. Нюхни пороху. Ты нуарный сыщик или как?

– Или как, – с горечью сказала Йау-Йау. – Мой голливудский архетип – Перри Мейсон¹⁰². Ну, так было раньше. Можно взять твой мопед?

– Не забудь его заправить. Я одно могу тебе сказать. – Хорхе театрально улыбнулся. Актеры и юристы всегда были братьями по духу. – Эта Мартика Семаланг однажды утром проснулась и обнаружила, что мертва. Она хочет знать, почему.

Сегуридадос на бульваре Сансет проверяют персоналку и пропускают Йау-Йау. Не обходится без ритуального мужского выступления: они твякают, как койоты, медленно и похотливо тянут языки к нижней части забрала. «Присядь-ка сюда, *mi hermana*¹⁰³». Вот же больные придури. Так или иначе, она в некровиле.

Уличная жизнь. Как чудесно. Запах обожженного солнцем асфальта. Духовой оркестрик на углу, саксофонисты водят инструментами из стороны в сторону. Пикантный дух карнавала! Поскольку все так чудесно – и, вместе с тем, чудо кажется весьма мимолетным, – гнев и обида после истории с «Эндюстри Габонез» саднят и уязвляют сильнее, чем раньше. Вопрос «Как же такое могло случиться?» плавно переходит в «Как же я это допустила?».

Выходит, амбиций у нее больше, чем способностей. Родители в марине Дель-Рей могли бы похихикать. Почему она не последовала их совету и не стала бездельницей в третьем поколении? Если уж такая судьба годилась для них – коротать время на покачивающемся сампане посреди Плавающего мира, блаженно погрузившись в маджонг, дешевое телевидение и выданный государством *бханг*¹⁰⁴, печально качать головой из-за того, что коварный мир настолько коварен, – то и для нее тоже! Нетушки, ни за что на свете, их своенравной Дочери № 2 обязательно надо было получить *образование* и построить *карьеру*. Казалось бы, потрудиться можно

¹⁰¹ *Camarónes español* – креветки по-испански (исп.).

¹⁰² *Перри Мейсон* – знаменитый главный герой серии романов Эрла Стэнли Гарднера, а также снятых по мотивам фильмов и сериалов. Занимался расследованиями клиентских дел, но все-таки в первую очередь был преуспевающим адвокатом, в то время как архетипичный «нуарный сыщик» (*gumshoe*) в литературе и кино – во многом его антипод, всеми презираемый циничный одиночка в конфликте с обществом, на грани нищеты, без особых надежд на светлое будущее и т. д.

¹⁰³ *Mi hermana* – сестра, сестричка (исп.).

¹⁰⁴ *Бханг* – напиток на основе индийской конопли.

и после смерти. Хоть целую вечность. Мы ей так и говорили, но разве она слушает? А теперь тихо, начинается *El Camino Real*¹⁰⁵, мамочкина любимая мыльная опера.

Йау-Йау ни за что бы не поняла смысл выражения «сесть не в свои сани»; эгалитаризм был встроен в ее ДНК, как фатализм – в ДНК родителей. Ну что ж, присядь на корточки, чтобы затхлая вода плескалась у лодыжек, самодовольно улыбнись, как будто тебе известен некий секрет мироздания, скрытый от прочих смертных, да-да, улыбнись, кивни, наклони носик чайника...

Безрассудная дочь Мередит Мок снова держит хвост пистолетом. Мартика Семаланг станет ее самым удачным делом. Йау-Йау Мок прибавила газу. Вперед, мой стальной джаггернаут! Но маленький уличный мопед мучительно закашлялся, выдал пятьдесят пять – и баста.

ЙАУ-ЙАУ – внезапно заявила видеостена, витрина конторы «Вы сломали – мы починим», – ПРОСТИ МЕНЯ, Я СЛУЧАЙНО. ЧЕСТНОЕ СЛОВО!

Извинения Кармен Миранды помчались следом по проспекту, перепрыгивая через перекрестки с экрана на экран.

ЙАУ-ЙАУ, МЫ ВСЕ ЕЩЕ ПОДРУГИ?

К тому времени, когда она припарковала мопед на стоянке у «Такорифико Суперика», серафино перешел к жалобному нытью.

ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА, ЙАУ-ЙАУ... – сказала стена «Банко Нохидачес». Среди корпоративных пикселей промелькнули тени тропических фруктов. – ПОГОВОРИ СО МНОЙ, ЙАУ-ЙАУ!

Прохожие поглядывали на стену и улыбались, думая о ссорах между влюбленными, внезапных и тяжелых, как летняя гроза; о примирении, романтике и розах.

– Слушай, ты, скотина, – прошептала Йау-Йау в персоналку на запястье – видимо, с помощью этой штуки серафино и выследил ее в некровиле. – Мне поручили дело. Очень повезло, что мне доверили хоть что-то. По всем правилам я должна была рухнуть напрямик в канализацию. Вернуться в Сампан-сити. Но вышло иначе, потому что у меня хорошие друзья. Это мой последний шанс. Абсолютно. Категорически. Однозначно последний. Поэтому я не хочу, чтобы кое-кто все испортил. Например, чтобы моя клиентка встревожилась, когда я обращусь к рекламному щиту по имени. ¿Comprendes?¹⁰⁶

На стене «Банко Нохидачес» улыбчивый анхеленьо¹⁰⁷, окруженный вертящимся ореолом долларовых купюр, дернулся и превратился в карминовую ухмылку Ла Миранды. Бесстыжая старая королева подмигнула и извергла комиксовую выноску с текстом: НЕ ВОПРОС, ЙАУ-ЙАУ. ЕСЛИ Я ТЕБЕ КОГДА-НИБУДЬ ПОНАДОБЛЮСЬ, ТОЛЬКО СВИСТНИ.¹⁰⁸ Последним, что исчезло, был ананас, венчающий шляпу тутти-фрутти. Несколько *carnivalistas*¹⁰⁹ вежливо заплотдировали.

«Такорифико Суперика» принадлежало к той стайке простеньких уличных кафе, которые благодаря абсолютному неприятию перемен в конце концов становятся необычайно модными, ведь принцип калифорнийской кармы гласит, что даже сломанные часы дважды в сутки показывают правильное время. Йау-Йау выстояла очередь у жестяного прилавка, заплатила гроши за порцию изысканной пищи на пластиковой тарелке и бутылку пива, произведенного

¹⁰⁵ *El Camino Real* – королевская дорога (исп.); так в странах Латинской Америки и на юге США называют дороги, построенные в период испанского колониального владычества.

¹⁰⁶ Понимаешь? (Исп.)

¹⁰⁷ *Анхеленьо* – самоназвание испаноязычных жителей Лос-Анжелеса, в печатном виде зафиксированное впервые в 1888 г., но предположительно к тому моменту общеизвестное. Следует отметить, что этим же словом в «Некровиле» обозначается специфический говор местных жителей, основанный на смеси английского и испанского.

¹⁰⁸ Отсылка к знаменитому диалогу из фильма «Иметь и не иметь» (To Have and Have Not, 1944; в гл. ролях Хамфри Богарт, Лорен Бэколл).

¹⁰⁹ *Carnivalistas* – участники карнавала (исп.).

в Городе мертвых – не испытывая химической потребности в питании, мертвые отлично ели, пили еще лучше и как-то умудрялись делать так, что вкус в точности соответствовал запаху, – и принесла свой поднос к столику в пыльном дворе, где красивая мертвячка сидела под сухим деревом и ковыряла вилкой в тарелке с фасолевым салатом.

– Мартика Семаланг? – Улыбаясь, Йау-Йау почувствовала себя прыщавым подростком. Лицом к лицу. Мясом к мясу. У меня не получится. А если у нее на зубах кожа от фасоли или я почувствую запах ее дыхания? Ох, лучше вспомни про сампаны, которые покачиваются на волнах во время прилива. – Я Йау-Йау Мок, из «Эллисон, Исмаил и Кастарди». Мне поручили расследовать ваше дело.

А вдруг она поймет, что я все выдумываю на ходу?

Мертвячка пожала протянутую руку. Йау-Йау пододвинула стул.

– Не возражаете, если я включу запись? – Она сняла персоналку с руки и положила на стол. – Боюсь, я не очень хорошо пишу от руки. – Похлопала себя по бедрам. Все нормально. Продолжаем. – Сеньора Семаланг, что именно от меня требуется?

– Хочу узнать, как я умерла, – сказала Мартика Семаланг. У нее был очень мягкий и тихий голос, едва слышный из-за уличного шума за стеной из клинкерных кирпичей. – И, если подозрения оправдаются, хочу узнать, почему так случилось и кто лишил меня жизни.

– Что именно вы подозреваете? – спросила Йау-Йау.

– Что меня убили.

Технология воскрешения превратила убийство с целью сокрытия информации в анахронизм. А вот убийство в результате преступной неосторожности не утратило популярности с того дня, когда Каин психанул, и относились к нему проще. Осужденным преступникам светило самое большее десять лет в тюрьме, а то и условный срок. Как ни крути, их жертвы продолжали ходить, говорить, есть и испражняться.

Тот факт, что эта мертвячка не знала, кто ее убил, – и даже убийство как таковое было лишь гипотезой, – подразумевал столько невероятных вещей, что у Йау-Йау затрепетали крылья носа.

– Видите ли, сеньора Мок... – («Пожалуйста, называйте меня Йау-Йау».) – Йау-Йау. Я не помню ничего до того момента, как поднялась крышка моего резервуара Иисуса и техники Дома смерти помогли мне выбраться.

– Вы не знали, что мертвы?

– Представляете себе, каково мне было, когда я об этом узнала?

Нет. Йау-Йау не могла себе этого представить. Она сомневалась, что кто-нибудь способен себе это представить. Йау-Йау понимала, что ее неизбежно постигнет та же участь, что и Мартику Семаланг, но в эмоциональном смысле не могла принять ни тьму смерти, ни вечный свет воскрешения. Она вздрогнула в своем вирткомбе, шортах, безрукавке и шляпе «Гарсон-Гарсон». Над угасающим красным сиянием небесного знака сгущались тучи.

– Были случаи амнезии... – проговорила Йау-Йау. Ужин на пластиковой тарелке собирал мух. – Если кто-то умирает в детстве или младенчестве, могут возникнуть нарушения связанности воспоминаний. Но, как вы и сами знаете, обычно люди помнят свою смерть. Есть и более экстремальные происшествия – воскрешения эмбрионов после выкидышей или абортов... В подобных ситуациях нет воспоминаний ни о смерти, ни о предшествующей жизни. В прошлом году произошел довольно известный казус, дело Сифуэнтес: одна женщина из Сан-Якинто была убеждена, что слуга – это ее же абортированный сын. Дескать, он ничего не помнил про свою жизнь до смерти; она думала, парень ее преследует. У дамочки совсем крыша поехала.

Мертвячка сказала:

– Нет, я не думаю, что дело в этом. Вы, наверное, знаете, что после воскрешения можно вернуть несколько мелких личных вещей из прошлой жизни, если надо. – Йау-Йау не знала. – Вот что мне дали, когда я вышла из резервуара Иисуса.

Самозаклеивающийся пластиковый конверт. Она высыпала содержимое на жестяной столик. Там была единственная плоская видеозапись, архаичная, с помятыми уголками, потрескавшаяся и выцветшая.

Девушка, достигшая половой зрелости и слегка стесняющаяся своего тела, одетая по моде двадцатилетней давности, сидит на нижней ступеньке крыльца деревянного загородного дома двадцатого века, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Палисадники, увитые плющом; никаких заборов. Погода солнечная, в детстве она такая всегда. Девушка обнимает сердитую полосатую кошку и щурится на камеру; фотограф, жаждущий запечатлеть уютную картинку, забыл про солнце за спиной, и на гравийной дорожке видна его тень. На доме табличка с названием и номером: «Саннимид, 1345». Некоторые районы начали застраивать очень давно. Половина автомобиля на половине подъездной дороги. Очень похоже на старую модель «Нихан-ситихоппер». На половине номерного знака Йау-Йау разглядела код Трес-Вальес. Возможно, регион Сан-Фернандо. Это сужало круг поисков до трех миллионов автомобилей.

Девушка была слегка похожа на Мартику Семаланг, но в изменчивом мире мертвой плоти это мало что значило.

– Когда вы вышли из резервуара, вас пришлось чему-то обучать? Пользоваться туалетом, ходить, говорить, читать и так далее?

– Нет. Ничего из перечисленного. Все осталось в целости и сохранности, кроме воспоминаний. Я знаю, что собой представляет этот мир, но вместо моей роли в нем – пустота. Вы же понимаете, я не могла не заподозрить неладное.

– Думаете, вам стерли память.

– И это еще один аргумент в пользу версии об убийстве.

– Ваше имя звучит так, словно вы родом из юго-восточной Азии. Народ малайяли?

– Имя ничего не значит. Меня не так звали раньше. Я проверяла.

Йау-Йау втянула нижнюю губу. В виртуальности бессознательная гримаса вызывала приятное покалывание кожи, как будто ее целовали с головы до пят.

– Возможно, воспоминания не исчезли, а просто глубоко похоронены, – сказала она. – Я не специалист по нейрохимии памяти, но, вроде бы, энграммы¹¹⁰, которые кодируют наши воспоминания, запечатлены в организме, их нельзя полностью стереть, хотя определяющие их химические коды можно нарушить. Если так, то правильного раздражителя должно хватить для ассоциации, которая вызовет каскад воспоминаний. Запах бы сгодился; это самый мощный активатор памяти, как говорят те, кто разбирается в таких вещах.

– Я над этим размышляла, – сказала Мартика Семаланг и взмахом пальца вызвала mesero – талант, которым Йау-Йау никогда не обладала и которому завидовала. – Еще пива для сеньоры, а я возьму agua mineral. Однако я не знаю, как начать или даже с чего начать.

Йау-Йау взяла старый стоп-кадр. В те времена каждое лето казалось таким славным, даже в сампанном городке. Она плавала, бегала, становилась смуглой и гибкой...

– Я могу сопоставить марку и номер автомобиля с соответствующими муниципальными справочниками и архитектурными архивами. Это должно подсказать нам, где был сделан снимок.

– Это трудно?

¹¹⁰ *Энграмма* – гипотетический образ или модель действия (программа), запечатленные на протоплазме организма в результате воздействия раздражителя. Термин предложен ученым Рихардом Земаном в начале XX в. Существование энграмм не подтверждено наукой, однако поиски органического субстрата памяти вдохновили немало исследований в области науки о мозге.

– Проще простого. – Персоналка на столе послушно протянула нить, которую Йау-Йау вставила в плечный контур на запястье. – Отвлекусь на минутку, простите.

Йау-Йау натянула капюшон вирткомба. Выступили слезы, когда оптические интерфейсы пробрались мимо глазных яблок и подключились к зрительной коре головного мозга. Она сморгнула влагу и... вошла.

Мобильный канал связи был узким, соединение – медленным, как улитка, виртуальность – низкосортной и зернистой, временами безоговорочно монохромной (тут ей пришло в голову, что все хорошие нуарные детективы выглядят именно так). И все же Йау-Йау вошла. Буги-стрит¹¹¹. Тут было так хорошо, даже в монохромном режиме, что Йау-Йау сделала вид, будто не замечает мелькающее на краю поля зрения карикатурное изображение Кармен Миранды.

Согласование протоколов прошло легко и быстро, хоть она и скрипнула зубами, получив уведомление о проверке кредитоспособности рабочего профиля. Надо было попросить чуть-чуть налички авансом.

Загадка (Йау-Йау создала файл с заметками «на всякий пожарный» и вложила его в клетку из вертящихся вопросительных знаков): как же так вышло, что мертвячке по карману услуги «Эллисон, Исмаил и Кастарди»? Даже если расследование поручили старшему помощнику младшего дворника? Раз ей не пришлось заключать контракт, в какой-то крупной страховой фирме должна быть учетная запись, связанная с полисом инморталитет: имя, место работы, состояние здоровья и прочая ценная информация, способная пролить свет на жизнь, смерть и воскрешение Мартики Семаланг.

Все та же Йау-Йау, чуть позже. В пяти километрах над светящейся сетью городских улиц, не помня про гравитацию; перед нею в алой ночи распахнулись три окна. Анимация была дерганая, грубая и, как показалось Йау-Йау, какая-то вымученная. В городе, населенном двадцатью двумя миллионами анхеленьо, было тринадцать тысяч номеров 1345. Сорок тысяч древних «Ниханов» все еще ездили по дорогам, и Йау-Йау не могла сузить поиски: на фотографии не было видно, в каком конкретно году выпустили эту модель. Шесть совпадений марки автомобиля и номера дома в те годы, когда предположительно сделали снимок. Теплее. Три варианта она забраковала из-за заборов. Не та долина. Хорошо пахнет. Пахнет жареным! Форсированные синапсы засекли нужное в архитектурном архиве, на микросекунду опередив маразматическую прогу. Легким движением пальца Йау-Йау совместила данные из архива со снимком.

«Корреляция 92 %», – сообщили машины неуклюжими хромированными буквами, падающими с инфракрасного неба.

– Ну и кто тут нуарный сыщик? – торжествующе вскрикнула Йау-Йау, паря над виртуальной городской сетью, как Питер Пэн.

И вышла.

Общее время, прошедшее в реальном мире: восемь целых три десятых секунды. Оптические и слуховые интерфейсы отключились. Она откинула капюшон с головы, стараясь не выглядеть чересчур самодовольной.

– Мы думаем, что адрес дома на фотографии – Энеро-Хайтс, 1345, Мишн-Оукс. Это примерно в тридцати пяти километрах к северу отсюда, за Сан-Фернандо.

– Мы?

Йау-Йау пожала плечами.

– Мы.

¹¹¹ *Буги-стрит* (полностью: «вернуться на Буги-стрит») – место, состояние или процесс, подразумевающие полный порядок и душевный покой. Забытая идиома обрела мировую известность примерно через десять лет после выхода «Некровили», в связи с песнями Boogie Street и A Thousand Kisses Deep в исполнении Леонарда Коэна (альбом Ten New Songs, 2001).

Официант вернулся с напитками. Agua mineral и «Ред Хэт». Он откупорил бутылку Йау-Йау зубами. Мартика Семаланг расплатилась plástico. Над ржавеющей крышей «Такорифико Суперика» взлетели красные ракеты и взорвались с тихими хлопками. Милые сверхновые.

– Погодите. Сеньора Семаланг, стойте. Секундочку.

Йау-Йау перехватила карточку между рукой владелицы и сканером. Официант поднял брови, дескать, что угодно, только не забудьте об оплате и propina¹¹², как положено.

– Могу я кое-что проверить? – Не дожидаясь разрешения, Йау-Йау пропустила карточку через персоналку. Нацепив лучший покерфейс из всех, что были в запасе, спросила: – Эта карточка... откуда она у вас?

– В смысле?

– На счету пять и три четверти миллиона долларов. – Официант, чье лицо также выглядело бесстрастно, мысленно пересчитал причитающиеся чаевые. – Вы хотите сказать, однажды утром некая женщина проснулась и обнаружила, что умерла и не помнит ничего ни о своей жизни, ни о смерти, но при этом у нее на маленькой черной карточке почти шесть миллионов долларов – и ей ни капельки не любопытно, откуда эти деньги?

– Я предполагала, что это вытекает из моего полиса инморталидад.

– Сеньора, только очень богатые и очень красивые получают от Домов смерти столько бабла на карманные расходы. Вы случайно в банке вопросов не задавали? И да, кстати, какой банк вас обслуживает? – Йау-Йау перевернула карточку. Разделенный на четыре части – твердь-ветер-океан-пламя – круг «Первого объединенного тихоокеанского банка». – Ерунда какая-то. Вы не можете быть их клиенткой.

– Не могу? Почему это я не могу?

– У этого банка нет отдела по работе с некроклиентурой. Так, включая режим адвоката. Решение по делу Барантеса установило, что мертвецы – простите, я цитирую – не люди, и потому им не может быть предоставлена защита и у них нет обязанностей, соответствующих человеческому – живому – праву. Дело Барантеса бьет под дых, но оно основа нашей социально-экономической системы. Финансовые секторы защищены от этого не больше, чем что-либо другое; в строгом смысле слова, будучи мертвой, вы не должны нуждаться в деньгах и иметь на них права. По принципу «в гробу карманов нет». Однако наша система нуждается в так называемой призрачной экономике: я плачу Хосе, а Хосе делится со своим домовладельцем, каким-нибудь мясным blanco¹¹³, который плавает в бассейне в Копананге, как громадный Белый кит, и с компаниями по электро- и водоснабжению, с коммунальщиками – которые, хотя все их работники мертвы, принадлежат мясным ребятам до последней заклепки, – при этом главный куш идет прямиком в пасть Дома смерти. Энергетические компании не обязаны предоставлять электроэнергию Хосе, у арендодателя нет официального договора аренды, в котором он назван арендатором; все это одно большое джентльменское соглашение. А там, где есть экономика, обязательно будут банки – они все равно что слизь на занавеске для душа. Крупные мясные банки создают независимые мертвые дочерние компании – банки-призраки, которые делают все то же самое, но официально не существуют. Наш мир зависит от незримых вещей, от символов веры и ее догматов, словно католическая Европа в период Средних веков. В основе всего – консенсус. Ибо мы договорились и решили: да будет так.

Помедлив, она прибавила:

– Но «Первый объединенный тихоокеанский банк» претендует на моральное превосходство: он не участвует в призрачной экономике, которая лицемерна по сути. Дескать, она насмехается над законностью. По правде говоря, они там все упертые пролайферы. У них в совете директоров много миллениалов-отрицателей.

¹¹² Propina – чаевые (исп.).

¹¹³ Blanco – белый (исп.).

Ирония позабавила Мартику Семаланг. Эти эмоции она выразила грациозно. В ней все было грациозным: платье, манеры, то, как она справлялась с травмой, недоступной воображению живых; все, что открывалось взгляду Йау-Йау. Воплощенная элегантность. Адвокатесса почувствовала себя неуклюжей и неженственной. Впрочем... ну да, ей нравились застёжки-молнии. Ей нравилась практичная одежда. Ей нравилась искусственная кожа. «Искусственная» – в каком-то смысле воскрешенная. Нет ничего более естественного, чем кожа. Йау-Йау снова присмотрелась к карточке.

– Могу выяснить, откуда они взялись. Эти ваши пять миллионов и три четверти.

Она увернулась от парящей в виртуальном небе Кармен Миранды и скользнула в объятия «Лестницы в небо». Чтобы проникнуть в тайны «Первого объединенного тихоокеанского банка», понадобятся могущественные фамильяры-прислужники. Замаскировавшись под дебетовую транзакцию, Йау-Йау приблизилась к банковской иконке в виде синтоистских ворот. Виртуальность опять тормозила и дергалась, разрешение упало из-за связи через персоналку, и Йау-Йау это расстроило.

Ворота-тории пропустили ее с болезненной медлительностью.

Неудивительно, что бывшие деловые партнеры Яго сбили его с корпоративного насеста. Его прога получила доступ к банковскому счету Мартики Семаланг через три целых две десятых секунды реального времени – Сим-сим, откройся! – и стала прокручивать историю транзакций в небольшом Окне событий.

Где мертвячка делала покупки?

Сколько потратила?

Что купила?

Йау-Йау достигла начального сальдо. Шесть миллионов долларов. Тихоокеанских. Настоящих. Фильтруя истинные следы от ложных, Йау-Йау проверила зарубежные транзакции. Колоссальные течения транснациональной банковской деятельности привели ее к кредитовому переводу из «Банка Пурмеренд» в Люцерне, Швейцария. Цюрихские гномы, большая семья. Неприступная, как задница кальвиниста.

– Что ж, Яго, давай посмотрим, так ли ты крут, как говоришь.

Вирткомб на несколько секунд погрузил Йау-Йау в сенсорную депривацию, пока персоналка трудилась, выбираясь из «Первого объединенного», а потом, замаскированную под рискованную сделку на международном финансовом рынке, отправил в Люцерн.

В это же самое время она продолжала сидеть за столиком на заднем дворе кафе «Такорифико Суперика» с недопитой бутылкой «Ред Хэт» и тарелкой холодных *samagónes*. Пожалуй, это весьма приятный способ вести дела...

Прибыли. «Банк Пурмеренд» представлял собой довольно старомодный и допотопный зиккурат. Швейцарский консерватизм как он есть, вплоть до иконок в виртуальной паутине. Выкинув из головы происшествие в предыдущей швейцарской пирамиде, Йау-Йау оседлала входящую информационную волну.

Отчаянное проникновение под видом трех миллионов воображаемых тихоокеанских долларов, ищущих, где бы конвертироваться, запустило срабатывание сигнализации и систем безопасности, о существовании которых Йау-Йау и не подозревала. Ну и пусть. Ее не успеют выследить, она удерет с добычей. Прога Яго выволокла из укромного местечка счет, с которого Мартике Семаланг перевели шесть миллионов долларов, и разорвала его, как обертку подарка на *Navidad*¹¹⁴.

Цифры потекли по коре головного мозга Йау-Йау; возбужденная ЦНС заметалась, усваивая, синтезируя, соединяя. Черный нал. Платежи. Перечисления. Взятки. Шесть миллионов

¹¹⁴ *Navidad* – Рождество (исп.).

Мартики Семаланг были галькой по сравнению с Маттерхорнами корпоративной коррупции. И за всем этим маячило... что же там за имя, ну...

Не переставая слышать вой сигнализации, Йау-Йау вскинула палец и ринулась вперед.

Вокруг нее взорвалась слепящая белая сверхновая, настолько яркая, что свет затронул и другие органы чувств: какофония запахов и вкусов; волна тепла, опалившая каждое нервное окончание, как будто ее окунули в расплавленную лаву; всплеск «белого шума» и крик, который, как поняла Йау-Йау, издали не кибернетические стражи «Пурмеренда», а ее собственное тело, погруженное в сенсорную агонию.

Все закончилось. Да, закончилось. Все. Закончилось. Она моргнула, узрела физический мир: нить, соединяющая персоналку с вирткомбом, расплавилась. Мартика Семаланг была рядом, заботливо предлагая стакан воды.

– С вами все в порядке, Йау-Йау? Вы внезапно закричали...

Посетители за другими столиками «Такорифико Суперика» тарасились. Йау-Йау откинула капюшон, провела рукой в перчатке по бритой голове.

– Господи. Господи боже. Со мной все в порядке. Я в норме. Кажется. Кое-кому сильно не понравилось, что я подслушивала. – Говоря это, адвокатесса поняла, что разрушительная энергия задела ее лишь краешком. Что бы – кто бы – ни нанес удар, он не знал, что она действовала на расстоянии, через медленный и некачественный канал связи. Именно техническое отставание и спасло ее. Целью нападения была черно-белая комната на бульваре Сансет. Сама мощь атаки превратила бы лестницу Пауэлла и Прессбургера вместе со всеми хитро спрятанными подпрограммами в пыль.

О Господи. Дева Мария. Твою ж мать.

Персоналка пискнула. Тектопластическая шкура разошлась и показала Эллиса: у коллеги было такое лицо, словно его только что вздрючил ангел смерти.

– Йау-Йау. О Господи. Возвращайся сюда. О Боже. Произошел несчастный случай. Трио. Господи, я не знаю... Произошел несчастный случай, ох, какой-то энергетический выброс, я в жизни не видел ничего подобного...

– Эллис! Что случилось? Расскажи мне, что произошло.

– Трио подключилась к твоей проге. Я услышал крик, понял, что-то не так. Может быть, какое-то замыкание. Я прибежал.

– Эллис. Трио. Что с ней?

– Сгорела. Как будто вирткомб перегрузило. Господи, как это могло случиться? Скорая уже в пути.

Йау-Йау отключилась. Отстраненная грация Мартики Семаланг исчезла, смытая страхом.

– В чем дело? Что случилось?

– Мне нужно идти. Несчастный случай. Ваши друзья только что подняли ставки.

– В смысле? Какие друзья?

– Те, кто заплатил вам шесть миллионов долларов, сеньора Семаланг. Корпорада «Теслер-Танос».

«Поднятая целина», режиссер Валерий Кузнец, 2012 год.

Неопубликованная режиссерская киноверсия «Красного женского отряда»¹¹⁵, созданная после площади Тяньаньмэнь.

Эти фильмы смотрели с крыш на бегущую Тринидад. Высокие каблуки. Красное платье. Серьги-шандельеры.

¹¹⁵ «Красный женский отряд» – балет (в традициях пекинской оперы) и одноименный кинофильм 1964 г., один из восьми Революционных образцовых спектаклей периода «культурной революции» в Китае.

Тринидад было все равно, куда она бежит; она не знала, куда бежит, лишь бы подальше от Сантьяго.

Демон. Монстр. Убийца.

Она оказалась на углу Где-то-стрит и Нигде-авеню, в стороне от толпы, без сил. По другую сторону оживленного перекрестка на настенном экране размером двадцать на пятьдесят вальсировал колокол космической станции из «2001»¹¹⁶, пребывая в плену у гравитации. В дальнем конце улицы как будто полыхал пожар.

Она понятия не имела, где находится. Она потерялась в некровиле, в Ночь мертвых.

(Тринидад: самый ранний, худший ночной кошмар. Возраст – четыре года. Первая поездка с Любимой Мамочкой в торговый центр. Каким-то образом хватка ослабевает, рука соскальзывает, и она остается одна во вселенной ног и голосов, «Мама, – кричит она, – мама, мама, мама!» Но посреди ног и криков никто не слышит одну маленькую девочку четырех лет от роду. Она заблудилась. Совершенно потеряна. Напугана. Все эти ноги. Все эти голоса. А потом к ней тянется чья-то рука. Ее подхватывают, сажают на плечи и несут в безопасное место, тихое место, место без ног и голосов, где добрый человек развлекает ее фокусами, пока не придет Мамуля. И когда приходит Мамуля, она прижимает Тринидад к себе и сильно шлепает, выкрикивает оскорбления в адрес волшебника, потому что он мертвый волшебник, и всем известно, что мертвые делают с маленькими девочками в возрасте четырех лет.)

Пламя из трех выхлопных труб осветило толпу, собравшуюся вокруг черного бассейна. Темная вязкая рябь блестела на свету: нефть. Задолго до того, как мертвые заявили о своем праве на перекресток Третьей улицы и Ла-Брея, тектронный нефтяной экстрактор, установленный компанией «ТежКо Гидрокарбонз», однажды ночью вышел из строя впечатляющим образом, выплавив в асфальте пятнадцатиметровый кратер, который медленно наполнился черным золотом. То, что раньше было геохимическим курьезом, теперь превратилось в святилище; святое место Укурombe-Фе, где дух Сеу Джабджаба, Принца лжи, помешивал темную жидкость. Там собралось пять-шесть сотен человек. Вопреки воле Тринидад внутренняя динамика толпы подтолкнула ее к краю нефтяного озера. Невидимые барабанщики поддерживали устойчивый праведный ритм, им помогали дабовые басы и блюзовая гитара; верующие переступали с ноги на ногу, бормоча святое имя: «Джабджаб, Джабджаб». Селектор¹¹⁷ и проповедник обменялись строками из *Chanson Saint Jacques*¹¹⁸. Эти гимны были хорошо известны Тринидад.

Побуждаемые ритмом бас-гитары и барабана, люди на краю толпы то и дело начинали танцевать. Под поверхностью нефтяного озера двигались кошмарные фигуры; руки, пальцы, головы высывались из вязкой жидкости и блестели, озаренные красными газовыми вспышками. Женщина, такая высокая и худая, что могла быть только мертвой, затряслась и сорвала с себя тесную одежду: энергия божественного электричества прошла ее синапсы. Друзья подхватили ее на руки и стали передавать по кругу. Глаза верующей были закрыты, ноги и руки плотно сжаты вместе, но губы вроде бы шевелились. Толпа опустила ее в озеро черной нефти. Женщина не издала ни звука и почти не подняла волны, когда исчезла под жидкой бархатистой поверхностью.

Селектор и проповедник вознесли хвалу друг другу, бас и барабанщики подхватили новый ритм, и собрание задвигалось иначе, покоряясь божественной воле. Тринидад обнаружила, что страх – всего лишь врата к более изысканным и глубоким эмоциям. В охоте на пахизавров была опасность, было возбуждение, но их контролировали, направляли, предупре-

¹¹⁶ «Космическая одиссея 2001 года» (2001: A Space Odyssey, 1968).

¹¹⁷ Селектор – эквивалент диджея в некоторых музыкальных стилях.

¹¹⁸ Песни святого Иакова (*фр.*). Речь идет о гимнах, которые пели паломники на Пути святого Иакова, также известном как Эль Камино де Сантьяго.

деляли. В этом вызывающем клаустрофобию котле из нефти и тел ничто не казалось безопасным или предсказуемым. Все происходило неистово. Все было дозволено. Больше всего на свете Тринидад хотелось убежать. Больше всего на свете Тринидад хотела стряхнуть с себя предубеждения, подобные потной одежде, и присоединиться к танцу.

– Мясо не умеет танцевать, если верить молве, – сказал чей-то голос. Она повернулась и увидела лицо: молодое, мужское, обрамленное дредами. Живое. – Слишком скованы жизненными запретами, чтобы по-настоящему забыться. У мертвых нет никаких запретов, ограничений, пределов, и поэтому они могут танцевать.

Новоприбывший был на голову ниже Тринидад на каблуках.

Поверхность нефтяного бассейна как будто взорвалась, когда мертвячку подняли погруженные руки. На мгновение показалось, что она стоит на черной жидкости, затем прихожане вышли на мелководье и вытащили ее на берег. Распяли на бетоне. Красный свет поблескивал на масляно-черной коже. Святая, икона, черная мадонна исчезла под копошащимися руками и языками, которые прикасались, пробовали на вкус, слизывали священную нефть.

– Она избранная?

– Одержимая. Los Caballos¹¹⁹ – *Те, на ком ездят*. Ее оседлали, ею овладели Божественные ездоки, покорители времени, пространства и квантовой вселенной. Логра – теоретически существующее человечество из будущего, когда нанотехнологии настолько развились, что позволяют манипулировать материей мироздания. Возвращаясь назад во времени, Логра реконструируют континуум с помощью своих человеческих аватаров, используя квантовые технологии для выбора наиболее благоприятного варианта среди потенциальных вселенных, которые могут разрушиться в результате определенного события. Квантовые чудеса. И вот мы имеем бассейн Ла-Брея; те, кто купаются в сырой нефти, принимают часть формирующей реальность духа Логры. После полуночи все кошки, так сказать, принадлежат Шредингеру. Конечно, все это чушь собачья. Псевдонаука. Но звучит неплохо.

На дальнем берегу озера Ла-Брея две послушницы крестили мертвеца с лицом Кларка Гейбла, окуная его в нефть. Черные капли потекли по его лицу углеводородными слезами, когда он запрокинул голову и закричал на луну.

Крик. Запрокинутое лицо. Рука, указывающая в небо.

Ночь высоко над городом вспороли параллельные полосы рубинового сияния. Пока Тринидад наблюдала, новые светящиеся разрывы пронзили небо – десять, двадцать, сорок, больше, чем она могла сосчитать. Воцарилась мертвая тишина. Весь некровиль, все двадцать два миллиона жителей Трес-Вальес хранили молчание. Los Caballos стояли по пояс в священном водоеме, уставившись в небо, с их пальцев капала черная нефть. Небо было ткацким станком с сотнями рубиново-красных светящихся нитей. Приглушенный рокот прокатился по собранию, как предчувствие грома. Он отдавался эхом, резонировал, овладевал и перерастал в гневное рычание.

– Что это, что происходит? – крикнула Тринидад.

– Пусковые лазеры, – крикнул мужчина в ответ. – Ионные следы. Орбитальная группировка пустила в ход космическое оружие дальнего действия. МИРВ¹²⁰. Микротоковые боеголовки. Гразеры, теслеры с ИИ-жокеями. Весь гребаный флот. И с достаточно большим ускорением.

– Война?

– Ты что, не слушаешь новостные каналы? Видимо, не слушаешь. Свободные мертвецы совершали набеги на орбитальные производственные платформы в течение последнего года

¹¹⁹ Los Caballos – лошади (исп.).

¹²⁰ МИРВ (MIRV) – многозарядная головная часть баллистической ракеты.

или около того. Космос принадлежит им, говорят они, и вот обе стороны собрали флоты, чтобы доказать свою точку зрения.

Порыв ветра взметнул одежду и предупредил Тринидад за мгновение до того, как обрушилась ударная волна. Жар поцеловал ее левый бок: пламя взметнулось на пятьдесят метров, на мгновение затмив орбитальный спектакль, прежде чем превратиться в жадный язык огня, мечущийся на поверхности нефтяного озера.

– Господи. Бассейн подожгли. Уходим. Они разорвут на части любое мясо, которое попадется им в руки.

Мужчина с дредами протаскивал Тринидад сквозь плотную враждебную толпу, прячась за пристройками и наружными лестницами, пока они не нырнули в относительную безопасность какого-то служебного проулка. Отвесные черные стены каменной кладки превратили небо в полосу «Синемаскопа»¹²¹ – черную, пронизанную красными лучами.

– Какой замысловатый расклад, – сказал невысокий мужчина. Он задрал правый рукав, чтобы поднести персоналку к уху. Тринидад наблюдала за огненными теньями на освещенных красным витринах.

– Сегуридадос обделались. Я слушаю их переговоры. Тройная красная тревога, чтоб ее: сканеры на воротах Сан-Висенте засекли какого-то Свободного мертвеца, когда он пытался проникнуть внутрь. Они слишком трусливы, чтобы прийти сюда и навести порядок, поэтому собираются оцепить периметр. Надеются, что без конкретной цели насилие перегорит само по себе. В общем, придется нам сидеть на низком старте, положение безвыходное. Ну почему именно сегодня? Почему, боже? С самого начала ситуация была мудреная. А теперь...

– Хочешь сказать, мы не сможем выбраться?

Жаркая ночь, но ей было так холодно в красном платье, холодно и кошмарно. Разбуди меня, мамуля, возьми в свою большую теплую постель с мускусным мужским запахом.

– Не раньше комендантского часа на рассвете. Дерьмо. Задача в самом деле трудноразрешимая.

– Трудноразрешимая задача. Мудреная ситуация. Замысловатый расклад. Господи, чувак, ты сам сказал, что началось восстание мертвецов и мы тут с ними заперты, выбраться не можем – это, по-твоему, «трудноразрешимая задача»? «Замысловатый расклад»?

Она стукнула мужчину с дредами по бедру в надежде, что это прибавит ей самой храбрости. Не вышло. Спутник ничего не заметил.

– Хорошо, что я случайно оказался рядом и спас тебя, – сказал он. – Слушай, я должен встретиться с друзьями в баре на Уиллоуби. Там может быть безопаснее. Ты забралась в дикие места, мясная девочка.

– Тринидад.

– Эмилиано Саламанка. Друзья зовут меня просто Саламанка. Друзья, возлюбленные, потерянные и одинокие.

– А кто же я, Саламанка?

– Это еще предстоит выяснить, Тринидад. Похоже, стихло. Можем удирать.

– Ты хоть представляешь, сколько мне сегодня пришлось бегать? – Она вдруг поняла, что еле сдерживает улыбку.

– Придется еще попотеть, прежде чем мы выберемся из этой передраги. – Он уже почти вышел из укрытия. – Ты идешь?

По лабиринту переулков они убрались как можно дальше от бушующей толпы, шныряя по извилистым проходам мимо лачуг и жилых капсул, прильнувших к зданиям, как паразиты.

¹²¹ «Синемаскоп» – система широкоэкранный кино, благодаря которой в 50-х гг. удалось пробудить в массовом зрителе интерес к кинотеатрам, сдававшим позиции под натиском телевидения.

На западе, со стороны Топанги, гремел гром – приближался разгул стихий, который синоптики обещали весь день.

– Кажется, направление верное, – сказал Саламанка. – Тут столько всего построили и перестроили, что старый план городских улиц полетел к чертям.

Череда улочек, извилистых, словно петли кишечника, привела их во внутренний двор, где подступила клаустрофобия. Мрачная архитектоника: сплошные ребра и кости. Зримая тьма. Где-то высоко над головой вертелись распятия кондиционерных лопастей, но они лишь перегоняли жару. Воняло гниющей растительностью и странным мускусом мертвых; линии на зернистой поверхности под ногами, почти скрытые под черным и слизистым слоем заплесневелой листвы, выдавали предыдущую инкарнацию этого места: теннисный корт.

Глаза, привыкшие к темноте, способны увидеть квантовую механику в действии. Палочки и колбочки центрального углубления сетчатки достаточно чувствительны, чтобы зарегистрировать воздействие единственного фотона. Чувствительности хватает с лихвой, чтобы отделить движущиеся тени от неподвижных.

– Черт, Саламанка...

Кто-то обступил их со всех сторон. Тринидад услышала шорох ткани и тихий крысиный писк от соприкосновения влажной кожи и прорезиненной куртки.

Вспышка голубой молнии позволила понять две и только две вещи.

Повсюду были Волки Луны, их умные глаза причудливо светились, словно угольки человечности. Саламанка стоял, вытянув руки перед собой. Он держал теслер. Оружие было нацелено прямо между глаз крупного оборотня, который преградил им путь к бегству – переулок, нарисованный черным на черном фоне.

Тринидад показалось, что в глазах человека-волка, в которого целился Саламанка, что-то мелькнуло: свет, знание, *узнавание*.

Как будто он удивился, когда увидел ее.

Волк отпрянул, но недостаточно быстро – прицел теслера соскользнул ему на грудь и застыл монохромным приговором между сосками.

Выстрел и поступок случились одновременно. Палец Саламанки нажал на спусковой крючок, рука Тринидад взметнулась и выбила оружие из нужного положения. В узком переулке вспышка была ослепительной, грохот – оглушительным. Теслерный разряд угодил в жестяную крышу и там иссяк. Волк-оборотень сбежал.

Когда они выскочили на широкую улицу, Тринидад повернулась к Саламанке.

– Они бы нам не навредили! – Она ударила его кулаком в грудь. – Никто не собирался рвать нас на части, высасывать костный мозг или натягивать шкуру с задницы на боевой барабан. Может, потрепали бы чуть-чуть, заставили прочитать один из их политических манифестов, но не сделали бы ничего плохого. Ты сам вытащил эту штуку! – Она опять его стукнула. Приятно. До чего тупой самец! – Клянусь Иисусом, Иосифом и Марией, ты собирался им воспользоваться?!

– Да! – Саламанка схватил ее за запястье, мешая ударить снова. – Конечно, собирался – зачем тащить теслер в некровиль, если ты не планируешь пустить его в ход? Устроить настоящую движуху и *Настоящую смерть*, да-да.

– Отпусти, – велела Тринидад, успокоившись. – Я не разрешала ко мне прикасаться.

Он зыркнул на нее, но повиновался. Разжимая пальцы по очереди.

– Хватит обращаться со мной как с двенадцатилетним ребенком. Я сама пойду. Не тащи меня за руку.

Во время бегства прочь от горячей нефтяной лужи, сквозь тени и страх, Тринидад в какой-то момент чуть не сломала левый каблук.

21:30 – полночь

1 ноября

Сорок пять часов. И конец.

Любовь Нуит к башням уходила корнями в детство, проведенное на страницах трехтомного собрания чудес: там были трактирные мальчики на побегушках, которые оказывались королями Потерянных Земель инкогнито, принцессы с политически современными взглядами и именами, оканчивающимися на -изель, Темные Властелины, чье зло заключалось в противостоянии абсолютной монархии и феодальной системе, а также подмастерья магов в тех самых каменных башнях, продуваемых всеми ветрами. Особенно ее интересовали подмастерья магов. Она отрабатывала роль в леггинсах и футболке вместо туники, нацепив пояс с «волшебной сумкой». Увы, в жилищном комплексе «Ресенца Хайтс» было всего-навсего четыре этажа, и охрана, помня про иски о возмещении ущерба, не позволила бы восьмилетней девочке бегать по крыше глубокой ночью.

Это ее не переубедило. Она нашла башни повыше. Мусорные башни Уоттса. Башня Койт. Лондонский Тауэр (какое разочарование). La Tour d'Eiffel¹²². Телевизионная башня в Торонто. Большая часть Манхэттена. Различные пагоды, минареты, ступы¹²³ и прочие религиозно-фаллические символы. Они оказались прекрасны, однако это были чужие башни, пропитанные чужой магией. В первые годы Разобщения она отправилась в Британскую Колумбию и построила себе башню из плавника на пляже у кромки океана. Она принадлежала ей. Это было волшебю. Она прожила там пять лет с мужчиной, который ей изменил, и никогда не была счастливее. Затем гринго приехали на север, возглавив Сдвиг, и Тихоокеанское побережье от Олимпийских гор до Алеутских островов стало одним колоссальным лагерем для перемещенных лиц, а Нуит поняла, что мужчина ее жизни все-таки полный ублюдок, и, ошеломленная больше своей глупостью – ей ведь потребовалось пять лет, чтобы обнаружить это, невзирая на его необузданную склонность к адюльтеру, – приехала на юг в город, где родилась, выучила новый язык и начала новую жизнь среди людей, в чьем культурном наследии не было места для волшебника в продуваемой ветрами башне.

До сих пор.

Греки строили храмы и театры, римляне – бани, дороги и кровавые зрелища. Поколение за поколением средневековые жители возводили соборы из дерьма во славу Божию, дожи эпохи Возрождения и князя Церкви раскидывали виллы и палаццо по всему североитальянскому побережью. Георгианцы построили элегантные особняки в стиле Палладио на фоне ландшафтной Аркадии, викторианцы – железнодорожные станции и общественные здания. Архитектура каждой эпохи воплощает дух времени.

В конце двадцатого – начале двадцать первого века строили торговые центры.

Галерея «Лос-Роблес» была Атласом среди титанов¹²⁴. Четыре квадратных километра торговой площади для сдачи в аренду, охраняемая крытая парковка на пять тысяч автомобилей. Интерьер с особым микроклиматом, экологически спроектированный с использованием новейших нанотехнологий так, чтобы включать пять (пять!) зон от сибирской тайги до тропического леса Майя – единственного тропического леса, который посетители «Лос-Роблеса», да и кто угодно еще, когда-либо видели. Величайший ассортимент качественных торговых точек,

¹²² Эйфелева башня (*фр.*).

¹²³ *Ступа (субурган)* – буддийское архитектурное сооружение.

¹²⁴ *Атлас* – титан, держащий небесный свод на своих плечах.

общепита и предоставления услуг в агломерации. Плюс полный спектр рекреационных ресурсов и развлечений для всех возрастов и социально-экономических групп.

В течение десяти лет «Лос-Роблес», эта Сука-Королева Торговых Центров, правила безраздельно, а затем появился постулат Уотсона и эпохальное следствие Теслера. Через три года торговый центр оказался заброшен, поскольку демографическая карта Трес-Вальес стремительно менялась; бассейны покрылись рифами квази-водорослей, ультрасовременное содержание экологических ниш взломало сводчатую стеклянную крышу, поскольку сбрендившая репликация запустила буйный рост. Явились разведчики-мертвецы, осторожно пробрались сквозь заросшие обломки торговой цивилизации. Находка им понравилась. Они остались. Они приручили мутировавшую тайгу, реконфигурировали буйный тропический лес, перезапустили забитые листьями эскалаторы и травелаторы и разбудили систему управления электроэнергией и микроклиматом. Они превратили торговые помещения в комфортабельные квартиры, плоские крыши – в миниатюрные огороды и фруктовые сады, парковочные места для пяти тысяч автомобилей – в многоэтажный рынок, куда каждую ночь приходили воскрешенные из Святого Иоанна, чтобы обмениваться товарами на площадках из бетона с пятнами мазута. Жилые капсулы были прикреплены к каркасу торгового центра, и из них выросли фантастические шпиль и эркеры. Лос-Роблес стал городом, Крепостью Калифорния. Точнее, еще одним городом внутри другого, вложенного в третий.

Как-то раз женщина, которая любила башни и тосковала о них, подняла глаза, когда шла по бульвару, и увидела на фоне заходящего солнца башни и шпиль своих авалонов и минастиритов. Она сказала самой себе: «Вот оно, то самое место».

Башня Нуит на пять этажей возвышалась над садами на крыше. Под ней гудел по ночам рынок, над ней – вокруг нее – простиралось небо цвета индиго. Что неудивительно, формой башня здорово напоминала эрегированный член.

Нуит никогда не водила туда клиентов. Магия утратит свою магическую суть, если запятнать ее грубой мирской суетой. Так было до Камагуэя.

Она извинилась за душ:

– Извини, он ультразвуковой, но напора не хватает, поэтому красиво помыться не выйдет.

Она добыла для него сетчатую рубашку и пару кожаных смартштанов, которые подстраивались под любой размер, скинула рабочее платье и парадные туфли и надела комбинезон из эластичного кружева.

В Башне Нуит было четыре окна, по одному на все стороны света, и каждое представляло собой круг из тектопластика в виде кошачьего глаза, с изменяющимся овальным зрачком. Теплый ночной ветер шелестел висящими букетами сухих цветов, которые украшали комнату.

– Большой пожар где-то в Ла-Брея. – Пока она говорила, в небе на востоке взорвались и исчезли десять голубых мини-сверхновых, затем еще десять, и еще. – Очешусть... Они открыли ответный огонь по Свободным мертвецам. Лазерные шоу, фейерверки, *son et lumière*¹²⁵; это война в космосе?

– Наверное, однозарядные рельсотроны, – сказал Камагуэй, стоя рядом с ней в нише у окна. – Ядерные микрочастицы приводят в действие сверхпроводящие накопители энергии в магнитном поле и разгоняют боеголовки до одной десятой скорости света за долю секунды. Где-то недалеко от Земли есть корабли-хлопушки.

– Ядерные микрочастицы. Корабли-хлопушки. Иисусе. Воспринимаем войну урывками. Люди, которые стреляют в нас – это ведь наши дети, Камагуэй. Наши дети. Почему они так ненавидят нас? Почему мясо боится их до усажки?

¹²⁵ *Son et lumière* – букв. звук и свет (фр.). Разновидность театрального искусства: представление, в котором воздействие на зрителя происходит одновременно благодаря музыке, световому шоу и особенностям площадки (как правило, архитектурной достопримечательности).

В лунном свете по небу протянулись длинные пальцы облаков, серебристые, как ножи. Передовые отряды приближающегося фронта. В темном конце улицы светился одинокий экран кинотеатра: сцена с рассечением глаза из *Un Chien Andalou*¹²⁶. Огни двигались по большому светящемуся гобелену Города мертвых; по их изменяющимся конфигурациям Камагуэй понял, что они находятся в воздухе.

– Там что-то летает, – сказал он.

Нуит прижала ладонь к груди Камагуэя, мягко, но настойчиво.

– *Quid pro quo*, сеньор Камагуэй. Нуит вытащила тебя из засады. Теперь ты расскажешь Нуит, как получилось, что приличный с виду мальчик в поисках развлечений умудрился запустить все сигнализации в округе Святого Иоанна?

– Нет, Нуит...

Она была на голову с небольшим ниже Камагуэя, но двигалась со скоростью мангуста, убивающего змею. Левая рука схватила его сзади за шею, правая – за челюсть. Медленно, очень медленно она заставила его запрокинуть голову.

– Ты видел, на что я способна, так что знай – если захочу, то могу начисто оторвать тебе башку. Это будет нетрудно и даже в некотором роде приятно.

Ее пальцы были из углеродистой стали, а давили с такой неумолимой мощностью, что все его старания казались не более полезными, чем сопротивление младенца. Сухожилия натянулись, дыхание едва прорывалось через стиснутую трахею. Позвонки скрежетали, кость о кость.

– Пожилые дамы ста двадцати с чем-то лет любят порядок и покой... ну да, иной раз они занимаются браконьерством на территории мяса, но я сама взвесила шансы и решила рискнуть, сеньор Камагуэй. – Она еще немного вывернула ему шею, и каждый миллиметр длил беспричинные муки. – Воздай мне по заслугам. *Quid pro quo*. Кто, что, почему, где.

– Я не мертвый, Нуит, – прошептал Камагуэй. – Я мясо. Плоть и кости. Живой. Ну же, ты разве когда-нибудь встречала такого некро, как я?

– Ну да, ты выглядишь не так, как положено, однако я слышала этими самыми ушами, как пограничная сигнализация трезвонит во всю мощь. И сегуридадос переполошились, и мехадоры. И им, может быть, и не любопытно, но мне любопытно. В чем причина?

– Я не знаю.

«Но я же знаю. Зачем лгать? С какой целью, раз уж правда не может сделать большее, чем есть?»

– Нуит, ты слышала о человеческом синдроме тектронной инфекции?

Стальные пальцы обратились в плоть; могучая хватка ослабла.

– Твою ж мать, Камагуэй, – прошептала она. – О господи. Чувак...

– Конечно, с таким родом занятий ты не могла не слышать. Очевидно, текторов в моем организме достаточно, чтобы датчики пришли к выводу, что я не человек. Больше не человек, Нуит, но не мертвец. Наполовину живой, наполовину мертвый. Воплощение квантового парадокса. – Он подошел к кухонному шкафу, взял нож из подставки и провел зазубренным краем от кончика большого пальца левой руки вниз, через основание ладони, к круглой выпуклости на запястье. Прикосновение лезвия было удивительно холодным и бодрящим, как купание на рассвете.

– Видишь, кровь течет? – Крупными, быстрыми каплями прямо на ее линолеум. Он опустился на колени, внимательно изучая растущую лужу. – Смотри, Нуит, смотри – их можно разглядеть невооруженным глазом. В крови. С трудом, но можно. Они, должно быть, собираются в кластеры. Кластеризация означает, что конец близок.

Нуит схватила его за запястье и заставила подставить руку под ледяную воду. Боль была яркая и холодная, как сапфир. Замечательно. Живой.

¹²⁶ «Андалузский пес» (*Un chien andalou*, 1929). Знаменитый сюрреалистический фильм Луиса Бунюэля.

– Сколько осталось, Камагуэй?
– Сорок четыре часа двадцать минут. Максимум.
– Господи, чувак... Как это... как ты... себя чувствуешь?
– Если кратко, то я свободен. Понимаешь? Меня ничто не может задеть. Ничто надо мной не властно.

– Начальства ли, власти ли, престолы ли, господства ли, ни у кого нет власти надо мной¹²⁷. Прости. Я в детстве была хорошей девочкой и посещала мессу. Ты боишься?

Он кивнул.

– Всегда кажется, что время еще есть; когда настанет час, ты будешь готов. И не испугаешься.

– Вот почему ты спросил меня у ворот, каково это – умереть.

Кивок, склоненная голова. Он отвел глаза.

– На что это похоже – умереть?

– Хочешь знать?

– Не совсем. Чего я хочу, чего я хочу больше всего, так это поговорить об этом. Рассказать кому-нибудь. Понимаешь? Говорить очень долго, в мельчайших подробностях, совершенно эгоистично, чтобы не перебивали и от души сочувствовали.

Нуит ухмыльнулась.

– Так ведь моя работа на семьдесят процентов заключается именно в этом.

Она указала на кровать. Камагуэй лег на спину, заложив руки за голову, уставившись на квазиорганические складки и ребра потолка. Нуит свернулась калачиком рядом, зажав его искалеченную руку в ладонях. Горячий ветер врывается в открытые окна, заставляя сухие цветы шелестеть. Небо затянули тучи, воздух трепетал от предчувствия грозы. Кровь Камагуэя загустела и свернулась на кухонном полу.

– Ее звали Елена. Она была единственной женщиной, которую я когда-либо любил, и я убил ее. Но не раньше, чем она убила меня. Видишь ли, у меня был риф в Палос-Вердес...

Он нашел ее у уличных ворот, когда вышел на предрассветную пробежку. Она была там всю ночь. Она была мертва.

– Вы тот человек, у которого есть сад на дне моря? – спросила она.

– Я, – сказал он. – А в чем дело?

– Я хочу эту работу.

– Ух ты. И что?

Она подняла левую руку перед его лицом и медленно растопырила пальцы. Они были перепончатыми до последнего сустава.

– Я хочу расторгнуть свой контракт, сеньор. Выкупите меня.

Теломоды были проще для мертвых, чем для живых – всего лишь вопрос деконфигурирования и перенастройки в желаемый формат, – но полная подводная адаптация, на которую намекали ее растопыренные пальцы, обошлась бы недешево.

– Кто твой нынешний подрядчик?

– «Эварт-ОзВест Майнинг», подразделение, расположенное в южной части Тихого океана.

Тьма, глубина, давление.

– Вот ублюдки, – прошипела Нуит. – Ты же знаешь, что «Эварт-Западная Австралия» стояла у истоков нынешнего парада военщины и светового шоу в небесах. У них политика

¹²⁷ Перефразированная цитата из Послания к колоссянам 1:18 («Ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано»).

такая: выкупать контракт, пока мертвец еще плавает в резервуаре. Это называется «записать в ночные вахтовики»: горнодобывающие комплексы вместе с экипажем отправляют на астероиды в виде дешевых ракет с солнечным парусом, к которым прицеплены текторные пакеты. За две секунды до столкновения они взрываются и окутывают цель облаком текторов. Корабли-хлопушки. Это не просто модный термин, придуманный каким-нибудь рекламщиком. Вот что я тебе скажу: лучше провести сто лет на улице и еще сто – на спине, чем умереть и проснуться в пятистах миллионах километрах от Земли, понятия не имея, как ты туда попал. Эти вербовщики даже не дают королевский шиллинг в качестве компенсации. Прости. Ты, наверное, еще носил подгузники, когда случились бунты на Обратной стороне и началась Война Ночных вахтовиков, но, как говорится, мертвые долго живут и ничего не забывают. Продолжай.

Еще до того, как вземное пространство было передано мятежникам с их кораблями-хлопушками и нанопроцессорами, «Эварт-ОзВест» переключилась на срединные океанские разломы, засеяв их машинами и мертвецами, переделанными для работы на глубине.

– «Эварт-ОзВест» распнут меня, если узнают, что ты подрабатываешь на стороне, – сказал Камагуэй.

– Значит, дешевле меня выкупить, – ответила женщина, ожидавшая у его ворот.

Небо за феской вождельных вилл Палос-Вердес посветлело. Первое погружение планировалось через час.

– Если все еще будешь здесь, когда я вернусь, попробую тебя испытать, – сказал он, от прохлады преисполнившись смелостью.

Она была. Он попробовал. Плывая через риф в холодной и темной глубине, Элена выглядела словно малое морское божество из Древней Греции.

– На следующий день я доверил ей первую группу туристов. К концу недели поручил бухгалтерским и юридическим прогам выкупить ее контракт с «Эварт-ОзВест». Я даже в кошмарном сне не предполагал, что будет так дорого, но к тому времени уже был чуть-чуть, а то и сильнее, влюблен в нее.

Он никогда не задумывался о том, что в обществе существуют условности относительно отношений между живыми и мертвыми. Для Камагуэя слово «привязанность» означало зазубренные крючки, которым все равно, впиваться ли в мертвую плоть или живую. Слова «некрофилия» не было в его лексиконе. В отличие от слова «любовь».

Он мучился, когда комендантский час вынуждал ее уходить в обширные общины мертвецов в Лонг-Бич и Нормандии. Он просил ее остаться; она отказывалась: один раз ей удалось обдурить мехадоров с их оружием, грозящим *Настоящей смертью*; она не станет испытывать милость святых дважды. Дом у океана казался Камагуэю большим и пустым; слишком много места и воздуха. Сияние небесного знака проникало в каждый темный уголок. Однажды ранней осенью, когда город все еще казался свежим и чистым после августовских коротких дождей, он последовал за Эленой на своей машине-трансформере. Она жила в переоборудованном трейлере, ютившемся вместе с пятьюдесятью другими под горбом заброшенной автомагистрали Терминал-Айленд. Потерянные и одинокие гипертанкеры ржавели со сломанными спинами и разбитым сердцем в приливных лагунах; ударные ограждения из цепей и охранные дроны предупреждали о выведенных из эксплуатации, но ненадежных реакторах подлодок.

– На этот раз ты пойдешь со мной, – сказал он. – Я покупаю право на проживание. Ты вернешься и останешься у меня дома.

Она не сделала ничего из того, на что он надеялся: не обняла его, не поцеловала, не раздвинула перед ним бедра, но покорно прошла к машине, где он вызывал домашние проги и позволил ей посмотреть, как проходит процедура проверки.

В ту ночь Камагуэй проснулся от тревожной пляски лунных теней и обнаружил, что Елена крепко прижимается к его боку. Она зажала ему рот рукой. Он лизнул темный V-образный разрез знака смерти на ее правой ладони. Они занимались любовью. Каждую ночь после того, как они ложились вместе, Камагуэй чутко спал, а мертвячка лежала рядом с ним, широко раскрыв глаза, и в них мелькали, как у всех воскресенных, сны наяву.

– Секс был единственной точкой соприкосновения между нашими разными представлениями о любви; секс был мостом, по которому мы могли перейти между жизнью и смертью.

Свернувшись калачиком рядом с Камагуэем, Нуит кивнула.

– Секс – это своего рода смерть. Смертность намотана на каждый изгиб нашей ДНК. Мы не умираем, нас убивает наш собственный генетический императив. Каждый сперматозоид – это пуля, каждая яйцеклетка – бомба замедленного действия. Бог не играет в кости, Бог продает подержанные автомобили.

Когда они лежали в послесвечении вечернего комендантского часа, Елена попыталась рассказать ему о характере своего опыта.

– Смерть – это ничто, даже не тьма, даже не безвременье, и все же ничто касается каждой твоей части, обволакивает каждую клетку твоего воскресшего тела: ты был мертв, ты был ничем, ты был полностью уничтожен, и теперь ты снова существуешь. Обойти это невозможно. Спасения нет. Никаких переговоров, никакого признания вины. Текторы разрушают все, к чему прикасаются. Бессмертия нет; есть смерть и воскрешение к вечной жизни. Вот почему Культ Зоопарка с его обещаниями жизни-без-смерти – такая опасная и блистательная ложь.

– Но откуда мне знать, что воскресший – это я, а не просто ходячая, говорящая, ухмыляющаяся, писающая копия меня со всеми воспоминаниями, опытом и способностями; не «я», не самость, которая все это оживляет?

– Таков твой главный страх?

– Да.

Элена притянула его к себе, обхватив голодными ногами за талию.

– Разве похоже на ходячую, говорящую, ухмыляющуюся, писающую копию?

Той ночью ему приснилось, что они занимались любовью в коралловом городе на дне моря, пока над ними бушевал зимний муссон. Китовая песня и стук двигателей автоматизированных балкеров поддерживали ритм, когда они совокуплялись среди развевающихся веев и волнистых шей псевдокораллов. В кульминационный момент Камагуэю приснилось, что плавающие шарики его семени слились с текторными полипами рифа и оплодотворили их, и, пока теплые влажные ветры с юго-запада сотрясали бумажные стены океанского дома, новое человечество вызревало в заполненных водой матках и стеклянных узлах глубоко внизу, среди якорей.

– Ты сказала, что Бог – продавец подержанных автомобилей, Нуит. Бог на целый порядок более жесток. Когда я учился в начальной школе, двух парней отстранили от занятий за то, что они отрезали коту хвост и задние лапы и бросили бедолагу в костер. Это и есть Божья жестокость, Нуит. Они орудовали ножом, Бог – родинкой. Проклятым пигментным пятном.

Камагуэй знал плоть Элены достаточно близко, чтобы быть уверенным, что раньше на ее левом плече не было родинки. Она была новая, и она росла. В течение всего марта и равноденственных штормов он наблюдал, как родинка расширяется и принимает определенную форму: овальный холмик с двумя похожими на губы складочками иссиня-черной кожи. Сначала Елена отказывалась беспокоиться об этом; позже – после того, как на «губах» появились волоски – стала увивать от разговора. В середине апреля в центральном возвышении обра-

зовалась продольная трещина. В ночь на 5 мая плоть разошлась. По-детски голубой глаз уставился на Камагуэя из впадины на левом плече Элены.

– Господи, Камагуэй... Ты понял, что это было?

– Понял.

После приступа рвоты, дрожи и транквилизаторов он спросил:

– Это ошибка репликации?

Она не ответила. Он следовал за ней по дому на утесе, задавая один и тот же вопрос снова и снова, пока она не ответила: да, это ошибка репликации.

– Сколько времени прошло с момента ее последней деконфигурации?

– Восемь, девять месяцев. Как раз перед тем, как я купил ее у «Эварт-ОзВест». Она должна была пройти новую только через шесть месяцев. По крайней мере, она так сказала. Иногда случались спонтанные ошибки репликации; беспокоиться не о чем, обычно они устранялись сами по себе.

– И ты поверил, Камагуэй?..

В начале июня у нее под ногтями на руках и ногах появились скопления черных блестящих кристаллов, которые оставляли кровоточащие царапины на его животе и спине, когда она ласкала его. В июле на ее коже проступил узор из темно-синих пятен, как на шкуре жирафа, от которых исходил сильный притягательный аромат; в августе волосы начали утолщаться, становясь похожими на змей с головы Медузы. Для Камагуэя она делалась красивее и экзотичнее с каждым отклонением. За лето он узнал, что поцелуи в глаз на плече Элены провоцировали у нее мощный и неповторимый оргазм, и сам он находил странное возбуждение в кровавой ласке хрустальных игл.

– К сентябрю мы уже не могли продолжать лгать друг другу относительно того, что происходит и как надо поступить. Но мысль о том, что Елена надолго отправится в Дом смерти и мы расстанемся, была для меня невыносима. Она была первой, кого я полюбил, Нуит. Первой и единственной. Я хотел, чтобы она была рядом. Я... отказал ей.

– Ты... что?!

– Я не освободил ее от нашего контракта, чтобы она смогла пройти деконфигурацию.

К началу октября только Камагуэй смог бы узнать в Элене женщину. Деконфигурацию больше нельзя было откладывать. Он договорился с Домом смерти, и резервуар Иисуса установили на океанской террасе. Крышка опустилась, и Елена Эрес стала супом из деконфигурированных текторов. Каждый день Камагуэй приходил и часами смотрел на неподвижный, безликий, похожий на незыблемый утес резервуар.

– Когда пошла третья неделя деконфигурации, мною овладела неведомая ранее летаргия, я потерял интерес ко всему окружающему миру. Мне даже риф наскучил. У меня пропал аппетит, появилась тошнота. Я думал, это депрессия – думал, что скучаю по Элене. Но этим дело не закончилось. Мой пульс то и дело ускорялся, мне не хватало воздуха. А по ночам мне снились сны – ох, Нуит, знала бы ты!

Медицинские проги в доме были передовые; они обдумали симптомы, проконсультировались с базами данных и экспертами от Рио-де-Жанейро до Сринагара и сообщили, что точный диагноз поставить не удалось, надо набраться терпения и ждать. Ждать!

Десять дней спустя, пытаясь помочиться, Камагуэй чуть не потерял сознание от жуткой боли, как будто в его пенис вставили стеклянный стержень и сломали. Когда его зрение прояснилось, он увидел желтую мочу, бурлящую от мелькающих микроскопических частиц.

Текторы.

Камагуэй очень, очень испугался.

Он скормил образец своей мочи компьютерным врачам. Они рассмотрели ее под микроскопом, разделили на фракции, сделали хроматографию и прочие исследования, а потом отправили результаты в систему моделирования медицинских данных в Свободном Квинсленде, которая, по их словам, была «лучшей в этой области», хотя они отказались сообщить ему, о какой области идет речь.

Стоило догадаться. Два дня спустя пришел вердикт.

– Сексуально обусловленный симбиотический человеческий инфекционный тектронный синдром – так мне сказали. Никто не стал лгать или смягчать правду. Редкий, но все более распространенный недуг, по словам специалистов. Пятьдесят случаев в прошлом году, все – живые люди, вступавшие в половую связь с воскрешенными мертвецами с просроченной декомпилированной. Бац-бац-бац. Факт за фактом, снова и снова. Ошибки транскрипции приводят к неправильной репликации тектора – он принимает форму, допускающую симбиоз с живыми клетками. Скорость превращения биологической материи в тектронную экспоненциальная, все начинается медленно, по одной клетке за раз, ускоряясь до лавинообразной трансмутации, и в конце концов жертва превращается в массу тектоплазмы.

– Всегда?

– Всегда. Смертность сто процентов.

– Черт возьми, Камагуэй... Сколько осталось?

– На момент постановки диагноза – максимум пятьдесят шесть, минимум тридцать два часа, Нуит. В среднем сорок восемь.

И вышел Камагуэй на террасу, залитую солнцем и овеванную морским ветром, криками птиц и шумом океана, и нажал он на серебряный переключатель с надписью «Слив и промывка системы» на боковой стороне резервуара Иисуса.

– Я любил ее, Нуит, и я убил ее. Но не раньше, чем она убила меня.

Пришла полная тьма. Грозовой фронт представлял собой линзу из черных облаков, обращенную к сияющему городу. В синем свете уличного кинотеатра Камагуэй изучил левую ладонь. От кровавой раны остался всего лишь длинный сморщенный рубец.

– Восстанавливается. Дело зашло дальше, чем я думал.

– Ты в некровиле, chico; смерть – это жизнь, жизнь – это смерть, свет – это тьма, тьма – это свет. Здесь может случиться все, что угодно. – Нуит поманила его с кровати в темно-синюю ночь. – Давай, чувак. Неважно, что творится у тебя внутри в биологическом смысле, ты заплатил пять тысяч баксов за ночь моих услуг. Итак, я сыграю Вергилия, а ты будешь Данте, и, возможно, за одну ночь я смогу в достаточной степени показать тебе жизнь, чтобы ты подготовился к смерти. Я все еще твой галлоглас, я обязана тебе своим существованием. Иди сюда.

Он подчинился. Улицы тряслись от грома; небесные боги бормотали над горами Санта-Моника.

– Один анатозавр, два анатозавра, – считала Нуит, пока они спускались в лифте к распустившимся ночным цветам в саду на крыше. – Четыре анатозавра, пять анатозавров. Это еще не конец. У нас есть время.

Попугаи сорвались с насестов, хлопая крыльями и хрипло вопя. По небу ползли серебристо-голубые тучи.

– Один анатозавр, два анатозавра, – крикнула им Нуит. – Давай, засранец, считай! – Гром прогремел ближе, и воздух содрогнулся. – Вот! Нормально. – Она провела ногтем большого пальца по шву и ловко выскользнула из кружевного комбинезона. – Раздевайся, ничего не получится, пока ты не разденешься. Поторопись, у нас не так много времени.

– Нуит, мы же не собираемся; я не могу...

– Нет, ничего подобного. Давай, чувак.

Дьявольская раздвоенная молния ударила куда-то между ветряных турбин на вершине хребта, нарастающий раскат грома прозвучал всего через два анатозавра. Ослепленный, ошеломленный, не понимая, почему он должен делать то, что делает, Камагуэй снял сетчатую рубашку, выскользнул из смартштанов. Нуит потянула его вниз, чтобы он лег рядом с ней на раздавленные маковые стебли.

– Всю свою жизнь я боялась гроз – это странное предчувствие смерти, понимаешь? – пока Джон Ублюдок не поделился со мной секретом на пляже в Канаде. Если гроза кричит, ты кричи в ответ. Если она кричит о смерти, кричи о жизни. Если ты чего-то боишься, если гроза пробуждает что-то темное в скорченной, крысиной части твоего мозга – крикни ей об этом.

Молния, раскаленная и синяя, пронеслась между небом и землей; миг растянулся до вечности. Контуры тела Нуит, каждый лист, безвольно обмякший в густом воздухе, хаотичный пейзаж города ангелов – все было озарено ультрафиолетом.

– Кричи! – рявкнула Нуит. – Что чувствуешь, чего боишься, все твои надежды и страхи, желания и стремления – кричи о них, Камагуэй, кричи!

Апокалиптический гром вынудил ее умолкнуть, Нуит запрокинула голову и завывала: это было проявление дерзости, великое «Я Есмь» бытия. У Камагуэя в горле застрял комок эмоций, он хотел последовать примеру Нуит. Кто «он»? Семьдесят килограммов белка, нагой, хрупкий, всецело зависящий от милосердия Громовой Птицы, которая распростерла темные крылья над городом. Он не смог излить свое нутро. Эхо в каньонах стихло. Нуит склонилась над ним и взяла его лицо в ладони.

– Сколько тебе, двадцать шесть, двадцать семь? Ты молод, ты красив, ты умрешь. Сорок восемь часов. Ни апелляции, ни пересмотра дела. Тебя обманом вычеркнули из жизни еще до того, как у тебя появилась возможность должным образом ее оценить. Как это ощущается? Ну же, Камагуэй, ты не хочешь умирать, но ты должен. Что ты чувствуешь? Каким ты себя чувствуешь?

– Сердитым, – сказал он, – обиженным...

– Да ну на хрен, Камагуэй, не лги Нуит. Выкрикни свои мысли, парень, они там, я их слышу, я вижу, как птенца в яйце. Пусть он полетит, малыш, крикни об этом, освободи его. Как ты себя чувствуешь? Каким ты себя чувствуешь?

С его кожи струился пот, теплый насыщенный электромагнетизмом воздух как будто давил на него. Камагуэй не мог говорить. Не мог дышать. Небо осветилось, силуэт Нуит склонился над ним на фоне космического серебристого экрана. Где-то совсем близко оглушительно загрохотало; гром стал его личным апокалипсисом. Гроза была прямо над ними. Первобытный ужас охватил Камагуэя; панцирь, сковывающий его душу, треснул и разлетелся на части.

– Нет! – взревел он в небо. – Нет! Нет! Нет! Нет! Нет!

Слова превратились в бессмысленный рев, который смешался с более мощным ревом грозы; голос стал каналом, по которому вся боль, страх, ярость, замешательство, сомнения и ужас перетекли в стихию, чтобы раствориться и уйти в землю в спазмах электричества среди бульваров Мертвого города.

Камагуэй лежал, тяжело дыша, под быстрыми черными тучами. Гроза высилась над ним. Он чувствовал себя сияющим, наполненным светом. Мышцы туго сжались, затем расслабились. Он ощутил, как в вышине пролетели темные бьющиеся крылья.

Капля дождя упала ему на лицо. Еще одна на живот. Две. Двадцать. Летний дождь забарабанил по листьям сада на крыше.

– Что сказал гром, Камагуэй? – Капли дождя оседали, как роса, на коже Нуит, чувственно скользили по долинам ее тела. – Не бывает так, чтобы у тебя что-то забрали и ничего не дали взамен. Так сказал Джон Ублюдок. Единственный раз, когда он мне не солгал. Что дал тебе гром?

Камагуэй обратился внутрь себя и мгновенно нашел то, что искал.

– Скорбь, – сказал он и почувствовал, что слово течет откуда-то из глубин, словно вода из погребенного источника. – О моей жизни. Обо мне. О полной, абсолютной несправедливости случившегося.

Он едва сумел договорить. Нуит обняла его, и небо разверзлось. Ливень. Дождь хлестал прильнувшие друг к другу, обнаженные тела. Прижавшись в позе зародыша к груди мертвой женщины, Камагуэй плакал солеными слезами, которые сдерживал столько лет.

Первую жертву они догнали на заброшенной съемочной площадке в окрестностях Парамаунт-Сити. Это была девушка лет шестнадцати со столетними глазами, с хитроумной смарт-кожей, сливающейся с фоном – но кожа оказалась недостаточно хитрой, чтобы ее спасти.

Они выследили ее с помощью феромонов, следуя по тем же изысканным химическим следам в воздухе, которые вели бабочку сатурнии луну через десятки километров к сексу и смерти. Они отыскивали ее в лабиринте подсобных дорог между съемочными павильонами, и она застыла в свете фар, ее кожа была в точности того же цвета, что ночь и бетон, а глаза казались двумя блестящими озерами. Это были глаза загнанного в угол зверя. При свете тысячи пусковых лазеров они поймали ее в ловушку между высокими пожарными лестницами, приперли к десятиметровому сетчатому забору с верхом из колючей ленты. Припав к земле, как кошка, девушка издала бессловесный вопль преследуемой жертвы и попыталась вскарабкаться по металлической сетке.

Обнаженная голубоватая сталь блеснула в неоновом свете. Охотники были полны сил, жертва вымоталась после бега. Ананси и Дуарте в два прыжка ее догнали и аккуратно подрезали поджилки. Она закричала – вопль боли не похож ни на какой другой человеческий крик. Кровь заструилась по прекрасной коже с рисунком из шестиугольников, но она все равно продолжала цепляться за сетку и выть, обратив лицо к недостижимым звездам, обмотанным колючей лентой.

Чтобы заставить ее спуститься, они сломали ей пальцы. Стоять она не могла, поэтому мучители ее держали. Девушка замолкла и не сопротивлялась. Ее глаза потускнели, взгляд расфокусировался; это была предсмертная апатия животного, которое понимает, что ему остались считанные секунды. Игра света на лезвии клинка Миклантекутли ее заворожала.

Миклантекутли осторожно приподняла подбородок девушки, открыла ей рот. Поцеловала ее. Кончик языка охотницы прошелся по губам жертвы.

– Я люблю тебя, – прошептала Миклантекутли.

Острие ножа уперлось в угол челюстной кости. Коротким резким рывком Миклантекутли перерезала девушке горло.

Сантьяго вскрикнул; его эмоции состояли из тридцати частей страха, тридцати частей напряжения, тридцати частей ужаса, и остаток – чистое возбуждение. Внезапный приступ тошноты закончился рвотой.

Миклантекутли присела рядом с ним на корточки, обхватила его подбородок ладонью в перчатке. От нее воняло кровью.

– Скажи мне, – прошептала она ему на ухо, – скажи правду, Сантьяго, скажи, что ты чувствуешь?

Она потерлась щекой о его висок и продолжила шептать, интимно и непристойно.

– Я понимаю, Сантьяго. Так было и со мной в первый раз. Слишком много, слишком сложно, тысяча вещей происходит в голове одновременно; и все эти эмоции, которые я никогда раньше не испытывала. Эмоции, о существовании которых не догадывалась. Позволь помочь. Ты чувствуешь ужас, да, чувствуешь отвращение к тому, что стал участником беспричинной бойни, чувствуешь страх, чувствуешь себя хрупким. Страх. Отвращение. Ужас. Тошнота. Угрызения совести. О да, Сантьяго, но больше всего ты чувствуешь себя живым. Живым, как никогда раньше. Каждая часть тебя, каждая клетка, каждый атом поет. Это самая сладкая песня, которую ты когда-либо слышал, Сантьяго, – великая песнь бытия. Первые языки человечества были песнями времен Сновидений, без слов, без смыслов – лишь «я существую, и аминь», брошенное в лицо тупому, бездушному мирозданию.

Труп остался в той позе, в какой его бросили охотники: на коленях, раскинув руки, упершись лбом в землю. Позиция мольбы, молитвы. Хитроумная кожа выпвела до матовой черноты; убитая тень. Вокруг растеклась лужа крови.

– Ты считаешь меня чудовищем, Сантьяго, но разве сам не живешь за счет смерти других? Хищник, всеядный, травоядный, неважно; твоя способность оставаться в живых зависит от чьей-то гибели. В одно отверстие входит жизнь, из другого выходит дерьмо, и все лишь ради того, чтобы содержащееся между этими отверстиями продолжало рутинное существование день за днем; эта девушка умерла, чтобы мы из обыденного вознеслись к экстраординарному. Радуйся, Сантьяго: она мертва, а ты жив. Я монстр, ты монстр, мы все монстры – так возрадуемся же в унисон.

– Ты сказала, что любишь ее, – пробормотал он.

– Миклан! – Охотники снова садились на свои мотоциклы. – Ты идешь? Анхель почуяла новый след.

– Если поторопимся, то можем еще кого-то догнать до полуночи, – крикнула бледная Анхель.

– В самом конце ты сказала, что любишь ее, – повторил Сантьяго.

Миклантекутли встала, вытирая воображаемую уличную пыль со своих штанов.

– Я действительно полюбила ее, Сантьяго. В самом конце. – Она завела мотор и крикнула ему: – Можешь идти или остаться, но часики тикают, Сантьяго, – поднят зверь.¹²⁸

Через несколько секунд в тупике осталось лишь темное существо с перерезанным горлом, молящееся собственной крови.

Ловя след в воздухе, Анхель повела стаю на запад по бульварам, которые сотрясали карнавал и политические волнения.

– О вкусах не спорят, Сантьяго, – крикнула Миклан, обращаясь к своему пассажиру на заднем сиденье. – Для Анхель главное – азарт погони. Преследование – это все, а убийство – разочарование. Анхель способна обнаружить след в концентрации одна молекула на миллион, она охотится ради той радости, которую испытывает, когда использует свои навыки, таланты, чувства. Анхель! – Она повернулась к бледной всаднице. Та ухмыльнулась в ответ. – А вот Ананси... – Лейтенант Миклан сверкнула на них глазами, обрамленными тьмой, – Ананси деятельно наслаждается болью. Для тебя боль – то, чего следует опасаться, поскольку она предупреждает о непоправимом – возможно, фатальном – повреждении организма. Но нас нельзя непоправимо повредить или уничтожить, поэтому боль преобразуется. Боль выходит за рамки простого физического страдания и открывает врата к измененному состоянию сознания. Боль – это откровение, вознесение, просветление. Та девушка в переулке умерла – уж поверь мне, Сантьяго, – в ужасных муках. Испытывая чудовищную боль. Но кто знает, каких высот достигло ее сознание, прежде чем раствориться в великом сиянии? Текторы не спят, Сантьяго, и прямо сейчас те же процессы, которые извлекли всех нас из смерти, залечивают ее раны,

¹²⁸ Цитата из пьесы У. Шекспира «Генрих V» (пер. Е. Бируковой).

восстанавливают тело, пробуждают разум и воспоминания – она будет помнить. Помнить боль, медленное умирание, но вместе с тем то, что нашла за пределами боли, на границе смерти.

Крепко прижатый к спине Миклан, обтянутой искусственной кожей, Сантьяго вздрогнул; какое-то темное, нечистое, холодное течение в горячем штормовом ветре искало и нашло его.

– Ананси сделала из боли религию. Ты мог бы назвать ее трансцендентальной садомазохисткой. Она считает большим благословением получать, а не отдавать, такое вот извращенное Священное Писание. Она просто чокнутая гадина, лапушка моя, но я люблю ее. Ананси!

Та взмахнула рукой в перчатке и поцеловала ночной воздух.

– А ты, Миклан? – сказал Сантьяго ей на ухо. – Что ты получаешь от этого?

– Любовь, – ответила она. – Разве можно творить подобную мерзость ради чего-то еще? Анхель покрутила кулаком в воздухе и остановилась. Отряд окружил ее.

– Потеряла след? – спросила Миклан. Через несколько сотен метров на улице пульсировал и колыхался край ночной вечеринки. Анхель раздраженно развела руками, глядя на ряженных гуляк. – Но жертва здесь была?

Анхель кивнула.

– Гребаная «Шанель»... – проворчала она, сморщив нос. – Ненавижу этим заниматься. Унизительно. Мясо, а ну возьми мой мотоцикл.

Сантьяго оседлал теплую кожаную обивку. В цилиндрах машины что-то урчало.

Анхель опустилась на четвереньки и прильнула к земле. Закрыв глаза, провела лицом в нескольких миллиметрах над асфальтом. Рука взметнулась. Пальцы нетерпеливо щелкнули: «Ну же, ну же, я не могу так стоять всю ночь!» Байки выстроились за нею, два, два и один, а потом Анхель бросилась скачками по улице. Толпа расступилась – наполовину одурманенный эндорфиновым всплеском охоты Сантьяго решил, что мертвецы танцевали что-то вроде «желе блон»¹²⁹. Бледный призрак Анхель витал между парами, увлеченными подсчетом танцевальных па.

– Что происходит, черт возьми? – спросил пьяный голос, когда Сантьяго ехал мимо.

– Эй, *cher ami*, – прошептали в ответ, – если ты не дурачок, то знаешь, что надо закрыть свой *bouche*¹³⁰ на замок, повстречав Ночную охоту.

Анхель на мгновение замерла, потом выпрямилась и указала на крышу жилого дома, частично закрытую киноэкраном, на котором доисторические бипланы сражались над Монсом ради славного «Голубого Макса»¹³¹. Она взобралась по ржавой пожарной лестнице по две ступеньки за раз, на миг схватилась за парапет, втянула воздух носом, а затем заскользила по плоским крышам, по каменным перекрытиям, перепрыгивая через промежутки между зданиями с непринужденной легкостью призрачного гиббона, обитателя древесных крон. Охотники последовали за ней.

– Скажи мне, Сантьяго, – Миклантекутли позволила Дуарте занять лидирующую позицию, чтобы самой отступить и потратить немного времени на поддразнивание своего спутника, – разве она не красивейшая из всех? Знаешь, когда женщины больше всего любят мужчин? Когда те поглощены делом. Когда их внимание полностью сосредоточено на работе, и они настолько захвачены ею, что забывают об особом мужском самосознании, которое и является корнем мужского тщеславия. Вы забываете о чистоте бытия. Один старец, греческий православный богослов, как-то раз сказал мне – это было еще в моей христианской фазе, задолго до того, как мы познакомились, – что дерево, будучи деревом, существует и поэтому поклоняется

¹²⁹ «Желе блон» (*Jole Blon*; букв. «милая подружка», *искаж. фр.*) – популярный кадзунский вальс; каджуны – франкоязычное национальное меньшинство, проживающее на территории Луизианы, Техаса и Миссисипи.

¹³⁰ *Cher ami* – дорогой друг; *bouche* – рот (*фр.*).

¹³¹ «Голубой Макс» – фильм 1966 г. о немецких летчиках времен Первой мировой войны, известный красочными сценами воздушных боев. «Голубой Макс» – неофициальное название ордена «За заслуги» (высшей боевой награды Пруссии тех времен), получить который стремится главный герой.

Господу. Он называл это таинством истины. Святостью бескорыстного бытия. Такова природа красоты Анхель: там, наверху, она делает то, для чего была создана, пребывает в гармонии с тем, для чего ее придумали. Мысль и действие – единое целое. Вся охота – это акт любви. Отождествление с преследуемым, слияние менталитетов – преследователя с преследуемым и наоборот, – пока они не станут одним разумом; неизбежность капитуляции; изящество казни. Любовь как таковая – это охота. Ты впервые чувствуешь запах, отделяешь жертву от стада, медленно ее преследуешь, все сильнее вкладываешься в погоню – жаждешь настичь, загнать в угол, – за которой следует неизбежная капитуляция, символический выпад и удар. Я действительно полюбила ее, эту девушку. Я познала ее дух, Сантьяго. Я преследовала ее, я охотилась за ней, я стала с ней единым целым. И я слилась с ней в любовном экстазе куда более интимном и глубоким, чем позволили бы наши биологические причиндалы. Она не сопротивлялась, не отбивалась, потому что любила меня. А я любила ее и не смогла сдержать удар.

– Миклан! – Остановившись на краю парапета, Анхель раскинула руки и покачала головой.

– В смысле? – крикнула Миклантекутли, задрав голову. Спорадические вспышки пламени, невидимые с уровня тротуара, озаряли Анхель адским сиянием. Она изобразила указательным пальцем аккуратное пикирование.

– Интересно, – задумчиво проговорила Миклантекутли. – Он не мог знать, как далеко погоня, так почему же позволил себе эти пять – десять? – минут, чтобы собраться по частям? – Ее взгляд заметался между зданиями. – Они пожертвовали пешкой. Бросили игрока волкам, рассчитывая собрать нас всех вместе и изменить ход игры.

– Изменить?.. – повторил Сантьяго, но Дуарте его перебил:

– Тогда мы что, бросим его?

– Если бы на нашем счету было три очка, я бы сказала «да». Но два...

– Но ты говорила, если они поймают нас вместе... – неловко вмешалась Ананси.

– Они могут быть Бледными всадниками, но мы – Ночные охотники. Дуарте!

Бритоголовый афрокитайский мертвец нацепил панорамные очки, оснащенные датчиками, и медленно просканировал окрестности, воспринимая более широкий спектр, чем обычный человек.

– Анхель!

Бледная девушка шутливо отсалютовала командирше и шагнула с высоты в двадцать метров.

Сантьяго закричал.

Сантьяго все еще кричал, когда через полторы секунды она упала на улицу с громким хлюпающим звуком.

Существо, похожее на павшего ангела, лежало распятое в луже собственных телесных жидкостей; разбитое, расквашенное. Сантьяго и не знал, что способен так долго кричать.

– Да! – воскликнул Дуарте. Белые зубы сверкнули под панорамными очками, похожими на бандитскую маску. – Система распознавания образов меня пугает, – продолжил мертвец, и в его глазах мелькали цифры. – Диапазон и пеленг верные – нам надо *туда*.

Ангелоподобное существо застонало и приподнялось на растопыренных пальцах, вставая из собственных руин.

– Ананси, Асунсьон, Дуарте, найдите обходной путь и перекройте конец улицы, – приказала Миклантекутли. – Он будет знать, что вы там, но, черт возьми, он ничего не сможет с этим поделать.

Ананси вытащила из набедренной кобуры пистолет с длинной рукояткой, действуя с вальяжным видом человека, который от возможности пустить в ход эту штуку получает кайф не хуже, чем от «синего бархата».

Морщась, кривясь и задыхаясь, Анхель приподнялась и встала на колени. Темная псевдо-кровь мертвых запятнала ее платье цвета слоновой кости; на глазах у Сантьяго бледные рубцы исчезли, как тени в тумане; что-то выпирало из-под лилейной кожи, двигалось – вероятно, кости вставали на положенное место. Она понюхала воздух.

– Он где-то за домами справа от тебя, Миклан.

Западный ветер взметнул обесцвеченные волосы. Сантьяго вернул ей байк.

Смерть и жизнь. На протяжении нескольких секунд до того, как текторы переключились в режим восстановления после травмы, она была мертва. Она добровольно шагнула с крыши навстречу смерти и возродилась. Холодный, порывистый ветер пронесся по улицам, гоня авангард из бумажек и прочего мусора. Провода под током пели, как эолова арфа. Господи, он живой. Спасибо тебе, Иисусе.

Миклантекутли взглянула на свой антикварный «Ролекс», когда Сантьяго забрался на мотоцикл позади нее.

– Черт. Давайте быстрее, нам пора, ребята.

Дождевая капля ужалила Сантьяго в лицо, как ледяная игла. Еще одна. Очередь. Он стряхнул поразительно холодную жидкость.

Снова выстрел. Еще один. Очередь. Мимо. Слабенько. Дождь не лупил по ним, демонстрируя мужскую удаль, а шлепал с деликатностью леди.

– Приготовились! – крикнула Миклантекутли, но двигатель Анхель уже завелся. За окнами по всему бульвару вспыхнул свет, задергались жалюзи. Кто-то выскочил из темной пасти переулка, ведущего по ту сторону правого ряда высоких, опутанных кабелями многоквартирных домов. Мужчина. Молодой. Волосы до пояса взметнулись на ветру, пока он дико озирался, ища спасения или укрытия. Хитроумная камуфляжная кожа попыталась замаскироваться под свет от уличного фонаря и забрызганный дождем асфальт, но задача оказалась со звездочкой.

– О, мое прекрасное дитя... – прошептала Миклантекутли себе под нос.

Тучи разверзлись.

В то же мгновение юноша увидел два байка.

Хлынул ливень.

Он попытался убежать. Поскользнулся на мокром тротуаре, за что-то схватился и не упал – рванул прочь, вскинув руки, работая ногами, не смея оглянуться.

– Мой! – завопила Миклан, и ее мотоцикл рванулся следом за желанной целью в облаке брызг.

Протянув руку назад, она вытащила длинный изогнутый клинок из ножен, закрепленных под правым бедром Сантьяго, и задела его ухо, когда развернула клинок острием к слившемуся в размытую полосу асфальту. Посыпались раскаленные голубые искры, раздался визг.

Парнишка услышал. Остановился. Обернулся. Раскинул руки. Мотоцикл несея прямо на него. Миклантекутли плавным движением подняла клинок. Удар «мен» по правилам кендо, один из самых виртуозных приемов. Лезвие держат строго горизонтально. Цель удара – обезглавить.

Парнишка закрыл глаза, на его залитом дождем лице проступил блаженный экстаз.

И тут «Ролекс» на запястье Миклантекутли звякнул – один раз, потом два.

Дзинь-дон.

Она сдвинула руку с оружием. На долю сантиметра. Лезвие скользнуло в нескольких миллиметрах от левой стороны головы жертвы. Миклантекутли бросила мотоцикл в занос. Ослепленный брызгами и дождем, Сантьяго вцепился в лица резиновых демонов на спине бывшей любовницы и ценой немалых усилий не свалился с сиденья.

Парнишка стоял, улыбаясь. Его волосы прилипли к телу, кожа была в разводах, как поверхность грозовой тучи. Он очень медленно поклонился, продолжая улыбаться, и захлопал

в ладоши – тоже медленно. Миклантекутли спешила. Дождь струился по ее одежде из кожи и латекса, когда она тоже поклонилась обнаженному парню.

– Спасен в последний миг, – улыбнулась она. – Пусть и мне так повезет в следующий раз.

Она отдала все свое оружие: заточенный о мостовую жуткий клинок, нож, которым перерезала горло девушке, пять сюрикенов из разномастных нагрудных карманов с застежками-молниями, болас из моноволокна с грузилами в виде хромированных черепов, прикрученный к правой лодыжке поверх ботинка. Все это ложилось на мокрую и пестреющую отражениями мостовую с такой неторопливостью, словно Миклан священнодействовала во время мессы или играла роль на сцене театра Но.

Остальные тоже сдавали оружие, которым пользовались во время Охоты.

Вдалеке что-то взревело; крик проклятого в Ночь мертвых.

– Что вы делаете? – спросил Сантьяго. – Я не понимаю.

– Поймешь, – рявкнула Ананси.

Миклантекутли взмахнула кулаком в воздухе и крикнула своим братьям и сестрам, Ночным охотникам:

– Лады, ребята! По коням! Поднят зверь!

Снаружи кафе «Посада» на Уиллоуби-авеню представляло собой типичный для некровиля плод союза новогодней елки и испанской католической миссии. Внутри неф, алтарь, хоры и клуатры, а над ними – куполообразная крыша из прозрачного тектопластика. Большую часть пространства занимали огромные растения в горшках, между которыми втиснулись элегантные чугунные столики, выкрашенные в белый цвет. Тропические птицы попискивали и издавали длинные трели, макаки спускались по стволам или хорошо скрытым колоннам, чтобы порыться под столами и набить защечные мешки. Голубой ара поднял хвост, хихикнул и нагадил в двадцати сантиметрах от носка поврежденной туфли Тринидад. Стены были украшены любопытными фресками со скелетами в сюртуках и свадебных платьях; пеоны, бегущие с *zócalos* в невнятном ужасе от странных огней в небе.

Каждый квадратный сантиметр свободной площади был занят теми, кто скрылся от ночи веселья и грандиозного разврата, которая с катастрофической внезапностью сделалась опасной. Кто-то прикрепил рулонный экран к поперечине между двумя опорами крыши; встревоженные симулякры-ведущие новостного канала пытались не утонуть в потоке событий.

Молодая женщина – почти подросток, как предположила Тринидад, – подбежала к Саламанке, сияя от возбуждения. Копна выющихся черных волос, симпатичное лицо (первый номер в любом каталоге теломодов), но кое-где проглядывал подкожный жир, с которым ей предстоит бороться до конца своей мясной жизни.

– Саламанка! Саламанка! – взвизгнула она. – У них корабли! Я слышала по новостному каналу, разве это не фантастика?

Саламанка, так она его называла. Кем она была – другом, возлюбленной или потерянной и одинокой? Или просто еще одной бедняжкой-беспризорницей, нуждающейся в спасении?

Ведущий на экране растворился в сияющем синевом изображении фрагмента земной поверхности. Океаническая часть: под спиралями облаков виднелась расплывчатая эмблема «Кока-колы», образованная морскими текторами, выделяющими краситель.

Внезапная вспышка сверхновой озарила экран в правом верхнем углу. Послышались вздохи и разрозненные одобрительные возгласы. Что-то состоящее то ли из тени, то ли из драгоценных камней, но в основном из изящных солнечных парусов кувырком пролетело через кадр. За первым объектом последовали другие.

– Истребители, – сказал Саламанка. – Разгоняются при трех g до сверхскоростей и пытаются внедрить дефрагментаторы в системы самовосстановления хлопушек. Двадцать миллисекунд боевого времени, три месяца сенсорной депривации в ожидании, пока орбитальная меха-

ника доставит их домой кружным путем. – Казалось, его заворожил павана огней на экране. – В основном это дети лет двенадцати. Подключенные к виртуализаторам в режиме реального времени. Они могут выдержать ускорение и развить нужную скорость. Их хватает на восемь, максимум десять месяцев. Им устанавливают помпы с усилителями миелина, из-за скорости. Я помогал разрабатывать боевые проги... было дело.

«Когда?» – подумала Тринидад.

Фотохимическое мерцание быстро перешло в инфракрасный диапазон.

– Однако одним ублюдком меньше, – сказала высокая женщина средних лет с безжалостно зачесанными назад волосами.

– Сомневаюсь, – сказал Саламанка. – Эти корабли – немногим больше, чем электромагнитные катапульты, встроенные в сердечники из льда и железоникелевого сплава; они должны были переработать сырье в ореол приманок и отклоняющих устройств задолго до того, как достигли дальней околоземной орбиты. Я бы не ставил деньги на «Диких ласок»¹³².

Вторая короткая вспышка сверхновой осветила небо. Третья, четвертая, пятая – они распределились пологой дугой, пересекающей светящийся терминатор Земли.

– Господи, – выдохнул Саламанка. – Истребители. Их сбили. Им крышка. – Он стоял, уставившись на экран, где картинку поспешно сменили на свежие кадры из Парижа: снятые с воздуха беспорядки в некровиле Ла-Дефанс. Оставалось лишь воображать крики детей, сгорающих на границе с космосом. В небесах нельзя воскреснуть. Даже Адам Теслер не в силах зачерпнуть пригоршню плазмы и вылепить из нее человека. – Самоубийство. Гребаное самоубийство...

– Эй, Саламанка. – Малышка с вьющимися волосами осторожно потянула его за руку. – Не ляпни что-нибудь, из-за чего у нас у всех будут проблемы.

Девушка – Саламанка представил ее как Розальбу – подвела их к столику под высоким рожковым деревом, увитым фикусом-душителем. Розальба встала позади престарелой женщины с такими голубыми глазами, каких Тринидад еще ни разу в жизни не видела. Рука девушки покоилась на спинке кованого стула, на котором сидела женщина, в собственнической манере, говорившей о защите, признательности, уважении. Мать, бабушка, возлюбленная? В обществе серристок столько же гендеров, сколько холмов в округе.

¹³² «Дикие ласки» (Wild Weasels) – подразделение ВВС США, предназначенное для борьбы с зенитно-ракетными комплексами противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.